

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ
БАРАБАНЫ ЗОМБИ

Лучший образец городской фэнтези, соединивший в себе
эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publishers Weekly

Джим Батчер
**Архивы Дрездена: Кровавые
ритуалы. Барабаны зомби**
Серия «Звезды новой фэнтези»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67148089

*Архивы Дрездена: Кровавые ритуалы. Барабаны зомби: Азбука,
Азбука-Аттикус; СПб.; 2022
ISBN 978-5-389-20920-6*

Аннотация

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»...

С вампирами у Гарри всегда были проблемы. А тут еще старый друг Дрездена вампир Томас просит его расследовать череду убийств кинозвезд, совершившихся на рабочей площадке прямо во время съемок. Но почему обычное вроде бы, не связанное с магией дело вызвало такой интерес в вампирских кругах Чикаго? Вот и Гарри в недоумении («Кровавые ритуалы»)...

Маг и некромант Кеммлер, казненный за множество преступлений по приговору Белого Совета магов, хоть и предан законной смерти, но Слово его живет. И тот, кто первым доберется до манускрипта, который Кеммлер оставил миру, и совершит чудовищный ритуал, описанный в нем подробно, получит власть над мертвыми и живыми («Барабаны зомби»)...

Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Кровавые ритуалы	7
Благодарности	8
Глава 1	9
Глава 2	35
Глава 3	42
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	74
Глава 7	91
Глава 8	108
Глава 9	118
Глава 10	129
Глава 11	140
Глава 12	153
Глава 13	171
Глава 14	178
Глава 15	193
Глава 16	203
Глава 17	212
Глава 18	232
Глава 19	244
Глава 20	254
Глава 21	276

Глава 22	296
Глава 23	304
Глава 24	324
Конец ознакомительного фрагмента.	325

Джим Батчер
Архивы Дрездена:
Кровавые ритуалы.
Барабаны зомби

Jim Butcher

BLOOD RITES

Copyright © 2004 by Jim Butcher

DEAD BEAT

Copyright © 2005 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Кровавые ритуалы

Посвящается вам, мои племянницы и племянники: Крейг, Эмили, Денни, Элли, Габриэль, Лори, Анна, Майки, Кейтлин, Грета, Фостер, а также Младенец-Имя-Которому-Еще-Придумают. Надеюсь, когда вы подрастете, станете получать от чтения не меньше удовольствия, чем ваш дядя.

Благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить многих людей за их постоянную поддержку, поощрение и терпение, которых они не жалели лично для меня. Это Джун и Джой Уильямс из «Баззи мультимедиа», редактор Джен, агент Джен, специалист по контрактам Джен и разные другие Джен, по которым я скучал. Это люди из электронной почты Макэнелли, жители приюта «Бета-Фу», художники, которые поделились результатами своего творческого вдохновения со мной и другими ценителями. И наконец, все критики, которые обратили внимание на мою работу; даже самые негативные отзывы стали ценным пиаром, и я очень благодарен всем вам за то, что нашли время выразить свое мнение о прочитанном.

Безусловно, следует упомянуть членов моей семьи и их постоянную поддержку – или, по крайней мере, терпение. Теперь, когда я вернулся в Индепенденс, вокруг меня большое число родственников, которые столько для меня делают, что всего и не перечислить, но я хотел поблагодарить вас всех за вашу любовь и энтузиазм. Я счастливый парень.

Как всегда, те, кого я упомяну особо, – это Шеннон и Джей-Джей. Они живут здесь. Они этого заслуживают. Как и наша болонка Фрост, которая заботится о том, чтобы мои ноги не мерзли, пока я пишу.

Глава 1

Дом горел, и в этом не было моей вины. Честно. Башмаки мои скользили по кафельному полу, так что мне пришлось сбавить скорость, сворачивая за угол. Двери уже маячили впереди – спасительный выход из заброшенного школьного здания на юго-западной окраине Чикаго. Пыльный вестибюль освещался лишь с улицы, и у дверей пустых классных комнат стекались густые лужи черноты.

В руках я держал покрытый замысловатой резьбой деревянный ящик, от веса которого у меня уже начинали ныть плечи. В свое время я схлопотал в оба по пуле, так что нытьё усталых мышц быстро сменилось тупой болью. Чертов ящик был тяжел даже без учета его содержимого.

Внутри ящика, скуля и повизгивая, перекатывались от стенки к стенке с десятков маленьких щенков – серых с черным, с торчащими ушками. Один из них, ухо которого – очевидно, в силу походов на стороне кого-то из его породистых предков – торчало не вверх, а вбок, был явно то ли храбрее, то ли глупее своих сестер и братьев. Он единственный дотянулся передними лапами до края ящика, высунул мордочку наружу и, глядя большими темными глазами куда-то мне за спину, разразился рычаще-пискливым лаем.

Я прибавил скорости. Мой черный кожаный плащ хлопал по ногам. Потом я услышал свистящий звук и, как мог, виль-

нул влево. Пылающий шар из какой-то зловонной дряни, с виду напоминавшей смолу, просвистел мимо, ударился об пол в нескольких ярдах от меня и расплескался лужицей голодного огня. Я попытался обогнуть его, но башмаки явно делались в расчете на спокойную ходьбу, а не на бег по пыльной плитке. Ноги мои уехали вперед, и я упал.

Насколько мог, я контролировал падение, так что приземлился на пятую точку и некоторое время продолжал движение спиной к огню. На какую-то секунду мне стало довольно жарко, но зашитые в мой плащ обереги не дали ему, а заодно и мне загореться.

Еще один огненный шар устремился в мою сторону; я и увидеть-то его едва успел. Дрянь, из которой был сделан шар, как напалм, липла ко всему, на что попадала, и полыхала со сверхъестественным неистовством – несколько стальных стеллажей только что сгорели на моих глазах в труху.

Шар угодил мне в левую ключицу и, скользнув по защищенному заговорами плащу, размазался по стене у меня за спиной. Я инстинктивно дернулся, потерял равновесие и выронил ящик. Пухлые щенки с протестующим визгом высыпались на пол.

Я оглянулся.

Демоны-хранители напоминали бы безумных лиловых шимпанзе, если бы не пара черных как смоль крыльев, выроставших из-за плеч. Трое из них каким-то образом ускользнули от моего тщательно наложенного парализующе-

го заклęcia и теперь преследовали меня по пятам, нагоняя с каждым скачком и взмахом черных оперенных крыльев.

На глазах у меня один из них присел, сунул руку между кривыми ногами и... не вдаваясь в подробности, скажу только, что вооружился он тем боеприпасом, который с таким успехом используется приматами в зоопарках. С пронзительным воплем обезьянодемон швырнул его в меня, и уже в воздухе тот воспламенился. Пришлось низко пригнуться, чтобы это зажигательное дерьмо не врезалось мне в нос.

Я сграбастал щенков, бесцеремонно сунул их в ящик и побежал дальше. Шимпадемоны разразились злобным воем.

Писклявый лай за спиной заставил меня оглянуться. Маленький кривоухий щен властно расставил пухлые лапы и встречал приближающихся демонов возмущенным лаем.

– Черт! – рывкнул я и дал задний ход.

Ближняя обезьяна прыгнула на щенка. Я сделал рывок, достойный первой лиги, поскользнулся, полетел ногами вперед, но все-таки извернулся и четко врезал каблуком демону в шнобель. Меня трудно назвать тяжеловесом, но ростом я выше шести футов, да и сложения по меньшей мере среднего. В общем, удар вышел вполне ощутимый: демон взвыл, отлетел назад и врезался спиной в металлический шкаф для одежды, оставив на нем вмятину в несколько дюймов глубиной.

– Глупый маленький пушистик, – буркнул я, возвращая щенка в ящик. – Вот поэтому я и держу кота.

Впрочем, щенок меня не слушал, а продолжал свою тираду.

Я увернулся еще от двух огненных какашек и снова рванул к выходу. Коридоры и вестибюли наполнялись дымом, и я закашлялся. Там, откуда я бежал, уже сделалось светло от пожирившего ветхие стены огня.

Добежав до двери, я на мгновение притормозил, чтобы открыть ее бедром.

Что-то повисло у меня на спине, и цепкие пальцы дернули голову за волосы назад. Чертов шимпадемон принялся злобно кусать меня в шею и ухо – больно кусать. Я сделал попытку стряхнуть его, но он держался крепко. Зато я увидел второго демона, нацелившегося на мое лицо, так что мне пришлось отпрянуть, избегая столкновения.

Я отпустил ящик и руками попытался сорвать демона со спины. Он взвыл и укусил меня за руку. Вскрикнув от боли и досады, я развернулся и изо всех сил бросился спиной вперед на ближайшую стену. К сожалению, шимпадемон явно знал уже подобную тактику. В последнее мгновение он отцепился от моих плеч, и я врезался затылком в шеренгу металлических шкафов.

Секунду-другую я ничего не видел из-за вспыхнувших у меня в глазах ярких звезд. Когда зрение наконец прояснилось, я увидел демонов, с двух сторон устремившихся к ящику со щенками. Оба швырнули в ящик по горящему комку, и деревянные стенки занялись.

На стене висел древний огнетушитель, и я схватил его. Тот демон, что висел только что у меня на спине, снова бросился в атаку. Я двинул предохранителем огнетушителя ему по носу, разбив оба – и нос, и предохранитель, – перехватил красный цилиндр и окатил резной ящик белой пеной. Огонь погас, не успев разгореться, а я тем временем, чтобы не терять заряда зря, выпустил остаток струи в двух оставшихся демонов, залепив им физиономии пеной. Потом схватил ящик, выволок за дверь и тут же захлопнул ее за собой.

Дверь содрогнулась от пары ударов, а потом наступила тишина.

Задыхаясь, я опустил взгляд на полный скулящих щенков ящик. Из-под хлопьев белой пены на меня смотрели несколько влажных черных носиков и глаз.

– Адские погремушки! – прохрипел я. – Вам, ребята, крупно повезло, что брату Вану так необходимо заполучить вас обратно. Если бы он не уплатил половину вперед, я бы сейчас сидел в этом ящике, а вы бы меня несли.

Ответом стало оживленное повиливание десятка хвостиков.

– Вот балбесы, – буркнул я и, перехватив ящик поудобнее, потащил его на стоянку.

Я одолел примерно половину расстояния, когда стальные двери старой школы со скрежетом слетели с петель. Изнутри послышался громкий басовитый рык, а потом на крыльцо вывалился еще один шимпадемон – только размером с Кинг-

Конга.

Этот был фиолетового цвета. С крыльями. И вид он имел изрядно разъяренный. При росте никак не меньше восьми футов он весил, должно быть, раза в четыре, если не в пять больше, чем я. На моих глазах еще две мелкие крылатые обезьяны вылетели из дверей и, столкнувшись с Конгом, просто-напросто слились с ним. Конг при этом потяжелел фунтов на восемьдесят и увеличился в размерах. Черт, да это уже не Конг был, а Годзилла какая-то! Вот оно в чем дело: изначальная толпа демонов-хранителей, должно быть, избежала моего связывающего заклятия, объединив всю свою энергию в едином теле.

Конгзилла развернул крылья, вполне подходящие для небольшого самолета, и прыгнул на меня. Неправильно это: не должна такая злобная махина перемещаться с такой легкостью и, я бы сказал, изяществом. Впрочем, обладая, помимо профессии чародея, смежной профессией сыщика, я повидал на своем веку немало злобных тварей – изящных и не очень. И опыт научил меня чрезвычайно эффективному – можно сказать, безотказному – способу общения с большими и опасными монстрами.

Тикать.

Со всех ног.

До стоянки и ожидавшего меня там «Голубого жучка», моего старого доброго потрепанного «фольксвагена», оставалось не больше тридцати или сорока ярдов, а я при необхо-

димости – имея хороший стимул – способен развивать очень даже неплохую скорость.

Конг взревел. Это меня весьма стимулировало.

Послышался грохот, как от взрыва авиабомбы средней мощности, и вспышка красного огня затмила на мгновение свет ближних уличных фонарей. Еще один огненный шар ударил в мостовую в нескольких футах от меня и разорвался, как пушечное ядро времен Гражданской войны, выщербив здоровую – как раз гроб поместится – воронку. Исполинский демон взревел, пронесся надо мной на своих черных крыльях и заложил вираж, заходя в новую атаку.

– Томас! – заорал я. – Заводите машину!

Пассажирская дверца отворилась; из нее высунулся неправдоподобно красивый молодой темноволосый человек в обтягивающих джинсах и кожаном пиджаке на голое тело и уставился на меня поверх круглых очков с зелеными стеклами. Потом взгляд его скользнул куда-то мне за спину, и он разинул рот.

– Да заводите же, мать вашу! – рявкнул я.

Томас кивнул и нырнул обратно в «жучок». Тот кашлянул, вздрогнул и ожил. Зажглась уцелевшая фара, Томас врубил передачу и вырулил на улицу.

Какое-то мгновение мне казалось, будто он вознамерился меня бросить, но он притормозил, чтобы я смог догнать его. Перегнувшись через пассажирское сиденье, он распахнул правую дверцу. Я поднажал еще немного и запрыгнул в

машину, едва не выронив при этом ящик. Все же мне удалось благополучно затащить его в салон – за какое-то мгновение до того, как колчеухий щен подтянулся к краю ящика, явно намереваясь вернуться в бой.

– Что это, черт подери, такое? – закричал Томас. Осенний ветер, врывавшийся в опущенные окна машины, трепал его шикарные черные кудри до плеч, так что ему то и дело приходилось смахивать их с лица. – Что *это*, Гарри?

– Гоните же... потом объясню, – прохрипел я.

Ящик со скулящими щенками я сунул на заднее сиденье... вернее, туда, где ему полагалось находиться, а сам достал жезл и высунулся в окно чуть не на две трети – так, что сидел на опущенном стекле, изогнувшись, чтобы сподручнее было целиться жезлом в демона. Я сконцентрировал всю свою волю, всю свою магию, накачивая ее в жезл, и конец его засветился зловещим алым цветом.

Я уже приготовился было разрядить в демона огненную струю, когда тот набрал новую пригоршню своего зажигательного дерьма и швырнул в нашу машину.

– Берегись! – завопил я.

Должно быть, Томас тоже увидел это в зеркале заднего вида. «Жучок» вильнул как безумный, и огненный шар ударил в асфальт, лопнув с грохотом, от которого повывлетали окна по обе стороны улицы. Томас обогнул припаркованную у тротуара машину, вылетев на газон, и едва справился с управлением. Машину тряхнуло, и я потерял равновесие. Я

уже прикидывал, есть ли у меня шанс, грохнувшись на землю, ничего себе не сломать, когда Томас ухватил меня за лодыжку. Он не только удержал меня, но и втащил обратно в машину с такой силой, которая потрясла бы любого, не знающего, что на самом деле он не человек.

На этот раз он продолжал придерживать меня за ногу, и, когда демон спикировал на нас снова, я наставил на него жезл и рявкнул:

– Fuego!

Струя белого огня сорвалась с конца моего жезла и прочертила вечернее небо, на мгновение ярко осветив улицу. При такой тряске я почти не сомневался, что промахнусь, но – против всех ожиданий – огненный разряд угодил Конгзилле точно в пузо. Тот завопил и, вильнув, врезался в землю. Томас, крутанув баранку, выехал с газона обратно на мостовую.

Демон уже поднимался.

– Тормозите! – рявкнул я.

Томас ударил по тормозам, и я снова едва не превратился в размазанную по обочине пиццу. Я цеплялся что есть силы, но восстановить равновесие сумел, только когда демон уже встал на ноги.

Выругавшись от досады, я приготовил новый заряд и как мог точнее прицелился.

– Что вы делаете? – воскликнул Томас. – Вы же его остановили и ранили; бежать надо!

– Нет, – огрызнулся я. – Если мы оставим его так, он будет набрасываться на всех, кто ему подвернется.

– Но не на *нас* же!

Я пропустил его реплику мимо ушей и накачал в жезл столько энергии, что от него начали подниматься струйки дыма.

А потом вlepил заряд Конгу прямо меж глаз.

Огонь ударил его с силой чугунной чушки, которой ломают дома. Голова демона разом превратилась в фиолетовое облачко, от которого во все стороны полетели алые искры. Признаюсь, красивое вышло зрелище – любо-дорого смотреть.

На самом-то деле у демонов, являющихся в мир смертных, настоящего тела нет. Они создают его видимость – как одежду. Пока сознание демона обитает в созданном им теле, оно ничем не отличается от настоящего, материального. Однако, оставшись без головы, даже Конг не способен поддерживать тело необходимой энергией. Несколько секунд тело еще дергалось на земле, а потом застыло, на глазах превращаясь в растекающуюся грудку слизи – эктоплазмы, материи из Небывальщины.

От накотившего облегчения у меня закружилась голова.

И я мешком плюхнулся обратно на сиденье «жучка».

– Прошу прощения за настырность, – выдохнул Томас, тактично выждав с полминуты. – Что. Черт. Подери. ЭТО. Было. Такое.

Я сидел, глядя перед собой в ветровое стекло и пытаюсь перевести дух. Потом перегнулся через спинку проверить, в порядке ли щенки и ящик. Они оказались в порядке, и я снова сел прямо, закрыл глаза и вздохнул.

– Шень, – произнес я наконец. – Китайские духи. Демоны. Способны менять форму.

– Господи, Дрезден! Да из-за вас меня едва не угробили!

– Не говорите ерунды. С вами все в порядке.

Томас нахмурился:

– Могли бы хоть предупредить!

– Я и предупредил, – возразил я. – Я сказал вам у Мака, что подброшу вас до дому, только надо заехать по дороге по одному делу.

Томас нахмурился еще сильнее:

– «По делу» означает заправить бак бензином, забежать в маркет за пакетом молока или еще что-то подобное. Это не означает спастись бегством от летающей фиолетовой гориллы-пиромана, которая швыряется в тебя зажигательным дерьмом.

– В следующий раз захватите с собой пушку.

Он испепелил меня взглядом:

– Куда мы теперь?

– В аэропорт.

– Зачем?

Я махнул рукой в сторону заднего сиденья:

– Вернуть моему клиенту похищенную собственность. Он

хочет как можно скорее вернуться с ней в Тибет.

– Вы больше ничего не забыли мне сказать? Какие-нибудь там вомбаты-ниндзя или еще чего?

– Я хотел, чтобы вы увидели, на что это похоже.

– О чем это вы?

– Ну же, Томас! Вы ведь ни за что не пришли бы к Маку просто посидеть и поболтать. Вы богаты, у вас связи, вы, в конце концов, вампир, мать вашу. Наверняка добрались бы домой как-нибудь и без моей помощи. Взяли бы такси, лимузин вызвали или какую-нибудь девицу охмурили бы: вам это раз плюнуть.

Хмурое выражение лица у Томаса разом исчезло, сменившись лишенной выражения маской.

– Да? И правда, кой черт я здесь делаю?

Я пожал плечами:

– Ну, вряд ли вы здесь затем, чтобы напасть на меня. Я так думаю, вы хотели поговорить.

– Какова сила мысли! Шерлок Холмс отдыхает!

– Так вы издеваться будете или говорить все-таки?

– Угу, – кивнул Томас. – Мне нужна помощь.

Я фыркнул:

– Помощь? Вы что, забыли, что формально мы в состоянии войны? Чародеи против вампиров. Слышали об этом?

– Ну, если вам так больше нравится, можете сделать вид, будто я выбрал особо изощренную тактику проникновения во вражеский стан, – ухмыльнулся Томас.

– Так-то уже лучше, – согласился я. – А то, понимаете, обидно: я, можно сказать, развязал войну, а вы не желаете помогать мне по части поддержания враждебности.

Он расплылся в улыбке:

– Готов поспорить, вы все гадаете, на чьей я стороне.

– Ничуть, – фыркнул я. – Вы на своей собственной.

Улыбка сделалась еще шире. Улыбка у Томаса из разряда тех ослепительно-белозубых, от которых трусики у девиц испаряются сами собой.

– Несомненно. Но я ведь оказал вам кое-какие услуги за последнюю пару лет.

Я нахмурился. Правда ведь, он помог мне несколько раз, хотя я и не знал почему.

– Угу. И что?

– Что? Теперь моя очередь. Я помогал вам. Теперь я жду платы.

– Ага. И чего вы от меня хотите?

– Мне хотелось бы, чтобы вы занялись делом одного моего знакомого. Ему нужна ваша помощь.

– Ну... со временем у меня сейчас хреновато, – замялся я. – Надо же и на жизнь зарабатывать.

Томас стряхнул с тыльной стороны ладони в окно кусок обезьяньего напалма.

– Вы называете это жизнью?

– Вообще-то, работа обычно составляет заметную часть жизни. Может, вам доводилось слышать о такой штуке... на-

зывается «работа»? Тогда смотрите: вот что бывает, когда вам то и дело приходится биться лбом о разные стены до тех пор, пока вам не заплатят... и то меньше, чем полагалось бы. Вроде как в этих японских телевизионных играх, только славы никакой.

– Плебей! Я же не прошу вас поработать за так. Он оплатит все как положено.

– Ха! – просветлел я. – И с чем ему нужно помочь?

Томас нахмурился:

– Он полагает, что кто-то пытается его убить. Я думаю, он прав.

– Почему?

– В его окружении уже случились две подозрительные смерти.

– А именно?

– Два дня назад он послал водителя, девушку по имени Стейси Уиллис, положить в машину сумку с клюшками для гольфа: хотел пройти несколько лунок до ланча. Уиллис открыла багажник, и ее искусал до смерти пчелиный рой, каким-то образом поселившийся в лимузине за то время, что ей потребовалось, чтобы пройти от машины до дома и обратно.

Я кивнул:

– Угу. Тут не поспоришь. Зловеще подозрительно.

– На следующее утро его личный помощник, молодая женщина по имени Шейла Баркс, попала под потерявшую

управление машину. Мгновенная смерть на месте.

Я поджал губы:

– Ну, на слух тут ничего особенно странного.

– Дело в том, что она в это время каталась на водных лыжах.

Я моргнул:

– Тогда какого черта там делала машина?

– Ехала по мосту над водоемом. Пробила ограждение и рухнула прямо на нее.

– Ух. Есть соображения, кто за этим стоит?

– Никаких, – вздохнул Томас. – Думаете, это энтропийное проклятие?

– Если так, то слишком неуклюжее. Зато чертовски сильное. Экие мелодраматические смерти вышли...

Я еще раз оглянулся проверить, как там щенки. Они сбились в пыльную куча-мала и дрыхли. Колчеухий щен дрых на самом верху. Он сонно открыл глаза, предостерегающе рыкнул на меня и снова уснул.

Томас тоже оглянулся на ящик:

– Славные какие пушистики. Откуда они взялись?

– Сторожевые псы какого-то монастыря в Гималаях. Кто-то стырил их там и привез сюда. Двое монахов наняли меня, чтобы я вернул их обратно.

– Что, неужели у них там в Тибете собак не хватает?

Я пожал плечами:

– Они полагают, что в крови этих собак сохранились гены

фу.

– Фу... это, кажется, что-то вроде эпилепсии?

Я фыркнул и, высунув руку в окно, опустил ее ладонью вниз.

– Монахи считают, что они ведут род от божественной собаки-духа. Небесного духа-хранителя. Собаки фу. Они уверены, что потомство этих собак уникально.

– А это так и есть?

– Откуда мне, черт возьми, знать, приятель? Я всего лишь специалист по поиску и возврату того, что пропало у клиентов.

– Еще в некотором роде чародей.

– Мир велик, – вздохнул я. – Невозможно знать все.

Некоторое время Томас молчал под шуршание шин и взрыкивание раздолбанного мотора.

– Э... вас не обидит, если я спрошу, что случилось с вашей машиной?

Я огляделся. Признаться, интерьер моего «жучка» и впрямь несколько отличался от стандартного «фольксвагена». Обшивка сидений исчезла. Собственно, исчезла и подкладка. То же относилось к коврикам на полу и тем частям приборной панели, что были сделаны из дерева. Оставалось, конечно, немного пластика – винила там или полиуретана, – и все металлические детали тоже никуда не делись, однако все остальное безжалостно ободрали, не оставив и клочка.

Конечно, я в меру сил подремонтировал кое-что с помо-

щью нескольких саморезов, проволоки, дешевых ковриков из супермаркета «Уолмарт» и нескольких катушек изолянта. Это придало моей машинке этаким постмодернистский дух; точнее, она смотрелась как произведение художника-авангардиста, выполненное из обломков, которые остались после обмена ядерными ударами.

С другой стороны, теперь внутри моего «жучка» очень чисто. Черт, я же говорю, что мой стакан наполовину полон!

– Плесенные демоны, – сказал я.

– Вашу машину слопали плесенные демоны?

– Вроде того. Их вызвали из гнили, что наверняка водилась у меня в салоне, и они использовали всю органику, какую смогли здесь найти, для создания своих тел.

– Так это вы их вызвали?

– Черт возьми, нет, конечно. Подарочек от одного грубияна, с которым я имел дело пару месяцев назад.

– Я не слышал, чтобы у вас были громкие дела этим летом.

– Жизнь-то не останавливается, приятель. И моя жизнь не вся состоит из сражений с полубогами и воюющими потусторонними народами, из отгадок разных тайн прежде, чем они меня успеют укокошить.

Томас выгнул бровь:

– Ну да, она состоит еще из плесенных демонов и зажигательных обезьяньих какашек?

– Что я могу сказать? Раз уж слово «магия» кончается на «ия», приходится и мне этим заниматься.

– Ясно. Эй, Гарри, можно спросить у вас еще кое-что?

– Полагаю, да.

– Вы правда спасли мир? Я имею в виду, спасали два последних года подряд?

Я пожал плечами:

– Вроде того.

– Говорят, вы уколошили принцессу фэйри и остановили войну между Летом и Зимой, – сказал Томас.

– По большей части я спасал собственную задницу. Просто так случилось, что мир тогда оказался примерно в том же месте.

– Да, такое в страшном сне не привидится, – кивнул Томас. – А эти жуткие парни-демоны в феврале?

Я покачал головой:

– Они выпустили на волю довольно жуткую заразу, но это продлилось недолго. Они надеялись, что все это разрастется в один славный апокалипсис. Понимали, что шансы невелики, но попытались все равно.

– Как в лотерее, – предположил Томас.

– Пожалуй, да, похоже. Этакая лотерея геноцида.

– И вы их остановили.

– Я помог сделать это и остался при этом в живых. Впрочем, хеппи-энда не вышло.

– Почему?

– Мне не заплатили. Ни за то дело, ни за другое. На горящем обезьяньем дерьме я зарабатываю больше. Это непра-

вильно, но это так.

Томас усмехнулся и покачал головой:

– Все равно не понимаю.

– Чего?

– Зачем вы занимаетесь всем этим.

– Чем – этим?

Он поерзал на остатках водительского сиденья.

– Воплощением Одинокого Рейнджера. Всякий раз, когда вы ввязываетесь в какую-нибудь историю, вам квасят физиономию в кровь, а зарабатываете вы на этом столько, что едва сводите концы с концами. Живете в маленькой темной и холодной дыре. Один. У вас нет ни женщины, ни друзей, и ездите вы на этой помойной жестянке. Жалкая жизнь.

– Вы действительно так считаете? – спросил я.

– Говорю то, что вижу.

Я рассмеялся:

– А вы как думаете, зачем я этим занимаюсь?

Он пожал плечами:

– Все, на что хватает моей фантазии, – это что вы либо полны какой-то мазохистской, закоренелой ненависти к себе, либо просто с катушек съехали. Версию неслыханной тупости всерьез рассматривать не будем из уважения к вам.

Я продолжал улыбаться:

– Да вы меня совсем не знаете, Томас. Ни капельки.

– Мне кажется, это не так. Я видел вас в сложных обстоятельствах.

Я пожал плечами:

– Да, видели – и что? День или два из целого года? И как правило, когда что-нибудь вот-вот убьет меня, раскатав в труху.

– И что?

– А то, что в остальные триста шестьдесят три дня в году моя жизнь совсем другая, – сказал я. – Вам про меня почти ничего не известно. Моя жизнь не сводится к магическому мочилову или творческой пиромании по всему Чикаго.

– С последним не поспоришь. Я слышал, несколько месяцев назад вы еще и в Оклахому мотались. Что-то там связанное с торнадо и Национальной лабораторией по изучению ураганов.

– Так, оказывал мелкую услугу новой Летней Леди – преследовал одного неотесанного штормового сильфа. Пришлось помотаться там в этих багги, в которых охотятся за торнадо. Видели бы вы лицо водителя, когда до него дошло наконец, что как раз торнадо-то нас и преследует.

– Славная история, Гарри, но о чем это все говорит?

– Только о том, что вы не имеете ни малейшего представления об изрядной части моей жизни. Скажем, у меня есть друзья.

– Охотники за монстрами, оборотни и говорящий череп.

Я покачал головой:

– Не только. К тому же мне нравится мое жилье. Черт, да если уж на то пошло, мне нравится моя машина.

– Вам *нравится* эта... эта груда металлолома?

– Ну, внешне она, конечно, не слишком впечатляет, зато на нее можно положиться. Старая боевая кляча.

Томас снова поерзал на прикрывавшем пружины коврик.

– Знаете, вы просто вынуждаете меня всерьез задуматься о третьей причине. О неслыханной тупости.

Я пожал плечами:

– Мы с «жучком» умеем надирать задницы. В меру сил наших четырех цилиндров, но умеем.

Лицо у Томаса вдруг утратило всякое выражение.

– А что насчет Сьюзен?

Хотелось бы мне хранить вот такое бесстрастное выражение лица, когда я злюсь. Хотелось бы, но получается неважно.

– А при чем тут она?

– Вы за нее переживаете. Вы позволили ей стать частью вашей жизни. Она пострадала из-за вас. Она попала в лапы всякой дряни и едва не погибла. – Он смотрел прямо перед собой, на дорогу. – Как вы живете со всем этим?

Я начал было злиться, но взял себя в руки. Я покосился на профиль Томаса, высвеченный светофором, – он изо всех сил старался казаться бесстрастным, делая вид, будто его ничего не трогает. Из чего следовало: что-то трогает его, причем очень. Он думал о чем-то, чрезвычайно для него важном. И я догадывался о чем. О ком.

– А как Жюстина? – спросил я.

Лицо его совсем превратилось в маску.

– Это не важно.

– Ладно. Но все-таки – как Жюстина?

– Я вампир, Гарри. – Он произнес это ледяным голосом, однако не совсем уверенно. – Она моя подру... – Голос его чуть дрогнул, и он попытался скрыть это, слегка закашлявшись. – Она моя любовница. Пицца. Вот как.

– А-а-а, – кивнул я. – Знаете, а мне она нравится. Еще с тех пор, как шантажом заставила меня помогать вам тогда, на маскараде у Бьянки. Это требует смелости.

– Угу, – буркнул он. – Это у нее есть.

– Вы с ней давно встречаетесь?

– Четыре года, – сказал Томас. – Почти пять.

– А еще кто-нибудь был за это время?

– Нет.

– «Макдоналдс», – произнес я.

Томас удивленно повернулся ко мне:

– Что?

– «Макдоналдс», – повторил я. – Я люблю перекусить в «Макдоналдсе». Но даже если бы я мог себе это позволить, я бы не стал пять лет подряд обедать только там.

– О чем это вы? – спросил Томас.

– Да яснее ясного – о чем. О том, что Жюстина для вас не только пицца.

Он снова повернулся ко мне и долгое мгновение на меня смотрел. Выражение лица его сделалось совсем уже отстра-

ненным, глаза – не по-человечески бесстрастными.

– Пища, – сказал он. – Что же еще?

– Почему это я вам не верю? – заявил я.

Томас все смотрел на меня, и взгляд его похолодел еще сильнее.

– Сменим тему. Вот прямо сейчас.

Я подумал и решил не искушать судьбу. Он так старался не выдать своих чувств, что я невооруженным глазом видел, сколько всего кипит в нем. Если он не желает говорить об этом, не стоит терзать его дальше.

Черт, если уж на то пошло, мне и не хотелось на него давить. Конечно, Томас – хитрозадый, скользкий тип, вызывающий у подавляющего большинства собеседников желание прикончить его. И раз у нас с ним столько общего, он против воли вызывает у меня некоторую симпатию. В общем, я не стал загонять его в угол.

С другой стороны, так недолго и забыть о том, кто он такой, а вот этого я себе позволить никак не могу. Томас – вампир Белой Коллегии. Они не пьют кровь. Они питаются эмоциями, чувствами, черпая с ними из своей жертвы жизненную энергию. Насколько хватает моих познаний, лучше всего для этого подходит секс; поговаривают, что их брат способен соблазнить даже святого. Я видел раз, как Томас начал кормиться, и то, что было в нем нечеловеческого, завладело им целиком. Оно превратило его в ледяное, прекрасное, белое, как мрамор, воплощение голода. Не самое, в общем,

приятное воспоминание.

Конечно, Белые представляют собой куда менее значительную силу, нежели Красные, да и организованной агрессивности у них на порядок меньше. Нет у них и подавляющей, наводящей ужас энергии Черной Коллегии. Зато они лишены обычных, присущих остальным вампирам слабостей. Солнечный свет не представлял для Томаса никакой угрозы, и, насколько я мог судить, кресты и прочие священные символы тоже не особо его пугали. Однако же то, что из всех вампирских Коллегий они менее всего отличаются от людей, не делает Белых менее опасными. Собственно, на мой взгляд, в некотором роде они представляют собой куда более серьезную угрозу. Скажем, я хорошо знаю, что делать, когда какая-нибудь покрытая слизью сволочь из адских закоулков бросается мне в лицо. Не так просто оставаться на чеку, имея дело с кем-то, столь похожим на меня самого.

Кстати, напомнил я себе, все идет к тому, чтобы я согласился помочь ему и взялся за работу так, словно Томас – обычный клиент. Возможно, это не самый умный поступок из всех, что я делал. Который вполне может привести к смертельно опасным последствиям.

Он снова замолчал. Я остывал после беготни, драки, воплей и всего такого, и в машине становилось до неуютного холодно. Я поднял стекло, отгородив салон от свежего осеннего воздуха.

– Ну, – произнес он наконец. – Так вы поможете мне?

Я вздохнул:

– Мне и в одной машине-то с вами не полагалось бы находиться. У меня и без того хватает проблем с Белым Советом.

– Ну и дела, чтобы ваши да вас не любили! Поплачьтесь мне в жилетку!

– Смейтесь, смейтесь, – буркнул я. – Как его зовут?

– Артуро Геноса. Он кинопродюсер. Основал новую компанию.

– Он-то сам подозревает что-нибудь такое?

– Вроде бы да. Он, вообще-то, нормальный, но здорово суеверен.

– Почему вам хотелось бы, чтобы он обратился ко мне?

– Ему нужна ваша помощь, Гарри. Если ему не помочь, сомневаюсь, что он доживет до следующей недели.

Я нахмурился:

– Энтропийные проклятия – дело опасное, даже когда они действуют узконаправленно. А тем более когда лупят наудачу, как эти. Пытаясь отразить их, я буду рисковать своей задницей.

– Я для вас тоже рисковал.

С минуту я обдумывал все это.

– Ладно, – сказал я наконец. – Ваша взяла.

– Я, кстати, с вас за это денег не просил.

– Ладно, – повторил я. – Я поговорю с ним. Но никаких гарантий. Только если я возьмусь за дело, вам придется заплатить мне за это – поверх того, на что раскошелится этот

ваш Артуро.

– Вот, значит, как вы возвращаете долги.

Я пожал плечами:

– Не хотите – вылезайте из моей машины.

Он покачал головой:

– Идет. Получите вдвойне.

– Нет, – сказал я. – Я не про деньги.

Он выгнул бровь и уставился на меня поверх своих пилонских очков.

– Я хочу знать почему, – продолжал я. – Хочу знать, почему вы мне помогали. Если я возьмусь за дело, вы должны мне об этом рассказать.

– Вы же мне все равно не поверите.

– Я назвал условия. Хотите – принимайте, хотите – нет.

Томас нахмурился, и несколько минут мы ехали молча.

– Хорошо, – сказал он. – Заметано.

– Отлично, – кивнул я. – По рукам?

Пальцы его показались мне ужасно холодными.

Глава 2

Мы приехали в аэропорт О'Хара. Я встретился с братом Ваном в часовне международного терминала. Это был невысокий жилистый азиат в просторном балахоне цвета заходящего солнца. Лысая голова блестела, как бильярдный шар, мешая точно определить возраст, впрочем, к уголкам глаз и губ сбегались морщинки, как это бывает у людей, которые часто улыбаются.

– Мисс сэр Дрезден, – просиял он, когда я вошел, держа в руках ящик со спящими щенками. – Наш маленькие собачка подарить вы нам!

По части английского брат Ван уступал даже мне с моей латынью, а это кое-что да значит, однако мимика не оставляла сомнений в его настроении. Я улыбнулся в ответ и с легким поклоном вручил ему ящик:

– Мне было приятно.

Ван принял ящик, очень осторожно поставил его на пол и еще осторожнее стал перебирать его содержимое. Я терпеливо ждал, оглядываясь по сторонам. Маленькая часовня на деле представляла собой обыкновенное пустое помещение, пространство для медитации – чтобы любой верующий, во что бы он там ни верил, мог найти себе место почтить свою веру. В часовне перекрасили стены и постелили на пол синий ковер вместо бежевого. У дальней стены соорудили новый

подиум, окруженный полудюжиной рядов мягких скамей.

Должно быть, такое количество крови не могло не оставить следов, сколько ее ни отмывай.

Я осторожно ступил на то место, где старик отдал свою жизнь, чтобы спасти мою. Я испытывал грусть, но без горечи. Доведись нам пройти это заново, и он и я сделали бы тот же выбор. Жаль только, наше знакомство длилось совсем недолго. Не каждый способен научить тебя чему-то из области веры, не сказав об этом ни слова.

Брат Ван нахмурился, увидев запорошившую щенков от головы до хвостиков белую пыль, потрогал ее пальцем и осторожно понюхал.

– Упс, – сказал я.

– А, – закивал брат Ван. – Упс. Хорошо, упс.

Он снова заглянул в ящик и нахмурился.

– Что-то не так? – осведомился я.

– Есть это все один маленькая собачка здесь лежать?

Я пожал плечами:

– Здесь все, что находились в здании. Не знаю, забирали ли они кого-нибудь до моего прихода.

– Хорошо, – повторил брат Ван. – Меньше лучше есть, чем ничего. – Он выпрямился и протянул мне руку. – Спасибо есть вам большой от мой братья.

Я обменялся с ним рукопожатием:

– Всегда пожалуйста.

– Я спешить рейс домой самолет.

Ван порылся в складках балахона, достал конверт, передал мне, еще раз поклонился, взял ящик со щенками подмышку и вышел.

Я пересчитал монашеские деньги, – возможно, это кое-что говорит о моем цинизме. Я выставил им очень даже неплохой счет, – в конце концов, мне пришлось сначала определить личность чернокнижника, похитившего щенков, потом выследить его и черт знает сколько слоняться вокруг, чтобы узнать, во сколько он обычно отправляется перекусить. У меня ушла целая неделя – по шестнадцать часов в день – на то, чтобы вычислить тщательно замаскированную комнату, где держали щенков. Меня попросили также вернуть щенков, поэтому мне пришлось сначала опознать стороживших их демонов, а потом вывести формулу заклятия, которое нейтрализовало бы их без побочных последствий – например, не спалив при этом к чертовой матери всю школу. Упс...

Короче, все это, вместе взятое, принесло мне пару славных, пухлых таких пачек Бенов Франклинов. Я посчитал всю уйму часов, ушедших на выслеживание, и добавил процент за разработку сложного заклятия. Конечно, знай я заранее про зажигательные какашки, содрал бы с них больше. В конце концов, за риск тоже надо платить.

Я вернулся к машине. Томас сидел на покатом капоте «жучка». Он не позаботился отогнать его на стоянку, оставив «жучок» торчать прямо посередине зоны погрузки-разгрузки.

ки подъезжающих машин. Дежурный коп явно подошел с целью проучить нарушителя, но так случилось, что дежурный коп оказался довольно-таки привлекательной женщиной, а Томас – он и есть Томас. Когда я подошел, ее форменная фуражка красовалась на его голове, сдвинутая под заливчатским углом, а девица-коп громко смеялась над какой-то его шуткой.

– Эй, – сказал я. – Поехали-ка. Дел невпроворот.

– Увы, – вздохнул он, снимая с головы фуражку и с легким поклоном возвращая законной владелице. – Если, конечно, вы не хотите меня арестовать, Элизабет?

– Как-нибудь в другой раз, – улыбнулась та.

– Эх, не повезло, – заметил Томас.

Она еще раз улыбнулась ему, потом перевела взгляд на меня и нахмурилась:

– Вы, случайно, не Гарри Дрезден?

– Угу.

Девица кивнула, надевая фуражку:

– Я так и решила, что это вы. Лейтенант Мёрфи говорит, вы неплохой парень.

– Спасибо.

– Это не комплимент. Очень многие недолюбливают Мёрфи.

– Ах, да что вы говорите! – ухмыльнулся я. – Я сейчас просто покраснею от лести.

Девица сморщила носик:

– Что это за вонь такая?

Я постарался сохранять невозмутимое выражение лица:

– Горелые обезьяньи какашки.

Секунду-другую она настороженно смотрела на меня в ожидании подвоха, потом закатила глаза. Тем не менее она отошла на тротуар и двинулась прочь от нас. Томас спрыгнул с округлого носа «жучка» на мостовую и бросил мне ключи. Я перехватил их в воздухе и полез на водительское место.

– Ладно, – сказал я, когда Томас уселся рядом. – Где мне лучше переговорить с этим вашим парнем?

– Он устраивает сегодня небольшую вечеринку для своей съемочной группы на Золотом Берегу. Напитки, танцы, закуски, все такое.

– Закуски, – мечтательно произнес я. – Я в деле.

– Только обещайте не набивать карманы арахисом и печеньем.

Томас назвал мне адрес шикарного многоквартирного здания в нескольких милях к северу, и я тронул «жучок» с места. На протяжении всей поездки Томас молчал.

– Здесь направо, – сказал он наконец и протянул мне белый конверт. – Отдадите это охране.

Я свернул туда, куда он показал, и опустил стекло, чтобы протянуть конверт охраннику, сидевшему в небольшой будке при въезде на стоянку.

Чуть писклявый, клокочущий рык послышался откуда-то прямо из-под моего сиденья. Я вздрогнул.

– Это еще, черт возьми, что такое? – спросил Томас.

Я подъехал к будке и затормозил. Навострив свое магическое чутье, я попытался нащупать им источник продолжающегося рычания:

– Вот дерьмо! Похоже, это один из...

Какой-то липкий, тошнотворный холод коснулся моих чувств, лишив меня дыхания. Вместе с ним на меня нахлынул призрачный запах склепа – зловоние затхлой крови, гниющей плоти. Я застыл, пытаюсь найти его источник.

Тот, кого я принял за охранника, был вампиром Черной Коллегии.

Внешне он казался молодым человеком. Черты лица показались мне знакомыми, хотя разложение мешало опознать его точно. Роста он был небольшого. Смерть превратила его в гротескную пародию на человека. Глаза застилала белесая пленка; клочки мертвой плоти сползали с его тронутых тлением губ, прилипая к пожелтевшим гнилым зубам. На голове торчали похожие на пересохшую траву волосы, между которыми зеленело что-то вроде мха или лишайника.

Он рванулся ко мне с нечеловеческой стремительностью, но мои чародейские чувства успели подать тревожный сигнал, и я отдернул руку, не дав ему схватить меня за запястье.

Он успел поймать меня за рукав самыми кончиками пальцев. Я дернул руку, однако сил даже в пальцах у вампира оказалось больше, чем у меня в плечах, так что мне пришлось напрячься как следует, чтобы высвободиться. Я вскрикнул;

довольно жалкий вышел звук – перепуганный, резкий.

Вампир не отставал, змеиным движением выскользнув из окна будки. Я вдруг с ужасом сообразил, что, если он схватится со мной врукопашную в машине, меня придется потом выскрести по частям из металлолома.

Сил избежать этого у меня явно не хватало.

Глава 3

Похоже, по части реакции Томас все-таки уступал мне, потому что нападавший успел залезть в машину по плечи, когда он наконец выдохнул: «Дьявольщина!»

Я с размаху заехал вампиру Черной Коллегии в лицо левым локтем. Причинить ему боль я не мог, но это подарило мне драгоценную секунду. Я добавил еще, своротив ему скулу набок, а другой рукой тем временем отчаянно зашарил в стоявшем на полу между сиденьями, прямо за ручником, ящичке. Там у меня хранилось единственное оружие, способное помешать мертвецу-вампиру растерзать меня в клочья. Черный вампир впился в меня своими костлявыми, когтистыми лапищами. Не будь мой плащ укреплен охранительными заклятиями, он запросто вырвал бы сердце у меня из груди, однако толстая, да еще и заговоренная кожа продержалась секунду-другую, позволив мне изготавиться к контратаке.

Вампиры Черной Коллегии известны ровно столько времени, сколько помнит себя человечество. В их распоряжении немереное количество вампирских энергий – тех самых, о которых писал Стокер. Но и уязвимые места у них тоже имеются: они боятся чеснока, Символа веры, солнечно-го света, проточной воды, огня, осиновых кольев... В своей книге Брэм Стокер рассказал всем, как их убивать, так

что в начале двадцатого столетия их почти полностью истребили. Выжили только самые умные, самые быстрые, самые безжалостные представители рода, обладатели многовекового опыта во всем, что касается жизни и смерти. Особенно смерти.

Впрочем, сомневаюсь, чтобы даже этот многовековой опыт подготовил кого-либо из них к тому, что его огреют воздушным шариком, наполненным водой.

Точнее, святой водой.

У себя в машине я держу под рукой три таких шарика. Я схватил один из них и с размаху врезал Черному вампиру по морде. Шар лопнул, окатив святой водой всю голову вампира. Везде, где капли попадали на кожу гнусной твари, плоть исчезала в ослепительной вспышке серебристо-белого света.

Вампир издал сиплый, скрежещущий вопль и задергался в конвульсиях. Взмахнув рукой, он зацепился за руль, и металлическая баранка со скрипом погнулась.

– Томас! – прохрипел я. – Да помогите же!

Впрочем, Томас уже действовал. Он сорвал с себя ремень безопасности, подобрал колени и, резко развернувшись влево, с криком изо всех сил ударил мертвеца-вампира пятками в лицо. Физической силой Томас наверняка уступал Черному вампиру, но даже так оставался на порядок сильнее меня. Удар вышвырнул того из машины, и он, пробив спиной фанерную стенку будки, полетел на землю.

Писклявое рычание сменилось яростным тьявканьем. Вам-

пир Черной Коллегии слабо дергался на земле, пытаясь подняться. Теперь я лучше разглядел ущерб, нанесенный ему святой водой. Почти четверть головы – от левого уха до угла губ – просто исчезла, ожоги продолжали гореть неярким золотым огнем. Из чудовищной раны сочилась комковатая черная слизь.

Я достал из ящика еще один шарик и занес руку для нового броска.

Вампир испустил свистящий, полный страха и злобы вопль, повернулся и бросился прочь, без труда пробив вторую стенку будки.

– Уйдет ведь! – бросил Томас, взясь с заедающей дверной ручкой.

– Не смейте! – рявкнул я, перекрывая твяканье. – Это приманка.

Томас застыл:

– С чего вы так думаете?

– Я узнал этого парня, – пояснил я. – Он был на маскараде у Бьянки. Только тогда он был еще живой.

Каким-то непостижимым образом Томас ухитрился побледнеть еще сильнее.

– Один из тех бедолаг, которых обратила та сучка из Черной Коллегии? Наряженная Гамлетом?

– Ее зовут Мавра. Да, он самый.

– Вот дерьмо, – пробормотал он. – Вы правы. Похоже на западню. Может, она следит за нами сейчас из засады...

ждет, пока мы окажемся в темном переулке.

Я крутанул руль в одну сторону, потом в другую. Руль немного заедало, но, в общем, управлять это не слишком мешало. Да здравствует «Голубой жучок», Великий и Могучий! Я нашел на стоянке свободное место и втиснул на него свою машинку. Щенячий лай снова сменился рычанием.

– Мавра может обойтись и без темного переулка. У нее талант на завесы. Она могла бы сидеть, скажем, на багажнике – а мы бы ее и не заметили.

Томас облизнул пересохшие губы, беспокойно шаря взглядом по стоянке:

– Думаете, она приехала за вами?

– Запросто. Я не дал ей уничтожить тот меч, Аморакки-ус, и она была союзницей Бьянки... до тех пор, пока я ту не убил. К тому же мы находимся в состоянии войны. Странно еще, что она не объявилась раньше.

– Господи... Она чертовски пугает меня.

– Меня тоже.

Я нагнулся и пошарил рукой под водительским креслом.

Рука наткнулась на маленький пушистый хвост, я легонько потянул за него и как мог осторожнее извлек щенка на свет божий. Разумеется, это оказался все тот же сумасшедший колчеухий щен. Он все рычал, не обращая на меня внимания, и с ожесточением мотал мордахой из стороны в сторону.

– Хорошо еще у нас нашелся сторож. Черный вампир за-

просто мог убрать нас обоих.

– Что у него в зубах? – перебил меня Томас.

Щен выпустил то, что он трепал с такой яростью, и предмет плюхнулся на пол «жучка».

– Ха, – хмыкнул я. – Это же вампирское ухо. Должно быть, святая вода отожгла на фиг.

Томас покосился на ухо и слегка позеленел:

– Оно шевелится.

Щен твякнул и потянулся к извивавшемуся на полу клочку прогнившего уха. Я с максимальной осторожностью подобрал его кончиками пальцев и выкинул в окно. Похоже, такой оборот событий вполне устраивал пса – он сел и разинул пасть в щенячьей ухмылке.

– Отличная у вас реакция, Гарри, – заметил Томас. – Когда эта гадость на вас бросилась... Нет, правда хорошая реакция. Быстрее моей. Как вам, черт подери, такое удастся?

– Ни хрена мне не удастся. Я заметил какую-то помеху только после того, как вот *этот* начал рычать, всего за пару секунд до того, как *тот* на меня бросился.

– Ух ты, – сказал Томас. – Вот и говори после этого про везение.

– Угу. Мне без везения никак.

Щен вдруг крутанулся на месте, развернувшись мордой в ту сторону, где скрылся вампир, и снова зарычал.

Томас настороженно застыл:

– Эй, Гарри, знаете что?

– Что?

– Мне кажется, нам лучше зайти в дом.

Я поднял щенка с пола и прощупал темноту своими чувствами, но ничего не обнаружил.

– Незаметность – лучшая гарантия от уничтожения, – сказал я. – Пошли.

Глава 4

Мы с Томасом вошли в здание. Охранник, которому полагалось бы сидеть в будке на стоянке, пил кофе со своим коллегой, дежурившим на входе. На лифте мы поднялись на верхний этаж. В холл открывались только две двери, и Томас постучал в ближайшую; пока мы ждали, из-за двери громы-хала музыка. От чистого, без единого пятнышка, ковра пахло чем-то вроде львинозеев. Томасу пришлось постучать еще раз, прежде чем нам открыли.

Дверь отворила, выплеснув на нас волну громкой музыки, красивая женщина лет сорока – сорока пяти. Пять футов шесть дюймов роста, темно-каштановые волосы подколоты двумя палочками для еды. В одной руке она держала стопку использованных бумажных тарелок, в другой – пару пустых пластиковых стаканчиков; ярко-зеленое вязаное платье выгодно подчеркивало ее формы, которым позавидовала бы девица с плаката времен Второй мировой.

Лицо ее сразу же осветилось улыбкой.

– Томас, как я рада! Жюстина сказала, что ты заглянешь.

Томас уже улыбался самой неотразимой из всех своих белозубых улыбок. Он шагнул вперед и расцеловал женщину в обе щеки.

– Мэдж, – произнес он. – Хороша! Ты-то что здесь делаешь?

– Это моя квартира, – ответила она несколько холоднее.

Томас расхохотался:

– Да ну! Ты шутишь!

– Старый дурак раскрутил меня на инвестиции в его предприятие. Должна же я быть уверена, что он не пустит эти деньги на ветер. Вот я и приглядываю за ним.

– Ясно, – улыбнулся Томас.

– А ты? Неужели он уговорил-таки тебя сниматься?

Томас прижал руку к груди:

– Застенчивого школьника вроде меня? Да меня от одной только мысли об этом в краску бросает.

Мэдж рассмеялась – не без ехидства, как мне показалось. Рука ее как бы невзначай коснулась Томасова бицепса. То ли ей доставляло удовольствие разговаривать с Томасом, то ли в прихожей было холоднее, чем мне казалось.

– А кого ты привел?

– Мэдж Шелли, это Гарри Дрезден. Я привел его для делового разговора с Артуро. Гарри – мой старый друг.

– Ну, я не утверждал бы этого столь категорично. – Я улыбнулся и протянул ей руку.

Она попыталась перехватить удобнее свои тарелки и стаканы, потом виновато рассмеялась:

– Как бы мне все это на вас не вывалить. Вы актер? – Она смерила меня оценивающим взглядом.

– «Быть или не быть», – с готовностью процитировал я. – Ай’л би бэк.

Она улыбнулась и кивнула в сторону щена, удобно устроившегося у меня под левой рукой:

– А это что у вас за друг?

– Безымянный пес. Как Клинт Иствуд, только пушистее.

Она снова рассмеялась и повернулась к Томасу:

– Ясно, почему он тебе нравится.

– Ну, он не лишен забавности, – согласился Томас.

– И он давно уже собирался завалиться спать, – подхватил я. – Не хотелось бы показаться бестактным, но мне нужно переговорить с Артуро прежде, чем я усну стоя.

– Понятно, – кивнула Мэдж. – В гостиной... в гостиной сейчас, пожалуй, шумновато. Проведу-ка я вас обоих в кабинет и позову туда Артуро.

– Жюстина здесь? – спросил Томас чуть напряженной обычного, впрочем сомневаюсь, чтобы Мэдж это заметила.

– Где-то здесь, – бросила она, поворачиваясь к двери, ведущей вглубь квартиры. – Я скажу ей, что вы приехали.

– Спасибо.

Следом за Мэдж мы прошли в гостиную. Там царил полумрак, но я разглядел человек двадцать, мужчин и женщин. Кто-то танцевал, другие стояли, разговаривая или смеясь, – словом, все как обычно на вечеринках. В воздухе плавали клубы дыма, по большей части не сигаретного. Разноцветные огни вспыхивали, гасли и перемигивались в такт музыке.

Томас шел передо мной. Его походка чуть изменилась – я

даже не мог бы сказать, чем именно. Шагал он не то чтобы быстрее, но более плавно, что ли. Взгляд его шарил по комнате – томный, ленивый взгляд, – и все до единой женщины, мимо которых он проходил, оглядывались ему вслед.

На меня так не смотрели. Даже на щенка, посапывавшего у меня на руках. И то сказать, я, конечно, не Квазимодо, но трудно тягаться с Томасом, когда тот скользит по комнате таким хищным ангелом.

Мэдж проводила нас в маленькую, уставленную книжными полками комнатку. В углу виднелся стол с компьютером.

– Присаживайтесь, – сказала Мэдж. – Пойду поищу его.

– Спасибо, – кивнул я и уселся в кресло у стола.

Она вышла, скользнув напоследок взглядом по Томасу. Тот с рассеянным видом присел на краешек стола.

– Что-то вид у вас задумчивый, – заметил я. – А это само по себе необычно. Что-нибудь случилось?

– Я проголодался, – ответил Томас. – И... да, призадумался. Мэдж – первая бывшая жена Артуро.

– И устраивает у себя его вечеринку?

– Угу. А мне казалось, она этого парня недолюбливает.

– Что она там говорила насчет инвестиций?

Томас пожал плечами:

– Артуро откололся от большой студии на Западном побережье, чтобы основать собственную. Мэдж – женщина прагматичная. Из тех, кто может не переваривать человека, но при этом оставаться профессионалом и работать с ним. От-

давать должное чужим способностям. Если она считает дело выигрышным, ей наплевать на плохое отношение к тому, кто этим делом занимается. Да, вполне в ее духе: вложить средства в новую компанию Артуро.

– О каких деньгах мы вообще говорим?

– Не знаю точно, – признался Томас. – Цифра семизначная, наверное, а то и больше.

Я присвистнул:

– Ничего себе денежки!

– А то, – согласился Томас.

Сам-то он был достаточно богат, чтобы один-два лишних знака в сумме не особенно волновали его.

Я хотел задать ему еще пару вопросов, но тут дверь открылась, и вошел мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, в темных брюках и серой шелковой рубаше с закатанными по локоть рукавами. Суровое волевое лицо обрамляла впечатляющая седая шевелюра. Коротко стриженная темная бородка оттеняла яхтсменский загар; к уголкам губ и глаз сбегались светлые лучики морщин.

– Томми! – вскричал мужчина, делая шаг к моему спутнику. – Эй, я так и надеялся, что ты придешь сегодня. – Говорил он с хорошо заметным средиземноморским акцентом. Он хлопнул Томаса по плечам и расцеловал в обе щеки. – Хорошо выглядишь, мальчик, – нет, правда классно. Ты просто обязан поработать со мной.

– Перед камерой я выгляжу неважно, – мотнул головой

Томас. – Но рад повидаться с тобой. Артуро Геноса, это тот самый Гарри Дрезден, о котором я тебе говорил.

Артуро смерил меня взглядом:

– Ну и верзила.

– Ем много кальция, – хмыкнул я.

– Привет, пушистик, – сказал Артуро и почесал сонного щенка за ухом. Щен зевнул, лизнул ему палец и тут же уснул снова. – Ваша собачка?

– Временно, – ответил я. – Вообще-то, это моего клиента.

Артуро кивнул, размышляя, судя по всему, насколько он может открыться мне.

– Вам известно, мистер Дрезден, что такое стрега?

– Тот, кто практикует местную итальянскую разновидность народных магических искусств, – ответил я. – Гадания, приворотные зелья, исцеление бесплодия, обереги. А еще они умеют насылать весьма эффективные проклятия – они называют эту методику «малоккио». Вражий Глаз, или, проще говоря, сглаз.

Он удивленно поднял брови:

– Похоже, кое-чего вы знаете.

– Достаточно, чтобы попадать в ситуации, – кивнул я.

– Но сами-то вы в это верите?

– Во Вражий Глаз?

– Да.

– Мне приходилось видеть вещи и более странные.

Артуро кивнул:

– Этот чувак, Томми, сказал вам, что мне нужно?

– Он сказал, что вы опасаетесь проклятия. Сказал, что погибло несколько человек из вашего близкого окружения.

На мгновение волевое лицо Артуро дрогнуло, и я увидел под маской невозмутимой уверенности горечь.

– Да. Две женщины. Обе – славные души.

– Так-так, – сказал я. – Допустим, что это и правда было проклятие. Что заставляет вас думать, что оно нацелено на вас?

– Ничто другое их не связывает, – ответил Артуро. – Насколько мне известно, я единственное, что было у них общего.

Он выдвинул ящик и достал оттуда пару папок из плотной бумаги.

– Документы, – пояснил он. – Информация об их гибели. Томми сказал, вы могли бы помочь.

– Возможно, – кивнул я. – Но с чего кому-то насылать на вас проклятие?

– Студия, – вздохнул Артуро. – Кто-то пытается помешать моей компании встать на ноги. Прикончить ее прежде, чем мы выпустим первый фильм.

– Чего вы от меня ждете?

– Защиты, – ответил Артуро. – Я хочу, чтобы вы защитили на время съемок моих людей. Не хочу, чтобы с кем-нибудь случилось еще что-то.

Я нахмурился:

– Это может оказаться непростой задачей. Вам известно, кто мог бы желать вашего провала?

Артуго смерил меня хмурым взглядом и подошел к шкафу. Открыв дверцу, он достал с полки початую бутылку вина, зубами выдернул пробку и сделал большой глоток.

– Если бы я это знал, мне не пришлось бы нанимать детектива.

Я пожал плечами:

– Я чародей, а не предсказатель. Хоть предположения у вас есть? Кто угодно, заинтересованный в неудаче вашего предприятия?

– Люсиль, – подал голос Томас.

Артуго покосился на Томаса и насупился еще сильнее.

– Кто такая Люсиль? – поинтересовался я.

– Моя бывшая жена. Вторая, – ответил Артуго. – Люсиль Деларосса. Но она в этом не замешана.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Она бы не стала, – буркнул он. – Я уверен.

– Почему?

Он покачал головой и уперся взглядом в свою бутылку:

– Люсиль... Ну, скажем так: я женился на ней не из-за ее ума.

– Не обязательно быть особенно сообразительным для враждебных действий, – возразил я, хотя сам вряд ли смог бы вспомнить кого-либо, занимающегося магией, но при этом лишенного мыслительных способностей. – Ладно. А еще

кто-нибудь? Сколько там у вас еще бывших жен?

Артуро отмахнулся:

– Трисия не стала бы мешать съемкам.

– Почему? – спросил я.

– Она исполняет главную роль.

Томас застонал:

– Господи, Артуро...

Тот поморщился:

– У меня не было выбора. У нее на руках действующий контракт. Она бы меня в порошок стерла в суде, не возьми я ее на роль.

– Скажите, а четвертая бывшая жена имеется? Трех я худо-бедно еще запомню. Если их больше, мне придется записывать.

– Пока нет, – буркнул Артуро. – Я холост. Так что три.

– Ну что ж, и на том спасибо, – сказал я. – Послушайте, если только тот, кто насылает проклятие, не устроит чего-нибудь у меня перед носом, я не слишком-то много могу сделать. Мы называем проклятия типа сглаза энтропийными, и выследить их другими способами практически невозможно.

– Моих людей необходимо защитить от малоккио, – заявил Артуро. – Вы можете это сделать?

– Если я буду рядом, когда это случится, – да.

– Сколько это будет стоить? – спросил он.

– Семьдесят пять в час плюс накладные расходы. Тысячу вперед.

Артуро даже не моргнул:

– Заметано. Съёмки начинаются завтра в девять утра.

– Я должен находиться поблизости. По возможности в пределах видимости, – сказал я. – И чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

– Верно, – согласился Томас. – Ему необходима легенда. Если он просто станет торчать на виду, нехороший парень спокойноенько дождетса, пока он уйдет или в туалет выйдет.

Артуро кивнул.

– Микрофон, – сказал он.

– Что?

– Вы можете держать микрофон, – пояснил Томас.

– Не уверен, что это удачная идея, – заметил я. – Моя магия неважно взаимодействует с техникой. С электроникой в особенности.

Артуро раздраженно поморщился:

– Отлично. Съёмочный ассистент.

Откуда-то из его штанов послышалось жизнерадостное чириканье, он достал из кармана мобильник и, негромко говоря что-то, отошел в противоположный угол комнаты.

– Съёмочный ассистент? – спросил я. – Что это?

– Посыльный, – ответил Томас. – Мальчик на побегушках.

Он вдруг порывисто встал.

В кабинет постучали. Дверь открылась, пропуская в кабинет девушку, – она выглядела настолько юной, что ей, пожа-

луй, отказались бы продать спиртное. Темноволосая, темноглазая, роста чуть выше среднего, одетая в белый пушистый свитер и короткую черную юбку, она производила ошеломительное впечатление даже по сравнению с очень и очень породистой публикой там, в гостиной. Конечно, в последний раз, когда я ее видел, всю одежду ее составляла красная упаковочная ленточка, повязанная на манер галстука, так что, возможно, я не совсем объективен.

– Жюстина, – произнес Томас, и в голосе его явственно послышалось облегчение сродни тому, которое испытывают моряки при крике «земля!», раздавшемся с мачты.

Он шагнул к девушке, обнял ее и поцеловал.

Щеки у Жюстины порозовели, и она издала тихий задыхающийся смешок, а потом слилась с ним в поцелуе – таком, словно, кроме него, в мире ничего больше не существовало.

Дремавший у меня на руках щен пошевелился, открыл глаза, уставился на Томаса и негромко, но явно неодобрительно зарычал.

Поцелуй продлился не то чтобы очень долго, но, когда губы их оторвались друг от друга, она раскраснелась, и я заметил, как бьется жилка у нее на горле. В лице ее я не увидел ничего, кроме страсти – открытой, необузданной. Огонь ее взгляда испепелил бы меня, наверное, на месте, окажись я к ней ближе на пару футов. Какое-то мгновение мне казалось, что она повалит Томаса на ковер прямо здесь и сейчас, не сходя с места.

Вместо этого Томас повернул ее к себе спиной, легонько прижав руками к своему телу. Он чуть побледнел, а серые глаза посветлели. Секунду он прижимался щекой к ее волосам.

– Ты ведь знакома с Гарри, – произнес он наконец.

Жюстина подняла на меня чуть мутноватый взгляд и кивнула.

– Здравствуйте, мистер Дрезден, – пробормотала она и сделала глубокий вдох, явно пытаясь собраться с мыслями. – Ты замерз, – сказала она Томасу. – Что случилось?

– Да ничего, – беззаботно отозвался Томас.

Жюстина склонила голову набок и отступила от него на крохотный шаг. Томас удивленно моргнул, но не пытался удержать ее.

– Как это – ничего? – не сдавалась она, коснувшись его щеки пальцами. – Ты же совсем озяб.

– Не хочу, чтобы ты переживала из-за этого, – сказал Томас.

Жюстина покосилась через плечо в мою сторону. Я оглянулся на Артуро – тот продолжал общаться по мобильнику.

– Черная Коллегия, – пояснил я вполголоса. – Мне кажется, это был один из приспешников Мавры.

Жюстина округлила глаза:

– О боже! Никто не пострадал?

– Только сам Черный вампир, – заверил я ее и погладил притихшего щенка по пушистому лбу. – Вот этот юноша пер-

вым заметил его приближение.

– Томас, – Жюстина снова повернулась к нему, – ты же говорил мне, чтобы я больше не боялась Мавры.

– Во-первых, мы не знаем наверняка, что это Мавра, – возразил Томас и выразительно посмотрел на меня поверх ее головы, делая знак помалкивать в тряпочку. – А во-вторых, они охотятся за Дрезденом. Я просто помогал ему немного, – в конце концов, это ведь я пригласил его сюда.

– Истинная правда, – подтвердил я. – Томас двинул Черного вампира ногами по голове и прогнал его.

– Господи... Я рада, мистер Дрезден, что все обошлось, но этого вообще не должно было случиться. Томас, нам не стоило даже приезжать в Чикаго. Если ты не...

Томас осторожно приподнял ее подбородок пальцем и заглянул ей в глаза. Жюстина вздрогнула и осеклась на полуслове, приоткрыв рот. Зрачки ее расширились, не оставив места радужке. Она чуть пошатнулась, и Томасу пришлось придержать ее.

– Успокойся, – медленно произнес он. – Я все улажу.

Она едва заметно сдвинула брови, с трудом шевеля губами:

– Не... хочу... чтобы... с тобой... что-то... случилось...

Взгляд Томаса вспыхнул. Он поднял руку и осторожно коснулся кончиком указательного пальца пульсирующей жилки у нее на горле. Потом медленно прочертил им плавную спираль по ее коже, не доводя дюйма до ключицы.

Она снова вздрогнула, и глаза ее окончательно утратили какое-либо выражение. Что бы то ни было у нее в голове, все вылетело разом, оставив ее стоять, покачиваясь и издавая негромкие, лишенные содержания звуки.

И ведь ей это нравилось. Хотя, насколько я понимал, у нее и выбора-то не имелось.

Щенок у меня на руках снова недовольно заворчал, и меня захлестнула волна горячего негодования.

– Прекратите, – негромко, с трудом сдерживаясь, произнес я. – Убирайтесь из ее головы.

– Не лезьте не в свое дело, – отозвался Томас.

– Черта с два не мое! Бросьте эти свои штучки с чужим сознанием. Сейчас же. А то выйдем поговорим.

Томас все-таки повернулся ко мне. В глазах его полыхнула холодная ярость, рука сжалась в кулак. Потом он тряхнул головой и закрыл глаза.

– Чем меньше она будет знать подробностей, – сказал он, – тем лучше. Безопаснее.

– Безопаснее? От кого?

– От любого, которому могу не нравиться я или моя семья, – раздраженно фыркнул Томас. – Если она будет знать о происходящем не больше любой другой, у них не будет смысла преследовать ее. Это то небольшое, что я могу сделать, чтобы защитить ее. Не мешайте, а то я и сам не прочь буду переговорить с вами.

Тут Артуро наконец закончил разговор и вернулся к нам.

Он моргнул и остановился, не доходя пару шагов:

– Прошу прощения. Я что-то пропустил?

Томас выразительно изогнул бровь, глядя на меня. Я сделал глубокий вдох:

– Да нет. Мы просто коснулись не очень приятной темы.

Ничего не мешает перенести этот разговор на потом.

– Отлично, – сказал Артуро. – Так на чем мы остановились?

– Мне нужно отвезти Жюстину домой, – заявил Томас. –

Она переутомилась сегодня. Удачи, Артуро.

Артуро кивнул в ответ и выдавил из себя улыбку:

– Спасибо за помощь, Томми, дружок.

– Не за что, – отозвался Томас, увлекая Жюстину за талию и кивая мне на прощание. – До встречи, Гарри.

Я тоже поднялся.

– Куда мне подъехать завтра? – спросил я у Артуро.

Он поставил на стол бутылку, написал в блокноте адрес и вырвал листок. Потом достал из стола толстую пачку денег, отсчитал десять сотенных бумажек и протянул мне вместе с адресом.

– Не знаю, могу ли я верить в вашу искренность, мистер Дрезден, – сказал Артуро.

Я помахал в воздухе банкнотами:

– До тех пор, пока вы мне платите, меня не очень волнует, верите вы мне или нет. До завтра, мистер Геноса.

Глава 5

Когда я наконец доплелся до дома, было уже черт знает как поздно. Мистер – короткохвостый серый кот, с которым я делю свою жилплощадь, – в знак приветствия двинул меня боком чуть ниже колен. Веса в Мистере фунтов двадцать пять или тридцать, так что мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы удержаться на ногах.

Закончив с приветствиями, Мистер склонил голову набок и, приняв хавшись, издал негромкий звук, означающий царственное неодобрение. Я сделал шаг в комнату, и он, запрыгнув на ближайший шкаф, устоялся с него на щенка, который продолжал безмятежно дрыхнуть у меня на руках.

– Это ненадолго, – заверил я кота, садясь на диван. – На несколько дней.

Мистер сощурился, подкрался ко мне и бесцеремонно потрогал щенка лапой. Когтей, правда, он при этом не выпустил.

– Осторожнее, приятель. Этот дурачок легче перышка.

Я пробормотал нехитрое заклинание, от которого загорелось несколько свечей, осветив мое жилище.

Разобравшись со светом, я набрал номер, по которому связывался с братом Ваном, пока тот находился в Чикаго, но дождался только автоответчика, сообщившего мне, что абонент недоступен. Телефонная сеть частенько пошалива-

ет, когда я пытаюсь воспользоваться ее услугами, поэтому я попробовал еще раз. С тем же результатом. Тьфу! Все тело мое болело и мечтало только об отдыхе – тем более что находился-то я уже в своей берлоге.

Указанная берлога находится в цокольном и подвальном этажах старого скрипучего жилого дома, построенного больше ста лет назад. Под самым потолком у меня расположены открывающиеся в прямки окна. Вся квартира состоит из двух комнат, в большей из которых, гостиной, находится камин. Мебель у меня старая, уютная – диван, одно мягкое кресло и пара плетеных. Они не сочетаются по стилю, но все одинаково удобны, да и глаз радуют. Каменный пол устлан самыми разными коврами, и бетонные стены я тоже увешал всякими коврами, картинами и постерами в рамках.

В комнате царила сияющая чистота и пахло сосновой хвоей. Даже камин был вычищен до чистого камня. Да, как ни старайся, а по части домашнего хозяйства с Волшебным Народом не сравниться никому. Правда, и поделиться такой радостью с другими смертными у вас тоже не получится: волшебные помощники тут же соберут вещички и отчелят навсегда. Почему? Представления не имею. Просто так у них, у фэйри, принято.

С одной стороны моей гостиной расположен неглубокий альков с деревянной плитой, старомодным холодильником и несколькими шкафами, в которых я держу кухонную утварь и припасы. С противоположной стороны узкая дверь ведет

в ванную и спальню. Спальня невелика: в ней едва хватает места для двуспальной кровати и купленной на распродаже тумбочки.

Я отвернул ковер, прикрывавший вход в подвал – небольшой квадратный люк в полу. Подвал достаточно глубок, чтобы в нем круглый год царила подземная прохлада, поэтому я надел тяжелый фланелевый халат – в процессе облачения мне пришлось почти жонглировать щенком, чтобы не уронить его. Потом взял свечу и, откинув люк, спустился по складной стремянке в свою лабораторию.

Я категорически запретил своей домашней обслуге даже близко подходить к лаборатории. Как следствие, последнюю пару лет она медленно, но верно проигрывала войну с энтропией. Стены лаборатории сплошь увешаны металлическими полками, там громоздятся емкости – коробки, мешочки, реторты, бутылки, пузырьки, колбы и контейнеры. Большая часть этих емкостей снабжена этикетками, на коих значится их содержимое – ингредиенты для изготовления самых разнообразных эликсиров, зелий и прочих магических штук, нужда в которых возникает у меня время от времени. Посреди комнаты расположен длинный лабораторный стол, и участок пола с его противоположной от лестницы стороны странным образом чист, отличаясь от остальной, изрядно захлавленной площади. Здесь у меня находится магический круг из замурованной в бетонный пол полосы – раньше она была медной, но полгода назад я заменил ее на серебряную.

Я прикладываю изрядные усилия к тому, чтобы ни один клочок завалившего лабораторию хлама не оказался ближе чем в футах от этого круга.

Существо, запертое под кругом, не подавало голоса с того самого вечера, как я замуровал его в толще бетона. Впрочем, когда речь идет о падшем ангеле, никакие дополнительные предосторожности не кажутся излишними.

– Боб, – окликнул я, засветив еще несколько свечей. – Поднимайся.

Чуть не забыл сказать: одна из полок на стене тоже не похожа на остальные. Лежащая на проволочных боковинах доска почти сплошь залита потеками разноцветного свечного воска, а посередине ее красуется человеческий череп.

Череп чуть шевельнулся, лязгнул зубами, и в глубине пустых глазниц зажглись два неярких оранжевых огонька. На самом-то деле Боб-череп вовсе не череп. Это дух воздуха – существо, обладающее почти необъятными познаниями и многовековым опытом практической магии. С тех пор как я стырил его у Джастина Дю Морне, моего, так сказать, Дарта Вейдера, опыт и знания Боба не раз помогали мне спасти жизни. По большей части свою собственную, но и других тоже. Не одну и не две.

– Как все прошло? – поинтересовался Боб.

Я принялся рыться в грудах хлама на столе.

– Трое этих чертовых придурков избежали чар, в которых ты был так уверен, – сообщил я. – Едва ноги от них унес.

– Ты такой лиричный, когда плачешься, – заметил Боб. – Мне почти... черт возьми, Гарри!

– А?

– Ты что, *украл* одну из храмовых собак?

Я обиженно потрепал щенка по пушистому загривку:

– Даже в голове не имел ничего такого. Он сам сбежал.

– Ух ты! – восхитился Боб. – И что ты с ним собираешься делать?

– Не знаю пока, – признался я. – Брат Ван уже улетел. Я пытался дозвониться до него – недоступен. И посыльного я к нему в монастырь отправить не могу, потому что весь этот горный район охраняется оберегами, а письмо туда может идти месяцами. Если вообще дойдет.

Я нашел наконец достаточно большую картонную коробку, застелил ее дно парой старых халатов и уложил туда дрыхнувшего без задних ног щенка.

– И потом, у меня есть заботы покруче.

– Например?

– Например, Черная Коллегия. Мавра со своей... своей... эй, как назвать группу вампиров Черной Коллегии? Сворой? Косяком?

– Стаей, – подсказал Боб.

– Точно. В общем, похоже, Мавра со своей стаей здесь, в Чикаго. И один из них нынче вечером едва не прокомпостировал мой билет.

Глаза у Боба разгорелись от любопытства.

– Круто. И что, обычная тревога? Будешь ждать их атаки, чтобы с помощью нападавших добраться до самой Мавры?

– Не в этот раз. Я хочу первым найти их, выбить дверь и перестрелять во сне.

– Ух ты! Для тебя, Гарри, даже как-то непривычно жестоко.

– Угу. Мне самому нравится.

Я поставил коробку со щенком на стол.

– Я хочу, чтобы ты взял Мистера и прогулялся завтра по городу. Найди, где отсиживается Мавра в светлое время суток, – только, ради всего святого, не напорись еще раз на чужие береги.

Каким-то образом Бобу удалось создать впечатление, что он поежился.

– Угу. На этот раз постараюсь действовать осторожнее. Только ведь и вампиры не дураки, Гарри. Они понимают, что беспомощны в дневное время, и принимают меры самозащиты. Это наверняка.

– Об этом я позабочусь, – пообещал я.

– Не факт, что ты сможешь справиться в одиночку.

– Поэтому я и хочу устроить им суд Линча, – буркнул я, сражаясь с зевотой.

Я заглянул в ящик, полюбовался на спящего щенка и, забрав со стола свечу, пошел к стремянке.

– Эй, куда это ты собрался? – встревожился Боб.

– Спать. Завтра вставать рано. Новое дело.

– А собаку-то храмовую ты зачем здесь оставляешь?

– Затем, что не хочу оставлять ее одну, – объяснил я. –

Если я заберу его наверх, боюсь, Мистер слопает его, стоит мне уснуть.

– Черт возьми, Гарри, я наблюдатель, а не ветеринар.

Я нахмурился:

– Вот мне и нужно, чтобы за ним кто-нибудь присмотрел.

– Ты хочешь, чтобы я состоял нянькой при собаке?

– Угу.

– Отстойная работа.

– Пожалуйся профсоюзу, – безжалостно посоветовал я.

– Что еще за дело у тебя новое?

Я рассказал.

– Артуро Геноса? – переспросил Боб. – Тот самый Артуро

Геноса? Кинопродюсер?

Я приподнял брови:

– Да, наверное. Ты что, о нем слышал?

– Слышал ли я? Еще бы! Он из лучших!

Интуиция подала мне тревожный сигнал, и я внимательно посмотрел на Боба:

– Э... В каком жанре?

– Он обласканный критикой мастер киноэротики! – Боб прямо-таки захлебывался от возбуждения.

Я моргнул:

– А что, у эротического кино тоже есть критики?

– А то! – выпалил Боб. – Куча журналов.

– Например?

– Например, «Трах!», «Суперпопки», «Бюсти»...

Я устало потер глаза:

– Боб, это же порножурналы, а не кинокритика.

– Не вижу разницы, – возразил Боб.

Я решил не углубляться в тему.

– Гарри, – вздохнул череп, – я не хочу обзывать тебя глупцом или слепым, отказывающимся видеть очевидное, но тебя нанял вампир Белой Коллегии. Инкуб. Как по-твоему, какого рода может быть эта работа?

Я испепелил Боба взглядом. Он говорил правду. Я мог бы и сам догадаться, что все не так просто.

– Раз уж мы заговорили на эту тему, – сказал я, – как много ты знаешь о Белой Коллегии?

– Только самые известные факты, – отозвался Боб.

Значит, много.

– Я видел Томаса нынче вечером – он совсем странный был, – заметил я. – Даже не знаю, как и описать. Но там была Жюстина, и она сказала, что он замерз и что она за него боится. А он в ответ навел на нее что-то вроде своего гипноза, так что она совсем выключилась.

– Он был Голоден, – объяснил Боб. – Голоден с большой буквы «Г». Голод – это... даже не знаю, как сказать точнее. Симбиотический дух, живущий внутри Белого вампира. Они с ним рождаются.

– Ага, – кивнул я. – Отсюда у них эта сила и все прочее.

– В том числе практически бессмертие, – согласился Боб. – Впрочем, все это дается не задаром. Поэтому им и надо все время питаться. Голоду это необходимо, чтобы выжить.

– Ясно, ясно, – буркнул я, сдерживая зевок. – Они пользуются его энергией, дух нуждается в подпитке, поэтому им надо кормиться. – Я нахмурился. – А что будет, если они не покормятся вовремя?

– Если недолго – депрессия, гнев, тяга к насилию, паранойя. А если дольше – станут использовать любой доступный источник жизненной энергии. Стоит такому случиться – и Голод полностью овладевает ими, заставляя охотиться.

– А если охотиться не на кого?

– Они сходят с ума.

– А что происходит с людьми, которыми они кормятся? – поинтересовался я.

– Что с ними? – переспросил Боб. – У них отнимают жизнь – по крохе, по маленькому кусочку, но отнимают. Это причиняет им духовный ущерб – вроде того, что сделал тогда Кошмар с Микки Малоном. Это облегчает Белым контроль над ними, так что каждый следующий глоток жизни дается Белым все легче.

– А что происходит, когда смертным кормятся и дальше?

– Когда кормятся *за его счет*, о Бард, – поправил меня Боб, – он быстро прогорает. Впадает в ступор, в растительное состояние. Довольно часто они погибают от сердечного

пристуга – прямо в момент кормления.

– Смертельный секс, – хмыкнул я. – В буквальном смысле слова.

– Есть за что умирать, – согласился Боб.

Страшненькая мысль, решил я. Чем больше я думал об этом, тем меньше мне все это нравилось.

– А что, если вампир не захочет питаться никем?

– Не важно, хочет он или нет, – возразил Боб. – Они кормятся, повинуюсь инстинкту. На то они и вампиры.

– Значит, если вампир живет с кем-то, он рано или поздно его убьет?

– Рано или поздно, – подтвердил Боб. – Обязательно.

Я тряхнул головой.

– Что ж, запомню, – сказал я. – А то трудно оставаться все время начеку с Томасом. Он ведь... ну, черт возьми, будь он человеком, я бы не возражал время от времени угощать его пивом за мой счет.

– Вполне возможно, он отличный парень. – Боб разом серьезнел. – Но это, Гарри, не меняет того факта, что он не всегда в состоянии контролировать себя или свой Голод. Не сомневаюсь, он просто не может удержаться от того, чтобы наводить чары на эту свою красотку. Или чтобы просто питаться ею. – Боб помолчал немного. – Очень трудно такого не хотеть. Я хочу сказать, она чертовски хороша. Кто бы не хотел кусочка Жюстины время от времени? Я прав или не прав?

– Не отвлекайся, – буркнул я. – Лучше найди, где укрывается Мавра. Я вернусь с работы до захода солнца, если получится.

Боб мечтательно вздохнул:

– Везет же некоторым. Геноса всегда снимает в своих фильмах самых красивых девушек. Кучу, просто уйму красивых девушек. Мне тут, понимаешь, шататься по задворкам в поисках разных там ночных кошмаров. А ты будешь бить баклуши в окружении самых красивых женщин из мира эротики, глядя на все, что будет происходить на съемках... Все как в жизни.

Я почувствовал, как начинаю краснеть:

– Ты лучше за собакой походи. Я разрешаю тебе взять Мистера в город после восхода солнца. Но чтобы вернулись до заката.

– Будет сделано! – рявкнул Боб тоном исполнительного солдата. – Гарри, Гарри, Гарри... чего бы я ни отдал, чтобы оказаться на твоём месте!

Это лишний раз доказывает, насколько смазливая мордашка способна превратить в полнейшего идиота даже бестелесного духа разума.

Глава 6

Кот прошелся по моему лицу за несколько минут до расвета. Тело мое пыталось убедить меня в том, что пара лишних часов сна мне не повредит; вместо этого я встал и доплелся до двери, чтобы выпустить Мистера. Выскользнув за дверь, он оглянулся и кивнул мне, и в глазах его мелькнули едва заметные оранжевые огоньки – Боб временно принял на себя власть над телом животного. Если честно, я подозреваю, что Мистер терпит в себе Боба только потому, что прогулки с духом по моим поручениям заметно расширяют кругозор.

Как существо сугубо духовное, Боб слишком хрупок, чтобы разгуливать на солнечном свету. Его бы просто испарило в считанные секунды. В дневное время суток духу необходима защита, и Мистер неплохо для этого подходит. Впрочем, все равно не могу сказать, чтобы я не тревожился за них обоих.

– Ты это... поосторожнее с моим котом, – буркнул я.

Кот закатил глаза и презрительно мяукнул. Потом Мистер потерялся о мои ноги – к Бобу этот жест не имел никакого отношения – и скрылся из виду.

Я принял душ, оделся и растопил плиту, чтобы поджарить себе яичницу и тосты. Из ведущего в лабораторию люка слышался какой-то шорох, прерванный шлепком. Не прошло и секунды, как шорох повторился, и я заглянул вниз.

Маленький серый щенок выбрался из коробки и пытал-

ся забраться вверх по стремянке. Он одолел целых пять или шесть ступеней, поскользнулся и, пересчитав их все, шлепнулся на каменный пол у ее подножия – явно уже не в первый раз. Он даже не взвизгнул. Просто перекатился на пузо, подобрал под себя лапы, встал, отряхнулся и с достойным... гм... собаки упорством снова полез вверх.

– Адские погрешности, псина! Ты совсем рехнулась. Ты это понимаешь? Стопроцентно.

Щен подтянулся на следующую ступеньку и задержался, чтобы посмотреть на меня, разинув пасть в дурацкой щенячьей ухмылке. При этом он с таким энтузиазмом завилял хвостом, что едва не свалился снова. Я спустился, подхватил его, посадил в самое удобное кресло, а сам сел рядом позавтракать. Разумеется, я не забыл поделить с ним, а потом проследил, чтобы он как следует запил завтрак водой. То, что я не собирался оставлять его у себя, не освобождало меня от общепринятых норм гостеприимства – пусть даже гость был пушист и с хвостом.

За едой я обдумал план действий на день. Большую его часть мне предстояло провести в студии Геносы – если я и правда хотел спасти кого-либо от действия проклятий. Впрочем, данная стратегия мне представлялась заведомо проигрышной. Рано или поздно меня не случится на месте, или само проклятие проявится слишком внезапно, чтобы я успел отреагировать. Куда как умнее было бы выяснить, откуда проклятия исходят, – ведь кто-то их насылает? Поэтому

главное для меня – найти этого кого-то и слегка начистить ему ряшку. Это решило бы проблему раз и навсегда.

Более того, я мало сомневался в том, что некто, насылающий проклятия, близок к кругу общения Геносы. Даже уступая по части смертельной эффективности заклятию, нацеленному непосредственно на жертву, это проклятие отличалось изрядной мощью. Для того чтобы магия подействовала, необходимо, чтобы вы в нее верили. По-настоящему верили – без всяких там сомнений или оговорок. Не так уж часто встречаются люди, столь убежденные в смертоносном потенциале магии. Еще реже встречаются такие, кто готов обратиться смертоносный магический потенциал против совершенно незнакомого человека.

Из всего вышеперечисленного следовало: убийца, скорее всего, близок к кругу знакомых Геносы.

Или сам принадлежит к этому кругу.

Отсюда, в свою очередь, следовало: у меня имеется как минимум шанс встретиться с убийцей лицом к лицу в первый же день на новой работе. Идеальная возможность огрести неприятностей на свою задницу.

И в дополнение не стоило забывать о Черной Коллегии. Не то чтобы опасаться нападения вампиров среди бела дня, но и расслабляться тоже опасно. Вампиры не гнушаются услугами всяких смертных подонков для работы в светлое время суток, а пуля в лоб убьет меня не менее верно, нежели вампирские зубы. Так даже удобнее, поскольку вампир запросто

внушит бедолаге приказ покончить с собой, оборвав все нити.

Конечно, по части пребывания в состоянии наивысшей боевой готовности со мной мало кто может сравниться, но даже я не могу постоянно находиться начеку. Рано или поздно я устану, внимание притупится, да и шансов ошибиться будет больше. В общем, чем дольше я ожидал бы разрешения проблемы с вампирами, тем вернее меня убили бы. Поэтому мне ничего не оставалось, как действовать быстро. А тут я никак не мог обойтись без помощи. У меня ушло не больше десяти секунд на то, чтобы вычислить, кому я хочу позвонить в этой связи. У меня даже хватало времени повидаться с одним из них до работы.

Мы разделались с завтраком, и я доверил щену предварительную помывку посуды. Потом отыскал записную книжку и оставил пару сообщений на автоответчике. Вслед за этим накинул свой славный черный плащ, сунул щена в глубокий карман, уложил на всякий случай свои жезл и посох в рюкзак со снастью для всяческих полезных на тот или иной случай заклинаний и отправился по делам.

Для начала пунктом моего назначения стал спортивный зал «Ураган» старины Джо Доу, располагавшийся на первом этаже старого конторского здания неподалеку от Управления чикагской полиции. Прежде помещение принадлежало бару в стиле Дикого Запада, просуществовавшему до обидного – хоть и предсказуемо – недолго. Въехав сюда, Джо сра-

зу снес все стены и перегородки, не влиявшие на конструктивную стену здания, ободрал потолок из дешевых панелей, снял пол до голого бетона и повесил побольше светильников. Справа от входа размещены две душевые, по совместительству раздевалки. Почти вся остальная площадь пола застлана ковром или татами, а там, где их нет, расставлены силовые тренажеры, при одном взгляде на которые у меня начинают ныть мышцы. Прямо перед входом – самый что ни на есть настоящий, разве что не на помосте, – боксерский ринг. Впрочем, помост тоже имеется, только над ним подвешены боксерские груши всех возможных калибров.

Однако изрядная часть зала покрыта гимнастическими матами. Здесь уже тренировались несколько человек в похожих на пижамы японских костюмах. Некоторых я узнал: лучшие в Чикаго бойцы.

Один из мужчин, рослый, мускулистый новичок, издав подобающий восточным единоборствам выкрик, вдвоем с другим внушающим уважение своей мускулатурой типом ринулись на одного-единственного соперника. Атака выглядела стремительной, да и действовали они слаженно. Окажись на месте соперника кто угодно другой, но не Мёрфи, они, возможно, и добились бы успеха.

Лейтенант Кэррин Мёрфи, руководитель Отдела специальных расследований чикагской полиции, имела ровно пять футов роста. Светлые волосы она собрала в хвост, перетянув резинкой. Одета она была в такое же подобие пижамы,

подхваченной некогда черным, а ныне вылинявшим до светло-серого цвета поясом. При этом личико у нее было во всех отношениях очаровательное: небесно-голубые глаза, чистая кожа, чуть вздернутый носик...

Айкидо она занималась с одиннадцати лет.

Мускулистый новичок недооценил быстроты реакции Кэррин, и она поднырнула под его удар прежде, чем он успел осознать свою ошибку. Перехватив его за лодыжку, сделала движение всем телом и лишила равновесия на секунду-другую – время, достаточное для того, чтобы разобраться со вторым нападающим. Тот атаковал осторожнее, и Мёрфи сама, вскрикнув, сделала ложный выпад, заставила его раскрыться и тут же провела прямой удар ему в пояс. Конечно, била она вполсилы, да и он принял удар как надо, но даже так отшатнулся на пару шагов, подняв руки в знак поражения. Засвети ему Мёрфи по-настоящему, вряд ли отделался бы легко.

Новичок снова ринулся в бой, но скорости ему явно не доставало. Мёрфи блокировала удар, еще один, а потом перехватила новичка за запястье, и тот, описав в воздухе дугу, грянулся о гимнастический мат; при этом она продолжала выворачивать его руку, удерживая ее в угрожающе болезненном положении. Новичок поморщился и трижды хлопнул свободной ладонью по мату. Мёрфи отпустила его.

– Эй, Столлингс, – произнесла она достаточно громко, чтобы ее слышал весь зал, – что здесь сейчас произошло?

Тот, что постарше, расплылся в ухмылке:

– О’Тул только что потерпел поражение от женщины, лейтенант.

О’Тул сокрушенно тряхнул головой:

– Что я сделал не так?

– Переусердствовал с ударом, – ответила Мёрфи. – Ты же лось, О’Тул. Даже слабого твоего удара достаточно, чтобы вывести соперника из строя. А ты жертвуешь скоростью ради избыточной силы. Проще надо, проще и быстрее.

О’Тул кивнул, и они с напарником побрели к раздевалке.

– Эй, Мёрфи! – окликнул я. – Кончала бы возиться с детьми – достойный соперник пришел.

Мёрфи мотнула головой, перебрасывая хвост за плечо; глаза ее сияли.

– Повтори-ка мне это в лицо, Дрезден.

– Дай мне минутку ноги ампутировать – и повторю, – отозвался я.

Разувшись, я поставил башмаки к стене, потом снял плащ. Мёрфи взяла стоявший в углу деревянный шест длиной чуть больше пяти футов, я прихватил такой же, ступил внутрь очерченного цветным скотчем на матах квадрата, и мы церемонно поклонились друг другу.

Для разогрева мы обменялись несложными выпадами, подчинявшимся строгому, размеренному ритму. Деревянные шесты громко клацали друг о друга. Мёрфи не торопилась наращивать скорость.

– Я тебя почти две недели не видела. Выдохся?

– Да нет. – Я старался говорить негромко; в конце концов, это касалось только нас двоих. – Работал. Закончил только вчера вечером.

Я чуть отвлекся, сделал неловкое движение, и шест Мёрфи больно стукнул меня по костяшкам пальцев левой руки.

– Ох... адские погремушки!

– Внимательнее, нытик! – Мёрфи дала мне секунду-другую помахать в воздухе ушибленными пальцами. Потом мы начали все сначала. – У тебя что-то на уме... сосредоточиться не можешь.

– Не для посторонних ушей, – произнес я еще тише.

Она огляделась по сторонам: поблизости никого вроде бы не было.

– Итак?

– Мне нужны стволы. На тебя как, можно рассчитывать?

Мёрфи выгнула бровь:

– Тебе нужны люди?

– Я же сказал: не просто люди. Стволы.

Мёрфи нахмурилась:

– Что ты задумал?

– Черная Коллегия, – пояснил я. – В городе их сейчас по меньшей мере двое. А то и больше.

– Убийцы?

Я кивнул:

– Один из них едва не разделался со мной вчера вечером.

– Ты в порядке?

– Угу. Но этих ребят надо прихлопнуть, и быстрее. Это не тихие озорники вроде Красных.

– В смысле?

– В смысле, когда они кормятся, жертвы, как правило, не выживают. Они хоть и питаются реже, но чем дольше они задержатся у нас, тем больше народа погибнет.

Взгляд Мёрфи вдруг вспыхнул яростным огнем.

– И каков твой план?

– Найти их. Убить их. Все.

Брови ее удивленно поползли вверх.

– Только и всего? Никаких официальных приемов с мас-карадом, никаких романтических свиданий для разминки?

– Обойдутся. Мне показалось, было бы неплохо для разнообразия просто замочить их – и дело с концом.

– Ничего план. Мне нравится.

– Главное, простой, – кивнул я.

– Как ты сам, – заметила Мёрфи.

– Как я сам.

– Когда?

Я покачал головой:

– Как только разузнаю, где они прячутся в дневное время. Думаю, дней двух-трех на это хватит.

– Как насчет субботы?

– Можно... А почему именно суббота?

Она закатила глаза:

– В ближайшие выходные у нас ежегодный семейный

сбор. Вот я и стараюсь найти себе неотложную работу на эти дни.

– О-о-о, – уважительно протянул я. – А почему бы тебе просто... ну, не продинамить это событие?

– Нет, тут нужен хороший повод, иначе от моей мамочки так просто не отделаться.

– Так соври!

Мёрфи покачала головой:

– Она поймет. Она у меня вроде экстрасенс.

Теперь уже я удивленно выпучил глаза:

– Ну ты даешь, Мёрф! Что ж, попробую обстроить все так, чтобы угроза вторжения жутких монстров помешала тебе насладиться трогательным семейным воссоединением. Но твоя шкала ценностей снова ставит меня в тупик.

Она поморщилась:

– Извини. Я полгода с ужасом жду этого дня. Видишь ли, у нас с мамочкой весьма сложные взаимоотношения. Родичи иногда способны просто с ума свести. Тебе этого не по...

Она вдруг осеклась, а я дернулся, словно от легкого болезненного укола. Она не ожидала от меня, что я пойму ее. У меня не было матери. У меня не было семьи. Никогда не было. Даже те смутные воспоминания, что сохранились об отце, – и те таяли понемногу. Когда он умер, мне едва исполнилось шесть.

– Господи, Гарри, – выдохнула Мёрфи. – Брякнула, не подумав. Прости.

Я кашлянул и сосредоточился на упражнении.

– Это не займет много времени. Я найду вампиров. Мы врываемся к ним, заколачиваем несколько кольев, отрубам несколько голов, плещем куда надо святой водой и уходим.

Она стала наконец ускорять движения – ее, как и меня, явно обрадовало то, что мы свернули со скользкой темы. Шест ее с такой силой ударял по моему, что удары болезненно отдавались в моих пальцах.

– Ты хочешь сказать, все по стереотипам, как в книжках? – спросила она. – Кресты, осиновые колья и чеснок?

– Угу. Раз плюнуть.

Мёрфи фыркнула:

– Тогда на кой черт тебе стволы?

– На случай, если с ними наемники. Мне нужны стрелки с хорошей реакцией, дело придется иметь с профессионалами.

– Да, – кивнула Мёрфи. – Несколько лишних рук не помешают, это точно.

Она еще увеличила скорость, так что ее шест потерял очертания, слившись в неясную дымку; я с трудом успевал отбивать удары.

– А почему ты не обратился к тому парню, рыцарю?

– Нет, – буркнул я.

– А если он окажется нам нужен?

– Майкл явится по первому же моему зову. Но мне тошно видеть, как его ранят по моей вине. – Я нахмурился, едва не сбился с ритма, но все же успел отразить очередной удар. –

Не знаю, Господь Бог или кто другой составляет для Майкла график, но мне кажется, Майкл менее уязвим, когда работает по этому графику, а не по моей просьбе.

– Но он ведь взрослый человек. Я имею в виду, он знает, на что идет. И по части мозгов у него тоже все в порядке.

– И детей у него тоже полон дом.

На этот раз с ритма сбилась Мёрфи, и мой шест ударил ее по пальцу. Она поморщилась, но мотнула головой в сторону новичка, которого только что побила:

– О’Тул – племянник Микки Малона. Если я попрошу, он за тебя в огонь пойдет.

– Не дай бог! Новички в этом деле не годятся. Одна дурацкая ошибка – и все летит прахом.

– Я могла бы поговорить со Столлингсом.

Я покачал головой:

– Мёрф, ребята из ОСР справляются со всякими сверхъестественными пакостями куда лучше, чем обычные увальни, – и все же многие из них не совсем верят в то, с чем им приходится иметь дело. Мне нужен человек сообразительный, решительный, который в ответственную минуту не дрогнет и не свалит дурака, и это ты.

– Они не так плохи, как ты считаешь.

– А что случится с ними, если что-нибудь пойдет не так? Если я допущу ошибку? Или ты? Даже если им удастся выбраться более или менее целыми, как, по-твоему, они будут справляться с отходняком, вернувшись в реальный мир?

Мир, в котором люди не верят в вампиров, а ведь тела-то будут, и их надо как-то объяснять...

Мёрфи нахмурилась:

– Полагаю, так же будут справляться, как я.

– Угу. Но ты-то их начальница. Ты готова отвечать за последствия того, что сама послала их в это мочилово?

Мёрфи обвела взглядом мужчин в зале и поморщилась:

– Ты и сам знаешь, что я не испытываю от этого никакого удовольствия. Но я о другом. Я ведь не менее уязвима, чем они.

– Возможно. Но ты знаешь расклад сил. Они не знают. Скажем так, не совсем знают. А ты знаешь достаточно, чтобы действовать умно и осторожно.

– А Белый Совет? – спросила Мёрфи. – Разве они не хотели бы помочь тебе? Я имею в виду, ты ведь один из них.

Я пожал плечами:

– По большей части они меня недолюбливают. Мне их помощь – как кинжал, приставленный к спине.

– Надо же! Кто-то сумел все-таки устоять перед твоими манерами и обаянием.

– Что тут скажешь? Вкуса им недостает, это точно.

Мёрфи кивнула:

– Кого ты собираешься привлечь?

– Тебя и еще одного человека, чтобы справиться со смертной охраной, – ответил я. – Знаю одного парня, неплохо управляющегося с вампирами. А еще мне нужен водитель с

машиной, чтобы забрать нас сразу, как мы разберемся с делами.

– Сколько законов ты намерен нарушить?

– Ни одного, – заверил я. – По возможности, конечно.

– А как насчет смертных помощников этих твоих вампиров – если они есть, конечно?

– Их только обезвредить. Я охочусь за Черной Коллегией. Впрочем, если ты, как сознательный офицер, хочешь вдвойне исполнить долг, меня это тоже вполне устроит.

Мы закончили упражнение, отступили друг от друга на шаг и церемонно раскланялась. Мёрфи, хмурясь, вместе со мной сошла с матов – она явно переваривала новости.

– Я не хочу обходить никаких законов. Одно дело – охотиться на вампиров, совсем другое – просто мстить.

– Заметано, – кивнул я.

Она нахмурилась еще сильнее:

– И мне, право же, очень – очень! – хотелось бы, чтобы мы провернули это в субботу.

Я фыркнул:

– Если закончим слишком рано, ты всегда можешь отлежаться где-нибудь. Например, в больнице или еще где.

– Ха-ха, – мрачно произнесла Мёрфи.

– Сделай одолжение, поройся в сводках, поищи, не пропал ли кто в последние дни. Это может оказаться полезным, чтобы вычислить их логово. Тут любая крупница информации поможет.

– Идет, – кивнула Мёрфи. – Не хочешь отработать рукопашный?

Я поднял с мата плащ:

– Рад бы. Но не могу: через полчаса должен быть на новой работе.

– Гарри, айкидо требует постоянных упражнений. Не будешь заниматься этим каждый день – утратишь то, чему уже научился.

– Знаю-знаю. Ты же понимаешь: моя жизнь далека от размеренного графика.

– Порой зачаточные знания опаснее, чем их полное отсутствие, – заметила Мёрфи.

Она подержала мой посох, пока я надевал плащ, потом вдруг нахмурилась и прикусила губу.

– Чего? – спросил я.

Ее губы дернулись, будто она изо всех сил сдерживала смех.

– Это у тебя щенок в кармане или просто ты так рад меня видеть?

Я опустил взгляд. Щен проснулся, высунул мордочку из кармана и скалил зубы в счастливой щенячьей ухмылке.

– А... да.

Мёрфи достала щена из моего кармана, перевернула лапами кверху и принялась щекотать его розовое пузо.

– И как его зовут?

– Никак. Это не мой.

– А-а-а... – протянула Мёрфи.

– Хочешь собаку?

Она покачала головой:

– Собака требует внимания, а меня сутками дома не бывает.

– Можешь не рассказывать. Не знаешь, никому не нужно?

– Да нет вроде.

– Сделай одолжение – поддержи его у себя сегодня.

Мёрфи моргнула:

– Я?

– Просто мне сейчас в первый раз на новую работу идти, и у меня не было времени устроить его куда-нибудь. Ну же, Мёрф! Он дружелюбный и тихий. Спорим, ты вообще забудешь о его присутствии. И ведь всего на день.

Мёрфи испепелила меня взглядом:

– Только на день.

– Конечно-конечно.

– На день.

– Я слышал, Мёрф.

– Я хочу, чтобы ты понял: я его не беру. Только один день.

– Да понял же я!

Она кивнула:

– Ладно, давай его сюда. Все равно сегодня с бумагами вожусь. Только будь так добр, забери его не позже пяти.

– Ты просто ангел, Мёрф. Спасибо.

Она закатила глаза и сунула шена под мышку:

– Ладно-ладно. Что это за новая работа?

Я вздохнул и рассказал.

Мёрфи прыснула:

– Ну и свинья же ты, Дрезден.

– Да не знал я!

– Самая настоящая. Жирная. Хрю-хрю.

Теперь уже я испепелил ее взглядом:

– Тебе, кажется, пора с бумагами возиться?

– Чтоб к пяти был, свинтус!

– К пяти так к пяти, – вздохнул я и, обиженно ворча себе

под нос, вернулся к машине, чтобы ехать на новую работу.

Глава 7

Чикаго – деловой город. Предприниматели всех мастей так и рыскают по нему в погоне за Американской Мечтой, оставляя за собой обглоданные скелеты потерпевших крах затей. Город полон старых офисных зданий, большую часть которых давным-давно прибрали к рукам промышленные и финансовые гиганты. Затевая какое-либо новое предприятие в нашем городе, гораздо дешевле обосноваться в одной из новых промышленных зон, расположенных на окраине. Все они похожи друг на друга: сетка одинаковых, невыразительных, зато легко приспособляемых под самые разные надобности зданий высотой в два-три этажа, с глухими окнами, почти полное отсутствие растительности, изобилие автостоянок. Дома здесь напоминают огромные бетонные ящики – зато недорого.

Аргуро оформил краткосрочную аренду на такой ящик в одном из подобных районов примерно в двадцати минутах езды на запад от города. Когда я вылезал из своего «жучка» на парковке, там уже стояли три машины. Я пригнулся и достал с правого сиденья нейлоновый рюкзак с магическими причиндалами, которые могли пригодиться в борьбе с враждебными энергиями: соль, белые свечи, святая вода, связка ключей, маленький серебряный колокольчик и плитка шоколада.

Ну да, шоколада. Шоколад обладает способностью отпугивать самых разнообразных вредоносных тварей. А если проголодаетесь, им можно перекусить. Так сказать, многоцелевое средство.

Кроме этого, из рюкзака торчал конец моего жезла – на случай, если понадобится быстро выхватить. Я надел на руку свой браслет-оберег, не забыл также доставшийся от матери амулет-пентаграмму, силовой перстень и новое приспособление, над которым работал в последнее время: серебряную пряжку на ремне в форме медведя. Лучше иметь при себе целый арсенал и не воспользоваться им, чем оказаться безоружным и погибнуть.

Заперев машину, я повернулся ко входу в здание. Поскольку я представления не имел о том, как должен выглядеть ассистент продюсера на съемках фильма категории XXX, я надел широкие брюки и спортивную рубашу. Не слишком небрежно, не слишком официально. Я закинул на плечи рюкзак, и, пока запирал дверцу, еще одна машина – ярко-зеленый прокатный седан – припарковалась рядом с моим «Голубым жучком».

Из нее вышли двое. Водитель – мускулистый крепыш лет тридцати с небольшим. Рост он имел чуть выше среднего; судя по внешности, ему доводилось заниматься не только киносъемками. Наряд его составляли футболка от «Найк», джинсы, кроссовки, которые обошлись ему в сотню-другую баксов, и очки в круглой оправе. Он вполне дружелюбно кив-

нул мне.

– Привет, – отозвался я.

– Новенький? – поинтересовался он.

– Новенький.

– Оператор?

– Каскадер. Дублер, так сказать.

– Круто, – ухмыльнулся он, достал из багажника дорогую спортивную сумку и закинул ее за плечо.

Потом шагнул ко мне и протянул руку.

– Джейк, – представился он.

Мы обменялись рукопожатием. Ладонь у него оказалась крепкая, мозолистая – натруженная, в общем. Из тех, что оставляют ощущение силы и без попыток расплющить твои пальцы. Он мне понравился.

– Гарри, – отозвался я.

Второй тип, только сейчас выбравшийся из машины, смахивал на профессионального тяжелоатлета. Высокий, сложенный как Геракл, только в кожаных штанах в обтяжку и рубаше с короткими рукавами. Еще он отличался темным, явно искусственным загаром, угольно-черной шевелюрой; возраст вряд ли позволял ему рассчитывать на получение мало-мальски пристойной автомобильной страховки. Лицо, впрочем, мало соответствовало телу олимпийца. Так сказать, изнанка физического совершенства. Справедливости ради отмечу, что смотрел он на меня, хмурясь как туча, что и создавало во многом такое впечатление.

– Кто, черт подери, ты такой? – буркнул он.

– Я, черт подери, Гарри, – скромно ответил я.

Он достал из багажника свою спортивную сумку и с грохотом захлопнул крышку.

– Всегда такой умный?

– Нет. Иногда я сплю.

Он сделал два шага ко мне и уперся в мое плечо ладонью с растопыренными пальцами. Классический мачо-боец. Я мог бы продемонстрировать ему парочку весьма жестких приемов в ответ, но по возможности стараюсь не ввязываться в драки на стоянках. Поэтому я даже не поморщился.

– Кисть немного вяловата, – заметил я. – Если интересно, могу научить паре упражнений для укрепления.

Его аж перекосило.

– Сукин сын! – выругался он и скинул с плеча сумку, чтобы освободить обе руки.

– Эй, – встревожился Джейк и шагнул между нами лицом к верзиле. – Ну же, Бобби. Рано еще кипятиться.

Стоило Джейку вмешаться, как Бобби сделался на порядок агрессивнее. Он орал и сыпал ругательствами. В жизни мне довелось повидать достаточно настоящих огров, чтобы впечатлиться имитацией, но, в общем-то, я обрадовался тому, что этим все и ограничится. Парень был заметно сильнее меня, и если по части драки знал хотя бы немного больше, чем по части приличий, это могло испортить мне весь остаток дня.

Побушевав еще немного, Бобби подобрал свою сумку и испепелил меня взглядом:

– Я знаю, что у тебя на уме. Так вот, даже не думай.

Я заломил бровь:

– Что, тоже парапсихолог?

– Вонючий дублер, – буркнул он. – Такое раз уже было. Тебе не прославиться. С таким же успехом можешь уходить прямо сейчас.

– Бобби, – вздохнул Джейк, – это не дублер.

– Но он сам...

– Он пошутил, – сказал Джейк. – Господи, да он в этом бизнесе еще больший новичок, чем ты. Слушай, зайди-ка ты внутрь. Налей себе кофе, минералки или еще чего. Только драки тебе не хватало в съемочный день.

Парень со злобой во взгляде выставил вперед палец:

– Я тебя предупредил, придурок! Держись от меня подальше, если хочешь быть цел.

– Буду, красавчик. – Я постарался изобразить на лице благожелательное равнодушие.

Тот выругался, сплюнул на землю в мою сторону и злобным вихрем поспешил в дом.

– Кое у кого явно дисбаланс тестостерона, – заметил я.

Джейк покосился вслед Бобби и кивнул:

– У него стрессовая ситуация. Не принимайте близко к сердцу.

– Не так-то это просто, – сказал я. – В смысле, когда тебя

оскорбляют, машут перед носом кулаками, и все такое.

Джейк поморщился:

– Лично к вам это не имеет никакого отношения. Просто он боится.

– Что его подменяет дублером?

– Угу.

– Вы серьезно? Что, черт возьми, делать дублеру на съемках порнухи?

Джейк неопределенно помахал рукой на уровне пояса:

– Крупный план.

– Э... Чего?

– Вообще-то, такое случается не так часто. Тем более теперь, при наличии виагры и всего прочего. Однако нет ничего необычного в том, что режиссер приглашает дублера, если у актера возникают некоторые... гм... проблемы.

Я моргнул:

– Он что, решил, что я дублер-пенис?

Джейка моя реакция, похоже, изрядно развеселила.

– Надо же! Вы и впрямь новичок!

– Вы давно в этом бизнесе?

– Изрядно.

– Наверное, не работа, а мечта, да? Женщины шикарные и все такое.

Он пожал плечами:

– Не настолько, как вам представляется. Надоедает.

– Тогда зачем вы этим занимаетесь?

– Привычка, наверное, – беззаботно ухмыльнулся он. – Да и выбора особого нет. Одно время я подумывал заняться семейным кино, но это не выгорело. – Секунду-другую он молчал, лицо его тронула легкая печаль. – Послушайте, не переживайте из-за Бобби. Он успокоится, стоит ему выдумать себе достойное сценическое имя.

– Сценическое имя?

– Ага. Мне кажется, он из-за этого такой дерганый. Это его вторая съемка. Все, что отсняли в первый раз, уже в корзине, но оно в порядке вещей – до окончательного монтажа еще и не столько выбросят. Ему дали неделю на то, чтобы придумать себе псевдоним.

– Псевдоним? Ясно. Гм...

– Ничего смешного, – серьезно возразил он. – Имена обладают силой, приятель.

– Знаю. Правда обладают.

Джейк кивнул:

– Удачное имя внушает уверенность. Для юнца это важно.

– Ну да, вроде волшебного перышка у Дамбо, – сказал я.

– Совершенно верно.

– А под каким именем выступаете вы? – спросил я.

– Джек Рокхард, – быстро и невозмутимо отозвался

Джейк.

Мгновение он пристально смотрел мне в лицо.

– Чего? – не понял я.

– Вы хотите сказать, вам неизвестно мое имя? И лицо?

Я пожал плечами:

– У меня нет телевизора. Да и в кино я не хожу.

Брови его удивленно взмыли вверх.

– Правда? Вы что, амиш или вроде того?

– Угу. Тот самый случай. Считайте, я амиш.

Он ухмыльнулся:

– Тогда пошли, я вас познакомлю со всеми.

– Спасибо.

– Да никаких проблем, – отозвался Джейк.

Мы вошли в здание. Стерильно-чистые бежевые стены, невыразительно коричневый, недорогой, но долговечный ковролин на полу... Джейк подвел меня к двери с набранной на компьютере бумажной табличкой «ГОСТИНАЯ» и вошел.

Всю середину более или менее уютного помещения занимал длинный стол для заседаний, уставленный подносами с орешками, напитками, фруктами и прочей снедью. В комнате стоял аромат свежего кофе, и я сразу же направил свои стопы к кофеварке.

В комнату вошла женщина лет тридцати пяти – сорока, не слишком выразительной внешности, в джинсах, черной футболке и легкой красно-белой курточке. Волосы она подобрала назад, перевязав красной банданой. Она взяла бумажную тарелку из стопки и принялась накладывать в нее всего понемножку.

– Доброе утро, Гуфи.

– Джоан, – беззаботно отозвался Джейк. – Ты знакома с Гарри?

– Нет еще. – Она оглянулась на меня через плечо и кивнула. – Ух ты. Ну и длинный вы!

– На самом-то деле я карлик. Это только прическа делает меня выше.

Джоан рассмеялась и кинула в рот орешек.

– Вы ведь ассистент продюсера?

– Ну да.

Она кивнула:

– Что ж, давайте продюсировать.

– Я думал, это по части Артуро.

– Он режиссер и исполнительный продюсер. На деле обязанности продюсера исполняю я. Грим, камеры, свет, декорации... ну, сами знаете. В общем, руководство съемочной группой и всеми мелочами. – Она повернулась ко мне и протянула руку, смахивая другой сахарные крошки с губ. – Джоан Даллас.

– Очень приятно, – сказал я. – Гарри Дрезден.

Джоан снова кивнула:

– Что ж, тогда за работу. Еще уйму всего нужно сделать до начала съемок. Гуфи, марш в грим-уборную и приведи себя в порядок.

Джейк кивнул:

– Они уже здесь?

В ее голосе послышалось легкое раздражение.

– Жизель с Эммой приехали.

Последовала недолгая, напряженная пауза. Джейк поморщился и направился к двери.

– Что ж, Гарри, рад знакомству, – сказал он, оглянувшись. – Джоан ничего, но она загоняет вас до смерти.

Джоан швырнула в него яблоком. Джейк перехватил снаряд в воздухе, зажал в зубах и помахал нам, выходя.

– Угощайтесь, мистер Жердина, – сказала Джоан. – А потом пойдем собирать аппаратуру.

– Я рассчитывал переговорить с Артуро до начала, – осторожно произнес я.

Она повернулась, держа в руках две тарелки с хрустящими хлебцами. На фрукты она даже не посмотрела.

– Какой-то вы наивный! Артуро, поди, не проснулся еще. И захватите эту коробку печенья. Нехватка сахара у меня в крови может стоить вам головы.

По короткому коридору она провела меня в гулкое, напоминающее пещеру помещение – студию. Декорации размещались на невысоком, не освещенном пока помосте и изображали, судя по всему, роскошно обставленную спальню. Перед помостом стояли аккуратным рядом несколько черных пластиковых контейнеров и стоек с прожекторами. Джоан принялась открывать контейнеры, не забывая через каждые три-четыре движения класть в рот что-нибудь съестное.

– Славное местечко, – заметил я.

– Зверюю я от этого славного местечка, – отозвалась Джо-

ан, не переставая жевать. – Предыдущие арендаторы называли себя торговцами компьютерными программами. Вранье. Они всю проводку здесь поменяли на куда более мощную, чем нужно для их бизнеса. У меня неделя ушла на то, чтобы хоть как-то наладить работу, пришлось превратить их бывший спортзал в подобие гримерных, но даже так это ни к черту не годится.

– Ну, законов физики не изменить, – сказал я.

– Аминь, – рассмеялась она.

– Значит, вы инженер? – спросил я.

– По необходимости приходится, – кивнула она. – Я ставлю декорации, налаживаю свет, электричество. Даже водопровод иногда. И, – добавила она, открывая очередной контейнер, – камеры. Подключайтесь, мистер Грызун; ваша помощь будет очень кстати.

Я устроился поудобнее и подождал, пока она не вынула все детали из тяжелых контейнеров. Уверенными движениями, которые свидетельствовали о долгом опыте, она собрала несколько камер и штативов, давая мне по ходу дела пояснения, и я постарался в меру сил помочь ей.

Работали мы в приятном неспешном ритме – такого со мной не бывало, наверное, с тех лет, что я провел на ферме в Хог-Холлоу в Миссури. И потом, это оказалось интересно, – в конце концов, современная техника остается для меня совсем неведомой областью.

Видите ли, те, кто обладает некоторой властью над перво-

бытными силами творения, находятся в неважных отношениях с физикой. Хуже всего дело обстоит с электроникой: она ведет себя совершенно непредсказуемо... хотя нет, чаще всего она просто вырубается напрочь. Техника постарее более устойчива – в этом одна из причин того, что я разъезжаю на «фольксвагене-жуке», собранном еще в годы вьетнамской войны. Однако новые виды изделий – видеокамеры, телевизоры, сотовые телефоны, компьютеры – погибают мучительной смертью, стоит им побыть немного в моем присутствии.

В том, чем мы занимались, имелся некий размеренный ритм, успокаивающий нервы. Собирать детали в определенном порядке, вставлять разъемы в предназначенные для них гнезда, стягивать пучки проводов клейкой лентой, чтобы они не спутались... Наверное, я справлялся весьма неплохо, так что последнюю камеру собрал уже самостоятельно, хоть и под присмотром присевшей отдохнуть Джоан.

– Как все это должно работать? – поинтересовался я. – В смысле, что дальше?

– Свет, – вздохнула она. – Чертово освещение... самое за-
нудное занятие. Свет должен быть отлажен так, чтобы никто не казался гладким до блеска или, напротив, морщинистым. А как покончим с этим, предоставим техническому менеджеру отлаживать звук, а сами займемся актерами.

– В переносном смысле, надеюсь?

Она фыркнула:

– Разумеется. Некоторые из них вполне ничего – этот

твердолобый Гуфи, например. Но если не подгонять их время от времени, ни за что не приведут себя в надлежащий вид к началу съемки. Грим, костюмы – все такое.

– Ага. А некоторые еще и опаздывают, – предположил я.

– Скрамп наверняка, – буркнула Джоан.

– Кто-кто? – заинтересовался я.

– Трисия Скрамп. Актриса.

– Вы ее недолюбливаете?

– Терпеть не могу эту самовлюбленную, эгоистичную сучку! – с наслаждением произнесла Джоан. – Строит из себя принцессу, и все до одного в съемочной группе прекрасно понимают, что им нет нужды торопиться или трезветь к сроку, потому что Ее Похотливое Высочество все равно не сообразоволил притащить свою царственную задницу вовремя. Так и чешутся руки выдрать ее как следует...

– Мне кажется, вам не стоит слишком сдерживать свои эмоции, – заметил я.

Она издала утробный смешок:

– Извините. Последнее дело вовлекать новобранцев в старые дразги. Наверное, я просто огорчаюсь из-за того, что мне пришлось снова с ней работать. Как-то я этого не ожидала.

Ага... Неприязнь к порностарлетке. То самое, что мы в своем бизнесе называем термином «мотив». Джоан не производила впечатления человека, способного хладнокровно наводить смертельную стрегу, но я уже убедился на горьком опыте: умелый лжец способен казаться воплощенной невин-

ностью вплоть до момента, когда вонзится тебе нож в спину. Поэтому, как добросовестный следователь, я копнул глубже в поисках информации:

– Почему так?

Она тряхнула головой:

– Уйдя из «Силверлайт студияс», чтобы основать собственную фирму, Артуро нажал кучу врагов.

– А что вы думаете на этот счет? В смысле об этом его шаге?

Она вздохнула:

– Артуро – идиот. Он неплохой человек и хотел как лучше. Все, кто работает с ним сейчас, рискуют оказаться в черных списках у «Силверлайт».

– Даже Трикси? Я имею в виду, если она и правда звезда, разве студия не хотела бы переманить ее обратно?

Джоан наклонилась проверить подключение и догнала в разъем штекер, который я только что вставил.

– Да вы не обдолбанный, часом? Она звезда с ограниченным сроком годности. Они найдут ей замену, не моргнув.

– Вас послушать, так она довольно решительная девушка.

Джоан покачала головой:

– Не путайте глупость со смелостью. Хотя, пожалуй, она достаточно глупа, чтобы полагать себя слишком ценной и незаменимой.

– Не будь я проницательным, сказал бы, что вы ее недолюбливаете.

– Люблю я ее или нет, это ничего не меняет, – возразила Джоан. – Если я должна работать с ней, значит буду работать.

Я постоял немного, глядя на то, как она, твердо сжав губы, начинает закрывать крышки пустых контейнеров и относить их к задней стене студии. Черт, я мог побиться об заклад, что Трисия Скрамп, она же Трикси Виксен, не отличается таким же чувством долга по отношению к работе.

Я помог Джоан собрать контейнеры. Движения ее были порывисты; из-под маски профессиональной решимости проглядывало раздражение. Продолжая работать, я как мог исподтишка приглядывался к ней. Ей здесь явно не нравилось. Могла ли она целиться в Артуро при помощи крупнокалиберного энтропийного проклятия?

Да нет, что-то здесь не состыковывалось. В голосе Джоан, когда она говорила об Артуро, не сквозило ни тени враждебности. И потом, если она и впрямь была настолько сильным заклинателем, чтобы наводить такие штуки, то не смогла бы работать в окружении стольких электронных устройств. К тому же, если она питала к Артуро убийственно-враждебные чувства, значит она актриса, каких я еще не видывал.

Я не исключал этого совершенно. Однако интуиция послала мне сложные сигналы. С одной стороны, она говорила, что Джоан – человек достойный. С другой стороны, она говорила еще и то, что женщина эта гораздо глубже, чем представляется глазу. Что-то упрямо твердило мне: все куда серьезнее, чем кажется, и ситуация даже опаснее, чем я считал

сначала.

Не нравилось мне это. Ох как не нравилось!

Джоан закрыла последний контейнер, прервав мои размышления.

– Что ж, хорошо, – сказала она. – Включаем питание?

– Э... – произнес я. – Возможно, мне не стоит находиться здесь, когда вы это сделаете.

Она подняла брови, явно ожидая объяснений.

– Это... – пробормотал я. – Видите ли, у меня в голове пластина. И она чувствительна ко всяким там электрическим полям. От высоковольтного оборудования... в этом роде. Я лучше вернусь, когда все уже будет работать, чтобы я смог сразу выйти, если возникнут проблемы.

Джоан смерила меня взглядом, полным скепсиса:

– Это действительно так?

– Угу.

Она нахмурилась:

– Как вы вообще попали на эту работу?

Черт, враль из меня никакой. Я лихорадочно подыскивал ответ, который начинался бы не с «Э-э-э...».

Однако мне помешали.

Волна безмолвной, невидимой энергии – холодной, отвратительной – накатила на меня, захлестнув с головой. Желудок скрутило в приступе тошноты, руки и плечи покрылись гусиной кожей. Черная, опасная магия клубилась в воздухе, втекая в студию через дверь. Такая магия уничтожает, лома-

ет, гноит, разлезаёт...

Как раз такая нужна для наведения смертельного энтропийного проклятия.

– Что случилось? – Джоан схватила меня за руку и трянула. – Гарри! Вы весь дрожите. Вы здоровы?

– Кто... – с трудом выдавил я из себя, – кто еще в здании?

– Джейк, Бобби, Эмма и Жизель. Больше никого пока.

На нетвердых ногах я бросился к своему рюкзаку и схватил его. Я упал бы при этом, не подхвати меня в последний момент Джоан.

– Покажите где.

Джоан растерянно заморгала:

– Что?

Насколько мог, я отогнал от себя эмоции, наведенные черной магией.

– Они в опасности! – прокричал я. – Где они? Ну?

Мои слова явно встревожили Джоан, но выражение ее лица стало скорее озабоченным, чем испуганным. Джоан кивнула и почти бегом вытащила меня из студии через боковой выход. Мы одолели марш решетчатой металлической лестницы и по коридору бросились к двери, на которой красовалась надпись «ГРИМЕРНЫЕ».

– Держитесь сзади! – рявкнул я и сделал шаг вперед.

Не успел я еще взяться за дверную ручку, как послышался женский крик.

Глава 8

Я рывком отворил дверь. Помещение размером примерно с мою квартиру было уставлено зеркалами, трюмо, складными столами и стульями. Заряд смертоносной энергии ударил мне прямо в лицо. Справа от меня стоял Бобби, на лице которого значилось полнейшее замешательство. Краем глаза я заметил слева женщину, почти совершенно раздетую. Не задерживаясь, чтобы потарашиться на нее, я бросился через комнату к следующей двери. Она приоткрылась и тут же снова захлопнулась.

Распахнув дверь пинком ноги, я ворвался в ванную размером с мою спальню; наверное, в этом нет ничего особенного, но я к такому как-то не привык. В жарком влажном воздухе пахло дорогим мылом. Вода в душевой кабине продолжала шуметь, но стеклянная дверь оскалилась остриями битого стекла. Осколки рассыпались по полу, залитому водой, а еще больше – кровью. На полу лежали два неподвижных тела.

Я ничего еще не понял, а мои инстинкты уже предостерегающе взвыли, что твоя сирена. Не успев ступить в лужу красной от крови воды, я оттолкнулся ногой и прыгнул как можно дальше и выше. Больно двинувшись голенью об угол раковины, я начал падать, но схватился за кран и подтянулся вверх. Лодыжка чертовски болела, зато ноги так и не коснулись пола. Теперь уже и мозг с запозданием оценил обста-

новку. Два человека на полу оставались неподвижными не из-за обморока: тела их свела конвульсией жуткая боль.

В углу ванной что-то искрило. Я пригляделся: тяжелый высоковольтный прожектор сорвался со скобы под потолком и оголенные провода лежали теперь прямо в луже алой жидкости на полу.

Как я уже говорил, мне не очень-то удастся ладить с техникой в тех случаях, когда я испытываю необходимость ею воспользоваться. Зато когда по-настоящему хочется разнести ее к чертовой матери, держитесь все! Я выбросил правую руку в направлении прожектора и почти нечленораздельно прохрипел слова заклинания, послав заряд энергии размером с хорошее, пусть и невидимое пушечное ядро. Воздух затрещал от моего заклятия, провода вспыхнули на пару секунд фонтанами ослепительно-голубых электрических разрядов.

А потом свет погас.

Во всем этом чертовом здании.

Упс...

Я услышал сдавленные стоны – предположительно Джейка и кого-то по имени Жизель. Я расстегнул пуговицы на груди и достал свой амулет-пентаграмму.

– Что случилось? – послышался полный подозрения голос Бобби. «Господи, что за болван». – Эй, торчок, что ты, в натуре, делаешь?

– Где, черт подери, аварийное освещение? – раздраженно

произнес женский голос.

В дверном проеме замерцал слабый свет, и я увидел Джоан, высоко поднявшую руку с зажатым в ней фонариком-брелком.

– Что здесь происходит?

– Вызовите службу девять-один-один! – рявкнул я. – И быстрее: тут кровотечение.

– Вам нужен свет, – заметила Джоан.

– У меня есть. – Я направил энергию в амулет. Серебряная пентаграмма замерцала и засветилась ровным голубым сиянием, от которого кровь на полу казалась черной. – Живее. И когда вернетесь, захватите с собой весь лед, что найдете в доме.

Джоан повернулась и исчезла. В открытую дверь я услышал еще, как она рявкнула:

– Не мешайся под ногами, болван безмозглый!

А потом ее шаги стихли.

Я сполз с раковины, прошлепал по воде к лежащим и опустился рядом с ними на колени.

Джейк, голый по пояс, пошевелился.

– Ох, – произнес он. – Ох...

– Вы как, в порядке? – спросил я.

Он сел. Его повело в сторону, и он оперся рукой о пол.

– Ерунда. Вот Жизель... Она, должно быть, поскользнулась в душе. Я бросился помочь ей...

Я переключил внимание на девушку. Совсем еще моло-

денькая, на мой вкус немного худощавая – длинные руки-ноги, длинные волосы. Я перекатил ее на спину. На шее багровел длинный порез – от уха до ключицы. Кожа блестела от крови, рот приоткрылся, глаза остекленели.

– Черт! – Я схватил с полки на стене полотенце и крепко прижал к ране. – Джейк, нужна ваша помощь.

Он поднял немного затуманенный взгляд:

– Она мертва?

– Умрет, если вы не поможете. Прижимайте вот это – крепче.

– Ясно...

Вид у него по-прежнему был оглушенный, но он стиснул зубы и сделал все, как я сказал.

Я свернул еще одно полотенце в рулон и подложил пострадавшей под ноги.

– Эй, я не могу нащупать ее пульс, – сказал Джейк. – Она не дышит.

– Черт!

Я повернул девушке голову лицом вверх и проверил, не натекло ли крови в рот, прижался губами к ее рту и с силой выдохнул, потом чуть отодвинулся и положил руки ей на грудную клетку. Я не знал, как сильно жать: у манекена, на котором мы тренировались в полиции, нет ребер, так что и ломать ему нечего. Оставалось надеяться, что я все делаю правильно. Пять нажатий, потом снова рот в рот... Еще пять нажатий, еще рот в рот... светящийся амулет у меня на гру-

ди раскачивался, тени вокруг нас казались живыми.

Если кто не знает: искусственное дыхание трудно делать долго. Сил не хватает. Я продолжал свои попытки минут шесть или семь, и у меня уже пошли круги перед глазами, когда Джейк предложил мне поменяться местами. Мы поменялись. Тут и Джоан подоспела с ведерком из нержавеющей стали, полным льда; я заставил ее завернуть лед в третье полотенце и крепко прижал получившийся сверток к ране.

– Что вы делаете? – спросила Джоан.

– У нее сильный порез. Если нам удастся восстановить ей сердцебиение, она может просто истечь кровью, – прохрипел я. – От холода сосуды сужаются, замедляют кровотоки. Это может подарить ей немного времени.

– Господи, – пробормотала Джоан. – Бедняжка...

Я пригнулся, вглядываясь внимательнее. Кожа на левой стороне лица и шеи девушки была покрыта злобными темно-красными пятнами.

– Смотрите-ка. Ожоги.

– От электричества? – спросила Джоан.

– Она упала лицом на пол, не в воду, – возразил я, нахмурившись, и оглянулся на кабину. – Вода из душа. Она ошпарилась и вывалилась оттуда прямо через чертово стекло.

Джоан дернулась, как от удара, и ее лицо посерело.

– О боже! Это я виновата! Я сама монтировала нагреватель.

– Сглазили, – донесся из гримерной голос Бобби. – Весь

этот чертов фильм сглазили. Мы все в заднице.

Джоан держалась более или менее нормально, но слезы все-таки капали с ее подбородка на обнаженную девушку. Я продолжал прижимать лед к порезу.

– Сомневаюсь, что это ваша вина. Я хочу, чтобы вы вышли встретить «скорую» и проводили их сюда, когда они приедут.

Все такая же пепельно-серая, она встала и вышла, не оглянувшись. Джейк продолжал делать искусственное дыхание, – похоже, кое-какие навыки у него имелись. Задышавшись от нервного напряжения, я все так же прижимал к ране полотенце со льдом, когда появилась наконец бригада «скорой» с большими фонариками и носилками-каталкой.

Я рассказал им, что случилось с девушкой, затем отошел в сторону, чтобы не мешать, и присел на стул в углу, у стены с гримировальными столиками. Джейк подошел и сел рядом.

– Мне показалось, она начала дышать, – шепнул он.

Мы посидели немного, глядя на хлопочущих медиков.

– Господи, жуть какая! – пробормотал Джейк. – Такое вообще случается – чтобы все разом? Что скажете?

Я нахмурился и закрыл глаза, вслушиваясь, прощупывая чувствами происходящее в комнате. Где-то в разгар смятения и паники удушливое облако разрушительной магии рассосалось, не оставив и следа. Теперь, когда кризис миновал, а дело, занимавшее все мои мысли, перешло в другие руки, начался отходняк. Руки начали трястись, в глазах замерцали звезды. Волна ужаса накатила на меня, участилось сердцеби-

ение, перехватило дыхание. Я низко опустил голову и принялся массировать затылок в ожидании, пока пройдет реакция. Света мощных фонарей более чем хватало, так что я убрал амулет под рубаху, дав ему погаснуть.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросил Джейк.

– Сейчас приду в себя. Надеюсь, с ней все будет в порядке.

Джейк хмуро кивнул:

– Может, Бобби и прав.

– Насчет проклятия?

– Возможно. – Он замолчал и осторожно покосился на меня. – Как вы узнали?

– Узнал? О чем?

– Что мы в беде. Я имею в виду, я думал, вы в студии.

Я прибежал через пару секунд после того, как услышал, что она упала. Но я-то находился всего в нескольких футах. А вы ворвались, должно быть, всего на несколько секунд позже меня. Откуда вы узнали?

– Простое везение. Мы разобрались с камерами, и Джован привела меня... чтобы представить, наверное, или что-нибудь в этом роде.

– А что это за свет у вас такой был?

Я пожал плечами:

– Ребенок моего друга подарил мне эту вещицу. Одна из этих новомодных штучек, которыми дети балуются. Подсвечивать побрякушки на дискотеках и прочих потанцульках.

– Теперь это называется рейв-пати.

– Ну да, рейв. Точно.

Несколько секунд Джейк молча смотрел на меня, потом медленно кивнул:

– Извините. Я, наверное, веду себя как параноик.

– Все нормально. Нет проблем.

Он еще раз кивнул и устало откинулся на спинку стула:

– Я уж думал, мне конец. Спасибо.

Вряд ли стоит акцентировать постороннее внимание на своих чародейских штучках, тем более когда кто-то балуется со смертоносными энергиями и наверняка не обрадуется помехе в виде представителя Белого Совета.

– Да я всего-то сделал, что вбежал. Нам еще повезло, что электричество вырубилось.

– Угу...

Медики поднялись, погрузили Жизель на носилки и покатали их к выходу. Мы с Джейком тоже встали.

– С ней все будет в порядке? – спросил Джейк.

Медики не сбавили шага, но один из них повернул голову:

– Шанс выкарабкаться у нее есть. – Он мотнул головой в мою сторону. – Когда бы не лед, не было бы и этого.

Джейк нахмурился и огорченно прикусил губу:

– Вы уж там постарайтесь, ладно?

Медики двигались быстрыми, уверенными шагами.

– Сэр, вам лучше проехаться с нами, показаться врачам.

– Я в норме, – возразил Джейк.

Медики уже сворачивали за угол коридора, но один из них

обернулся:

– Электротравмы не всегда можно почувствовать. Едемте.

Однако Джейк не тронулся с места. Медики унесли с собой фонари, и в комнате снова стало темно, пока не вернулась Джоан со своим брелоком.

– Гуфи, а ну тащи свою накачанную задницу в «скорую»!

Тот покосился на свое отражение в широком, во всю стену, зеркале. Волосы его торчали во все стороны.

– Хотя стиль у меня сейчас тот же, что у Эйнштейна, Франкенштейна и Дона Кинга, я чувствую себя вполне нормально. Обо мне не беспокойся.

– Так и знала, что ты так скажешь, – кивнула она. – Отлично, тогда я сама тебя отвезу. А все остальные – вон из студии, пока я не буду уверена, что электрика больше никого не угробит. Бобби с Эммой уже на улице. Гарри, жду вас здесь к трем, ладно?

– Зачем? – тупо поинтересовался я.

– Снимать.

– Снимать? – поперхнулся Джейк. – После *этого*?

Она поморщилась:

– Шоу должно продолжаться. И убирайтесь отсюда, чтобы я могла запереть дом. Гуфи, марш в мою машину и даже не пытайся со мной спорить! Артуро будет ждать нас в больнице.

– Ладно, – с видимой неохотой сдался Джейк. – А Бобби с Эммой? У них есть машина?

– Сомневаюсь.

Джейк порылся у себя в сумке, достал связку ключей и бросил мне:

– Вот. Передайте это Эмме, ладно?

Я поймал ключи в воздухе, и мы двинулись к выходу.

– Идет.

Джоан вздохнула:

– Может, мы и правда прокляты. Слишком все это на «Макбета» смахивает.

– Похоже на то, – согласился Джейк.

«Сыпьте скверну вглубь жерла... Жарко, жарко, пламя ярко... Хороша в котле заварка». Я промолчал, но про себя не сомневался в том, что все еще здорово ухудшится, прежде чем пойти на поправку.

Еще как ухудшится.

Глава 9

Мы вышли. Джоан с Джейком перебросились парой слов с Бобби и женщиной – насколько я понял, той самой Эммой. Потом Джоан бесцеремонно запихнула Джейка в свою машину, и они уехали, предоставив мне возможность вынюхивать без помех. Пока в студии гуляли на свободе всякие смертоносные силы, каждая минута была на вес золота, а ключи давали мне неплохой повод пошарить в поисках улик. Я не питал особенных надежд на то, что в бычьей башке у Бобби может заключаться что-либо важное для следствия, поэтому сосредоточил внимание на женщине.

– Привет, – кивнул я, подходя к ней. – Меня зовут Гарри. Я ассистент продюсера.

– Эмма, – откликнулась женщина, и впрямь очень хорошенькая.

Какая-то особенная была у нее красота, словно передающая внутренние теплоту и доброту; лицо ее, казалось, создано для улыбки. Зеленые, словно клевер, глаза, светлая кожа, длинные рыжие, с солнечно-золотыми прядями волосы... Одежда ее – джинсы, черный свитер – тоже казалась по-своему уютной. Вот только улыбки на ее лице я что-то не видел.

Она протянула мне руку:

– Рада познакомиться. Хорошо, что вы оказались на ме-

сте, чтобы помочь им.

– Любой, окажись он там, сделал бы то же самое, – заверил я ее.

– Пошли, Эмма, – с кислой миной потянул ее за рукав Бобби. – Вызовем такси и поехали.

Она не обратила на него ни малейшего внимания.

– Я вас, кажется, здесь еще не видела.

– Верно, я первый день сегодня. Нас с Артуро один общий друг познакомил, а я как раз искал работу.

Эмма поджала губы и кивнула.

– Он у нас мягкотелый, – сказала она. – На случай, если вам еще не говорили, у нас в студии не каждый день такое происходит.

– Надеюсь, – согласился я. – Жаль, что так вышло с вашей подругой.

– Бедняжка Жизель! Надеюсь, она поправится. Она родом из Франции – у нее здесь никого родных. Я не видела – она что, шею порезала?

– Угу.

– Как? В смысле в каком месте?

Я провел пальцем под подбородком и упер его в свой карман:

– Здесь.

Эмму пробрала заметная дрожь.

– Господи, шрам...

– Если она выживет, я думаю, это ее мало будет смущать.

– Черта с два не будет! – вспыхнула Эмма. – Он же на виду.

Она не пройдет ни одного кастинга.

– Могло обернуться и хуже.

Она пристально посмотрела на меня:

– Вы не одобряете ее профессии?

– Я этого не говорил.

– Вы что, из этих, из религиозных, или вроде того?

– Нет, я только...

– Потому что, если вы из этих, я лучше сразу скажу вам, что я не из них и что я терпеть не могу, когда кто-то осуждает мою работу.

– Вовсе я не религиозен. Я... э...

– И меня тошнит от придурков, которые... которые... –

Она с видимым усилием замолчала. – Извините. Обычно я держу себя в руках. Нет, правда, меня тошнит от людей, которые говорят мне, как губительна для меня моя работа. Как она разлагает мне душу. Что я должна бросить ее и посвятить свою жизнь Господу.

– Вы, скорее всего, мне не поверите, – осторожно произнес я, – но я очень хорошо понимаю, что вы имеете в виду.

– Вы правы, – кивнула она. – Я вам не верю.

На поясе у нее зачирикал мобильник, она отстегнула его и поднесла к уху:

– Да? – Она помолчала секунду. – Нет. Нет, лапочка. Мамочка ведь сказала тебе, уходя. Если Грейси говорит, что можно только одно печенье, значит получишь только од-

но. Пока мамочка не вернется с работы, она главная. – Эмма послушала еще немного и вздохнула. – Знаю, лапочка. Мне очень жаль. Я скоро приеду. Идет? Я тебя тоже люблю, лапочка. Целую. Пока.

– Ребенок? – спросил я.

Она едва заметно улыбнулась мне, пристегивая телефон обратно на пояс:

– Двое. С ними сейчас бабушка.

Я невольно нахмурился:

– Ух ты... Как-то никогда не представлял себе... гм... актрисы с детьми.

– Нас таких мало, – сказала она.

– А что... гм... их отец одобряет вашу работу?

Взгляд ее полыхнул горячим огнем.

– Он с ними не общается. И со мной.

– Ох, – спохватился я и протянул ей ключи. – Джейк просил передать... от машины. Извините, если обидел. Я не хотел, правда.

Она глубоко вдохнула, выдохнула, и злость, распиравшая ее изнутри, похоже, немного ослабла. Она взяла ключи.

– Да вы не виноваты. Это я такая... взвинченная.

– Здесь все, похоже, на взводе, – заметил я.

– Ну да. Это все фильм. Если он не пойдет, нам всем придется искать себе работу.

– Почему?

Она пожала плечами:

– Все довольно сложно. У нас у всех контракты с «Силверлайт». Артуро от них ушел, но ему удалось найти в своем контракте лазейку, позволяющую ему набирать актеров у «Силверлайт» еще три месяца после его ухода.

– О, – вспомнил я. – Джейк говорил что-то насчет еще одного фильма.

Она кивнула:

– Артуро хочет снять три фильма. Это второй. Если их примут хорошо, Артуро укрепит свою репутацию, а мы получим возможность либо расторгнуть контракты с «Силверлайт», либо выторговать себе условия повыгоднее.

– Ясно, – сказал я. – А если фильмы провалятся, «Силверлайт» сама расторгнет с вами контракты?

– Именно, – кивнула она. – А у нас и так столько проблем, так теперь еще эта...

– Ну же, Эмма, поехали, – воззвал к ней Бобби. – Я подышаю с голоду. Поедем поищем чего-нибудь.

– Поучился бы воздержанию для разнообразия. – Ее зеленые глаза на мгновение вспыхнули от раздражения, но она быстро взяла себя в руки. – Увидимся после обеда, Гарри. Рада была познакомиться.

– Взаимно.

Она повернулась и, испепелив Бобби взглядом, зашагала к машине. Так и не обменявшись ни словом, они уселись – Эмма за руль, Бобби на пассажирское место – и уехали.

Я задумчиво двинулся к своей машине. Похоже, Томас и

Артуро не ошибались. Кто-то наслал на съемочную группу чертовски мощное энтропийное проклятие – конечно, если все это не являлось чудовищным совпадением, в чем я сильно сомневался. Этаким мистический эквивалент разящего удара молнии.

Источником энергии может стать что угодно: избыточные эмоции, несчастный случай... да что там, даже простые географические особенности на это способны. Такая энергия, в свою очередь, тоже влияет на мир вокруг нас. Именно она дает «Каббизу», бейсбольному клубу, преимущество на своем поле (которое, правда, сводится на нет всей их тупой возней с талисманами и прочей лабудой). Она же оставляет несмываемую ауру ужаса на всем, что хоть раз было связано с какими-нибудь трагическими событиями. И эта же энергия сохраняет за тем или иным местом дурную репутацию.

Я не ощущал никакой особой концентрации силы вплоть до момента, когда проклятие обрушилось на Джейка и Жизель, впрочем и это не исключало до конца вероятность случайного совпадения. На самом деле существует уйма магических энергий, ощутить или распознать которые трудно, почти невозможно. В каждой культуре для них существует свое определение: мана, тотем, джуджу, ци, психоэнергия, Сила, душа... Эта неопределимо сложная система взаимосвязанных энергий, действующих на нашу старушку Землю, укладывается в одно незамысловатое определение: *shit happens*. То бишь всякое бывает.

С другой стороны, пострадали – и не раз – люди вокруг Артуро. Я могу допустить, что молния способна поразить человека. Но если бы не мое вмешательство, она проделала бы это четырежды. Вероятность подобного совпадения близка к нулю.

И потом, как бы мне ни хотелось списать все на стихийные обстоятельства, та энергия, что заставила Жизель броситься сквозь стеклянную дверь, стекло – разбиться и порезать ее, а прожектор – упасть и закоротиться на полу, никак не походила на природную. Она проскользнула мимо меня огромной целеустремленной змеей и ведь не набросилась на первого подвернувшегося. Она не тронула ни меня, ни Бобби, ни Эмму; Джейка она зацепила по чистой случайности. Она целилась в душ, в девушку.

Выходит, по меньшей мере в одном Артуро заблуждался. Целью малоккио был вовсе не он.

Только окружавшие его женщины.

Мысль эта вдруг взбесила меня. Можете обзывать меня неандертальцем, но, когда всякие гадости происходят с женщинами, я начинаю вести себя не совсем разумно. Нет насилия омерзительнее, чем то, что нацелено на женщину, и то, что хищники имели сверхъестественную природу, только усугубляло это. Именно по этой причине я так вышел из себя, когда Томас ввел Жюстину в транс. При этом я прекрасно понимал, что сама девушка вовсе не возражала, и ни капельки не сомневался в том, что Томас не желал ей зла. И все

же какие-то глубинные, примитивные инстинкты заставляли меня видеть только то, что она женщина, а он – охотится на нее.

Что бы там ни думала на этот счет более рациональная часть моего рассудка, когда я вижу, как кто-то причиняет зло женщине, гигантопитек во мне жаждет схватить кость потяжелее и на манер примата из Кубриковой «Одиссеи» засветить по башке кому нужно.

Насупившись, как туча, я уселся в машину и заставил себя успокоиться и подумать хорошенько. Я медленно, размеренно дышал до тех пор, пока не сбросил пар достаточно, чтобы начать анализировать все, что мне удалось узнать. Все нападения на Артуровых женщин очень сильно смахивали на вендетту. Кто-то имел на Артуро бо-ольшой зуб и целенаправленно убирал одну за другой женщин из его окружения. Интересно, что за зуб надо иметь, чтобы действовать с такой жестокостью? И кто способен на такое?

Возможно, некая ревнивая дама. Особенно учитывая то, что у него в копилке целых три бывших жены.

Мэдж, например, вовлечена в совместный с Артуро бизнес. Она не показалась мне человеком, способным рискнуть своим состоянием ради примитивной мести. Последняя по времени супруга, Трисия, находилась в аналогичном положении... впрочем, с ней я еще не встречался. Второй экс-супруги – как ее... Люсиль – на горизонте не наблюдалось. Интересно, а она могла воспользоваться магией с целью рас-

платы?

Я тряхнул головой и завел машину. До сих пор я встречался с энтропийным проклятием только раз, и совсем недолго. Оно было на порядок сильнее малоккио, едва не убившего Джейка и Жизель. Я остался в живых по счастливому стечению обстоятельств – и это при всем моем арсенале магических приемов и оберегов, к тому же не удалось избежать гибели хорошего человека.

Я спас Джейка и, надеюсь, Жизель, но мне повезло. С таким же успехом я мог погибнуть от электрического разряда в луже собственной крови. Мне удалось одолеть малоккио, но ничто не гарантировало отсутствия новых попыток. Более того, скорее всего, в следующий раз острие этой смертоносной магии нацелится точнехонько на меня.

Я тронул «жучок» с места и поехал к себе в офис.

Черт, для того чтобы составить хоть мало-мальски пристойное представление о злоумышленнике, мне не хватало информации. Возможно, с моей стороны умнее было бы обследовать орудие убийства – как знать, может, мне и удалось бы определить, каким образом его использовали.

Проклятия связаны теми же ограничениями, что и любое другое заклятие. Из этого следовало, что тот, кто насылал сглаз, – кем бы он ни являлся, – испытывал необходимость тем или иным способом наводить магию на назначенную жертву. Лучше всего для этого подходят части тела: прядь волос, обрезки ногтей... сойдет и свежая кровь. Впро-

чем, есть и другие средства. Например, кукла, одетая так же, как жертва. Я слышал, что для этого годится даже фотография – при условии, что она неплохого качества.

Впрочем, навести проклятие на цель только полдела. Прежде чем убийца приведет его в действие, он должен накопить достаточно энергии. Такое сильное заклятие, как это, требует уйму подготовительной работы. И ведь энергию мало еще просто накопить – ее необходимо преобразовать в соответствующую форму. Даже среди обладающих магическим даром не так много найдется таких, кто способен на это. Ясное дело, любой член Белого Совета проделает это без особого труда – так ведь не каждого в этот Совет и берут. Подавляющее большинство им даже в подмастерья не годятся. Да и далеко не те, кого в эти подмастерья берут, осиливают курс обучения.

Столь сильная магия опасна для новичка в нашем ремесле. Еще как опасна! В общем, решил я, велики шансы, что это не просто ревнивый маг-самоучка. Эти методичные убийства совершены кем-то до неприятного умелым.

Но зачем? Зачем убивать работающих на Артуро женщин? И какого эффекта добивается убийца? Все вовлеченные в процесс съемок, разумеется, нервничают. Может, кто-то пытается посеять страх лишь ради того, чтобы предприятие Артуро лопнуло, толком не родившись?

Конечно, месть вполне способна служить мотивом убийства, но, поразмыслив немного, я решил, что жадность как

мотив не менее, если не более, перспективна для разработки. И то правда, жадность – славный, стерильный такой мотив. Если деньги стоящие, вам не обязательно знать того, изпод чьего носа вы их выхватили. Вам не нужно ни любить его, ни ненавидеть, ни даже знать, кто это такой. Вам достаточно хотеть этих денег сильнее, чем вы хотите, чтобы являющийся помехой продолжал дышать, – если история и учит чему-либо, так только тому, что подобный образ мышления никак не назовешь редкостью.

Я припарковал машину на стоянке около дома и по лестнице поднялся в свой офис. Кто останется в выигрыше от краха Артуро? Студия «Силверлайт». Я кивнул. Эта версия выглядела куда логичнее, чем действия какого-то мстительного одиночки. В качестве отправного пункта это представлялось вполне убедительным – и у меня имелась еще пара часов на предварительные изыскания. Если повезет, я мог бы нарыть информацию, способную поддержать – или опровергнуть – версию нехорошего парня с долларовыми купюрами вместо совести.

Я отпер дверь моего офиса, но не успел шагнуть внутрь, когда в затылок мне уперлось что-то холодное и твердое: пистолетный ствол. Сердце панически дернулось и замерло.

– Идите в комнату, – негромко произнес чуть грубоватый мужской голос. – И не поднимайте шума сильнее, чем обычно.

Глава 10

Что-что, а приставленный к затылку пистолет пробуждает самое что ни на есть глубинное стремление к сотрудничеству и взаимопониманию. Я повиновался.

Я отпер дверь, и тип с пистолетом вошел следом за мной. Мой офис невелик, но занимает угловое помещение, поэтому окна у него на двух стенах. Обстановка состоит из стола, стойки со старой кофеваркой, нескольких металлических шкафчиков с картотекой и столика у входа, на котором разложены буклеты, имеющие целью помочь взаимопониманию с нормальными людьми. Мой рабочий стол расположен в углу между окнами; перед ним стоят два мягких кресла для клиентов.

Тип с пистолетом подвел меня к одному из мягких кресел и подтолкнул:

– Садитесь.

Я сел:

– Эй, послушайте...

Ствол надавил сильнее.

– Цыц.

Я замолчал. Мгновение спустя что-то шлепнуло меня по плечу.

– Возьмите это, – скомандовал голос. – И наденьте.

Я послушно потянулся рукой и обнаружил маску для сна

– из плотной материи, с резинкой на затылке.

– Но зачем?

Должно быть, тип за моей спиной взвел курок: что-то неприятно щелкнуло. Я надел эту чертову маску:

– Может, вы не поняли: как следователь, я в этой маске не слишком эффективен.

– Об этом и речь, – хмыкнул тип с пистолетом. Ствол отодвинулся от моего затылка. – Постарайтесь сделать так, чтобы я ничего не испугался. – Он зевнул. – А то я нервный что-то. Можно сказать, на иголках весь. Сделаете лишний звук или движение, и я могу дернуться... а у меня курок, понимаете ли, шибко чувствительный. Мой пистолет сейчас целится вам прямо в нос. В общем, эта причинно-следственная связь может оказаться для вас неблагоприятной.

– Возможно, в следующий раз вам достаточно будет сказать «замри», – предложил я. – Совершенно не обязательно было так растягивать процесс.

Судя по его голосу, он слегка улыбнулся:

– Я просто хочу, чтобы вы хорошо прочувствовали ситуацию. Если я по какой-то глупой случайности вдруг разнесу вам башку, у нас лица покраснеют от неловкости. – Он помолчал мгновение. – Ну, мое, во всяком случае.

Мне это не показалось пустой бравадой. Говорил он спокойно, даже чуть скучающим тоном. Я услышал, как он движется вокруг меня, потом ощутил внезапную вибрацию воздуха, и кожа у меня на лице чуть застыла, как на морозе.

– Ладно, – произнес он. – Так, пожалуй, сойдет. Можете снимать.

Я снял маску и смог наконец разглядеть своего пленителя – тот сидел на краешке стола, держа в руках небольшой полуавтоматический пистолет с наведенным на меня стволом. Роста он был немаленького, почти с меня; будь его темно-русская шевелюра чуть длиннее, она казалась бы просто пижонской. От спокойного, уверенного взгляда серо-голубых глаз, пожалуй, не укрывалось ничего. Одежду его составляли свободные черные брюки и черная же спортивная куртка, из-под которой виднелась серая футболка. Сложением он напоминал скорее пловца, нежели тяжеловеса, – этакая упругая львиная мощь в сочетании с ленивой, небрежной грацией.

Я огляделся по сторонам и увидел, что вокруг моего кресла насыпано неширокое, пальца в два, колечко из соли. Пустая баночка стояла рядом на полу. В одном месте на белых кристалликах виднелось маленькое красное пятно: кровь. Он использовал каплю своей крови, чтобы активировать магический круг, и я физически ощущал, как бьется, сгустившись в тесном кольце, моя собственная магия.

Круг образовал барьер, запиравший внутри себя любую магическую энергию. Если бы мне вздумалось насрать на мужчину с пистолетом ту или иную магию, я бы не смог сделать этого, не разрушив кольцо соли физически. Возможно, в этом и заключался смысл.

Я поднял на него взгляд.

– Кинкейд? Я не ожидал вас, по крайней мере до завтра.

– Жизнь моя бродячая, – отозвался наемник. – Я как раз ехал через Атланту, когда получил ваше сообщение. А уж оттуда до Чикаго долететь – плевое дело.

– А к чему такие гестаповские штучки?

Он пожал плечами:

– Вы, Дрезден, чертовски непредсказуемый тип. Я вовсе не прочь поболтать с вами, но прежде я хотел убедиться, что вы – это действительно вы.

– Уверю вас, это действительно я.

– Приятно слышать.

– И что дальше?

Он чуть двинул плечом:

– А дальше мы с вами мило побеседуем.

– Под дулом пистолета? – поинтересовался я.

– Ну, мне не хотелось бы, чтобы в наш разговор вмеши-
валась всякая там магия.

– Но я бы не стал делать ничего такого, – возмутился я.

Он отрицательно мотнул пальцем:

– Совет испепелит всякого, кого поймают за этим занятием. Но у нас же частная беседа. – Он кивнул в сторону круга. – Так вы точно не сможете ничего такого. Я здесь затем, чтобы поговорить по делу, а не сдохнуть по собственной глупости. Если угодно, можете считать эти меры предосторожности комплиментом.

Я скрестил руки на груди:

– Нет лести убедительнее пистолета, нацеленного тебе в лоб.

– Господь свидетель, это истинная правда, – согласился Кинкейд и положил пистолет на стол; левая рука его, правда, оставалась лежать на рукоятке. – Я человек простой, Дрезден. И жив я до сих пор только потому, что стараюсь не допускать глупых случайностей или неосмотрительных поступков.

Я постарался сдержать упрямую злость и кивнул:

– Что ж, ладно. В конце концов, не буду делать глупостей – ничего и не случится.

– Вот и славно. – Он покосился на часы с пластиковым ремешком. – Только не думайте, что у меня день в запасе. Хотели поговорить со мной – так говорите.

На самом-то деле я готов был кричать от раздражения, но взял себя в руки:

– В Чикаго сейчас орудует целая шайка вампиров.

– Черная Коллегия?

– Угу, – кивнул я.

– Кто главарь?

– Мавра.

Кинкейд задумчиво поджал губы:

– Чертова старая жаба! Я слышал, она набрала себе небольшую команду.

– Угу. Я как раз хочу сократить их численность.

Кинкейд побарабанил указательным пальцем по пистоле-

ту:

– Вампиров из Черной Коллегии не так-то просто одолеть.

– Если только не взять их тепленькими, спящими в гробах, – возразил я. – Найти их я смогу.

– Вы хотите, чтобы я поработал вашим телохранителем, пока вы не разберетесь с ними?

– Нет. Я хочу, чтобы вы отправились туда со мной и помогли мне перебить их к чертовой матери.

Губы его раздвинулись в белозубой улыбке.

– Наступательные действия? Это славно. Осточертело обороняться. И каков сценарий?

– Найти их. Перебить их.

Кинкейд кивнул:

– На слух довольно просто.

– Ну, в этом вся соль. Сколько вы с меня хотите?

Он назвал сумму.

Я поперхнулся:

– Вы имели в виду наличными или как?

Кинкейд закатил глаза и встал:

– Иисусе! Вам что, не жаль моего времени, Дрезден?

– Подождите, – поспешно сказал я. – Послушайте, я что-нибудь придумаю... Расплачусь.

Он заломил бровь.

– Я держу слово, – заверил я.

– Возможно, – сказал он. – Однако занятно, как работа наемником делает тебя слегка циничным.

– Рискните, – посоветовал я. – Я добуду денег. И потом, за мной и так должок.

Его глаза блеснули ехидным огоньком.

– Чтобы в долгу у тебя был печально известный Дрезден... Да ради такого не жалко и времени. Грех не дать вам шанса расплатиться.

– Отлично.

– Два условия, – сказал он.

– Какие?

– Мне нужна как минимум еще одна пара глаз, – заявил он. – Кто-то, умеющий драться.

– Зачем?

– Затем, что, если кого-то ранят, потребуются двое, чтобы вытащить его живым. Один – чтобы тащить, и второй – прикрывать отступление.

– Вот не думал, что вы заботитесь о раненых.

– Еще как забочусь, – возразил он. – Ранить могут и меня.

– Отлично, – кивнул я. – А второе условие?

– Вы должны понимать, что, если вы потом попытаетесь шантажировать меня этим или обмануть с оплатой, я буду вынужден защищать собственные интересы. – Он поднял руку. – Поймите меня правильно. Это чистый бизнес. Ничего личного.

– Да никаких проблем, – заверил я его. – И потом, вы ведь тоже не хотели бы получить мое смертное проклятие.

– Ни в коем случае. Поэтому я использовал бы винтовку –

с расстояния в тысячу ярдов. Пуля опережает собственную звуковую волну, так что выстрела вы даже не услышите. Вы будете мертвы прежде, чем поймете, что случилось.

Это сильно напугало меня. Мне доводилось сталкиваться лицом к лицу с самыми разными жуткими тварями, но ни одна из них не отличалась такой спокойной практичностью. Кинкейд верил, что сможет убить меня, если дело дойдет до этого.

И если подумать, я в это тоже верил.

С десятков секунд он следил за моим лицом, и улыбка его стала слегка напоминать волчий оскал.

– Уверены, что хотите меня в команду?

Еще пару секунд в комнате царило напряженное молчание.

– Да.

– Ладно. – Кинкейд шагнул вперед и носком ботинка прочертил в кольце соли брешь. Напряжение энергетического барьера разом исчезло. – Только я ограничен во времени. Мне нужно вернуться к Иве до воскресенья.

– Понятно, – кивнул я. – Как с вами связаться?

Он сунул пистолет в карман куртки и, выудив оттуда серую визитную карточку, положил ее на стол:

– Пейджер.

Он повернулся к двери. Я встал из кресла:

– Эй, Кинкейд.

Он оглянулся. Я бросил ему маску. Он поймал ее.

– Значит, простой человек? – спросил я.

– Угу.

– Ничего сверхъестественного?

– Даже обидно, – кивнул он. – Стопроцентно смертный.

– Врете.

Лицо его снова сделалось подчеркнуто нейтральным.

– Прошу прощения?

– Я сказал, вы врете. Я же видел вас там, на Ригли, Кинкейд. Вы стреляли на ходу, да еще уворачиваясь от противников. Двенадцать выстрелов – и двенадцать трупов.

– А что в этом такого сверхъестественного?

– В горячке боя простым людям свойственно совершать ошибки. Мазать. Даже в большинстве случаев. Вы не промазали ни разу.

– Что толку от стрельбы, если ты промахиваешься? – Он улыбнулся, сложил пальцы пистолетиком и прицелился указательным пальцем в меня. – Я такой же смертный, как вы, Дрезден. До встречи.

И вышел.

Я так и не понял, принесло это мне облегчение или нет. С одной стороны, он был опытный стрелок – абсолютно неопределимый в бою. Смертный он или нет, в противостоянии с Маврой я отчаянно нуждался в помощи кого-то вроде него.

С другой стороны, я понятия не имел, как буду с ним расплачиваться; к тому же я верил, что он запросто убьет меня, если я этого не сделаю. Все это пугало меня до холодного

пота. До сих пор я более или менее полагался на идею смертного проклятия. Согласно этой идее любой, задумавший напасть на члена Белого Совета, десять раз призадумается над угрозой попасть под шквал разрушительной энергии, высвобождаемой чародеем в последнее мгновение его жизни.

Но этого мгновения вряд ли хватит, когда речь идет о снайпере, стреляющем из засады. Я представлял себе это: вспышка, удар в затылок, длящееся доли секунды удивление, а потом чернота – прежде, чем я успею осознать нужду в смертном проклятии.

Кинкейд был прав: у него могло и получиться. Вся заведенная в наших магических сообществах тактика единоборств отстала от жизни как минимум на пару столетий. Вполне вероятно, старейшины Белого Совета даже не осознавали этого. Одно хорошо: вампиры по некоторым признакам – тоже.

Черт, будущее как-то разом стало представляться мне не самым приятным для чародеев местом.

Я подмел соль и уселся за стол, пытаясь привести мысли хоть в относительное подобие порядка. Черт, мне не хватало подробностей того, что случилось с жертвами малоккио. И мне не хватало подробностей о карьере Артуро Геносы в мире эротического кино.

И – словно всего этого мало – мне не хватало денег, чтобы нанятый мною же громила не понаделал дырок в моем черепе.

Подавляющему большинству людей такая ситуация показалась бы безнадежной. Впрочем, подавляющее большинство и не попадает в такие ситуации со столь удручающей регулярностью, как я. Досада и напряжение во мне нарастали, и я даже находил в них какое-то извращенное успокоение. Черт, да я и вправду чувствовал себя спокойнее с этими старыми добрыми, хорошо знакомыми мне эмоциями, что держали меня начеку, уменьшая риск преждевременной смерти.

Адские погремушки... Может, я и правда псих?

Глава 11

Мне пришлось изрядно потратиться на телефонные разговоры в попытках нарыть хоть какую-то информацию о Геносе. Я обзвонил с дюжину организаций как в самом Лос-Анджелесе, так и в его окрестностях, но почти каждый номер соединял меня с автоответчиком, а те, кто все-таки снимал трубку, отсылали меня к своей домашней странице в Интернете. Живое человеческое общение явно ушло в прошлое. Чертов Интернет!

Я побился об несколько стен, постучал лбом в несколько запертых дверей, а потом посмотрел на часы и спохватился. Записав парочку адресов в Интернете, я кинул в рот немного съестного и отправился к Мёрфи.

Отдел специальных расследований расположен в одном из разномастных зданий комплекса Чикагского полицейского управления. Я сунул дежурившему у входа сержанту свое удостоверение консультанта, выданное мне Мёрфи, тот поставил меня расписаться в книге посещений и махнул рукой, пропуская внутрь. Я поднялся по лестнице на этаж, который делили между собой камеры предварительного заключения и ОСП.

Открыв дверь отдела, я шагнул внутрь. Помещение размером пятьдесят на двадцать футов было сплошь заставлено рабочими столами. Единственным местом, выгороженным

из общего объема невысокими шкафными перегородками, оставался закуток для посетителей с парой старых потертых банкеток и столиком, на котором валялось несколько журналов для скучающих взрослых и несколько игрушек для скучающих детей. Правда, одна из этих игрушек – плюшевый Снупи, весь в пятнах от детского питания, – лежала на полу.

Над ней стоял, впившись зубами в плюшевое ухо, щен. Он помотал мордой, смешно хлопая кривым ушком, и, пятясь, с писклявым рычанием потащил Снупи за собой. Потом поднял взгляд на меня, оживленно завилял хвостом и принялся терзать игрушку с удвоенным энтузиазмом.

– Эй! – окликнул я его. – Тебе полагалось находиться под присмотром у Мёрфи. Что ты себе позволяешь?

Вместо ответа щен твякнул и встряхнул Снупи еще сильнее.

– Вижу, вижу, – вздохнул я. – Нянька из нее...

Высокий, начинающий лысеть мужчина в мятом коричневом костюме оторвался от бумаг и повернулся ко мне:

– Привет, Гарри.

– Сержант Столлингс, – отозвался я. – Приятно было посмотреть на вас с Мёрфи нынче утром. Особенно когда вы ушибли ее ногу своим пузом – круто вышло.

Он ухмыльнулся:

– Я думал, она пойдет на захват. В ближнем бою женщины вообще опасны. Все пытались втолковать это О’Тулу, но он слишком молод и полагает себя неуязвимым.

– Мне кажется, она втолковала ему это убедительнее, – заметил я. – Она сама-то здесь?

Столлингс покосился в сторону закрытой двери маленького кабинета Мёрфи:

– Угу. Только вам стоит знать, что у нее нынче бумажный день. Любой входящий без спроса рискует остаться без головы.

– Я ее понимаю, – кивнул я и подобрал щенка с пола.

– Что, собачку завели?

– Да нет, так, благотворительность. Мёрфи обещала последить за ней до моего прихода. Звякнете ей обо мне?

Столлингс покачал головой и придвинул ко мне телефон:

– Я надеюсь дожить до пенсии. Сами попробуйте.

Я ухмыльнулся и двинулся к двери кабинета, кивнув по дороге паре знакомых парней из отдела. Подойдя к двери, я постучал.

– Черт подери! – рявкнула Мёрфи из-за двери. – Сказала же: не сейчас!

– Это я, Гарри, – ответил я. – Заглянул забрать собаку.

– Ох господи, – буркнула она. – Отойди от двери.

Я отошел.

Секунду спустя дверь отворилась, и Мёрфи испепелила меня взглядом:

– Подальше отойди. Я весь этот чертов день сражалась с компьютером. Клянусь, если ты еще раз грохнешь мне жесткий диск, я его тебе в задний проход запихаю.

– Что ему, твоему жесткому диску, делать у меня в заднице? – искренне удивился я.

Она недобро сощурилась.

– Ха-ха-ха. Ладно, раз так, я пошел.

– Как знаешь, – сказала она и захлопнула дверь.

Я нахмурился. Фразы типа «как знаешь» были не в ее духе. Я попытался вспомнить, когда в последний раз видел Мёрфи такой немногословной. Когда посттравматический стресс у нее еще не прошел, она казалась отстраненной, но не злобной. Когда она напрягалась перед боем или перед лицом угрозы, ей не стоило подворачиваться под руку, но и тогда она не отталкивала от себя друзей.

Единственной ситуацией, более или менее напоминавшей нынешнюю, был случай, когда она считала меня замешанным в цепочке сверхъестественных убийств. С ее точки зрения, все выглядело так, будто я злоупотребил ее доверием, и в конце концов ее злость вылилась в прямой удар правой, сломавший мне зуб.

Что-то ее расстроило. Сильно расстроило.

– Мёрф? – окликнул я ее через дверь. – Скажи, где пришельцы спрятали твою тарелку?

Она приоткрыла дверь и хмуро уставилась на меня:

– О чем это ты?

– Ну, не тарелку... Просто ты – не ты, а какой-то злобный двойник из другого измерения или откуда там еще.

На ее скулах заиграли желваки; взгляд не обещал ничего

хорошего.

Я вздохнул:

– Пойми, ты сама на себя не похожа. Я, конечно, не психоаналитик, но вид у тебя такой, словно тебя что-то беспокоит. Во всяком случае, мне так кажется.

Она махнула рукой:

– Эти бумаги...

– Никакие не бумаги, – возразил я. – Ну же, Мёрф. Это ведь я.

– Не желаю об этом говорить.

Я пожал плечами:

– А стоило бы. Ты в паре шагов от психоза.

Она взялась за дверную ручку, но дверь не закрыла:

– Просто день не задался.

Я ей не поверил, но кивнул:

– Конечно. Извини, если я добавил тебе хлопот с собакой.

Лицо ее сделалось просто усталым. Она прислонилась к косяку:

– Нет. Нет, правда, он просто лапочка. Шума от него почти никакого. Весь день вел себя тихо, как мышка. Даже все на бумажку сделал, которую я ему подстелила.

Я снова кивнул:

– Ты уверена, что не хочешь поговорить?

Она поморщилась и окинула взглядом помещение отдела:

– Не здесь. Пошли.

Мы угнездились в углу у кофеварки и автоматов со всякой

снедь. Мёрфи не произнесла ни слова, пока не купила себе батончик «сникерс».

– Мама звонила, – сказала она наконец.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

– Угу. – Она устало зажмурилась и откусила треть батончика. – Вроде того. Не совсем.

– А-а-а, – произнес я, словно понял, что она имеет в виду. – Так что случилось?

Она откусила еще кусок.

– Моя сестра Лиза обручилась.

– А-а-а, – повторил я. Всегда изъясняйся уклончиво, когда не уверен, в чем дело. – А я и не знал, что у тебя есть сестра.

– Младшая.

– Гм... Мои соболезнования? – предположил я.

Она свирепо посмотрела на меня:

– Она это нарочно сделала. К семейному сборищу в выходные. Совершенно осознанно.

– Это хорошо. В смысле хоть кто-то понимает, что делает, потому что лично я ни хрена пока не понимаю.

Мёрфи сунула в рот остаток батончика.

– Моя младшая сестра помолвлена. Она заявится туда в выходные со своим женихом, а я как дура – без жениха, без мужа... даже без сожителя. Мамочка меня с дерьмом смешает.

– Ну... у тебя ведь был муж. Даже два.

Она вспыхнула:

– Ты не понял. Мёрфи – ирландские католики. Мужей-то два, но и *разводов* не один, а два – не уверена, что это повышает мой семейный рейтинг...

– Мм... Не сомневаюсь, с кем бы ты ни встречалась, он с радостью покажется в обществе вместе с тобой, разве нет?

Она оглянулась в сторону сидевших за своими столами подчиненных. Если взгляды способны убивать, этот смел бы в озеро Мичиган все крыло здания.

– Ты смеешься? Когда? Я уже года два ни с кем не встречалась.

Возможно, мне стоило подать какую-нибудь реплику насчет того, как пуста жизнь без спутника... Вместо этого я решил уколоть ее самолюбие. В прошлом это срабатывало неплохо.

– Непобедимая Мёрфи. Убийца разнообразнейших гадких тварей – оборотней, вампиров и тэ дэ и...

– И троллей, – буркнула Мёрфи. – Двоих – летом, когда ты был в отъезде.

– Ну... да... И при всем этом ты позволяешь себе скинуть из-за какого-то там семейного междусобойчика?

Она мотнула головой:

– Послушай... Это личное, между мной и мамочкой.

– И твоя мамочка меньше тебя любит оттого, что ты не замужем? Что ты выбрала работу? – Я скептически покосился на нее. – Только не говори мне, Мёрф, что под маской пуленепробиваемой героини таится маменькина дочка.

Секунд десять она молча смотрела на меня, и усталость мешалась в ее взгляде с досадой.

– Я ведь старшая дочь, – пояснила она. – Ну и... в общем, все время, пока я росла, считалось, что я... Пойду по ее стопам, что ли. Мы обе так считали. Это нас сближало. Вся семья так считала.

– А теперь вдруг твоя сестра сделалась ближе к матери, чем ты, да? И это угрожает вашим с ней отношениям?

– Да нет! – раздраженно отмахнулась она. – Не так. Вернее, не совсем так. Или вроде того. В общем, это все сложно.

– Ясно, – кивнул я.

Она устало прислонилась к торговому автомату.

– Мама – очень славный человек, – сказала она. – Но последние несколько лет мне с ней нелегко. Я сильно занята на работе. Она считает, что мне не стоило разводиться второй раз, и это тоже немного отдалило нас. А еще я изменилась. Последние года два жутковатенькими вышли – я узнала больше, чем хотелось бы.

Я поморщился:

– Угу... Я же пытался предостеречь тебя.

– Пытался, – согласилась она. – Но я ведь сделала выбор. Все эти страсти... ничего, переживу как-нибудь. Только вот так мило побеседовать об этом с мамой я не могу. Вот тебе и еще одно, о чем я не могу с ней говорить. Всё мелочи, понимаешь? Только их очень много, этих мелочей. И они нас разделяют.

– Так поговори с ней, – посоветовал я. – Попробуй объяснить, что ты не обо всем с ней можешь говорить. И скажи ей, что это не значит, будто ты не хочешь с ней общаться.

– Не могу.

Я моргнул:

– Почему?

– Не могу, и все тут, – вздохнула она. – Не получается.

На лице у Мёрфи обозначилось неподдельное огорчение; глаза набухли самыми настоящими слезами, так что мне стало по-настоящему ее жаль. Может, потому, что все это касалось семейных отношений. Для меня это совсем чужая жизнь и берег дальний – мне этого не понять.

Мёрфи переживала из-за взаимоотношений с семьей. Так поговорила бы с ними, и делу конец! Правда ведь? Всем легче. Да она и сама наверняка поступила бы так, если бы это касалось кого угодно другого.

Однако я уже заметил, что люди имеют обыкновение вести себя самым дурацким образом, когда речь идет об их семейных делах, – как-то разом утрачивают способность отличать здравый смысл от полнейшего безумия. Я называю это семейным помрачением.

Тем не менее, пусть я и не понимал, в чем загвоздка, Мёрфи оставалась моим другом. Она совершенно очевидно страдала – этого более чем хватало, чтобы я сделал еще одну попытку:

– Послушай, Мёрф, может, ты придаешь этому больше

значения, чем стоило бы. Я к тому, что, если твоя мама действительно переживает за тебя, она не меньше твоего хочет объясниться.

– Она вообще не одобряет моей работы, – устало вздохнула Мёрфи. – И моего решения жить отдельно после развода. Мы уже черт знает сколько говорили с ней об этом, и ни одна из нас ни на дюйм с места не стронулась.

Вот это я очень даже понимал. Мне приходилось иметь дело с ослиным упрямством Мёрфи – в доказательство могу продемонстрировать сломанный зуб.

– Значит, последние два года ты не ходила на семейные сборища и избегала разговоров на любую опасную тему, да?

– Вроде того, – неохотно согласилась Мёрфи. – Но разговоры-то никуда не делись. А мы все Мёрфи, так что рано или поздно кто-нибудь да примется давать непрошенные советы, и тут-то кошмар и начнется. И я совсем не знаю, что со всем этим делать. А теперь, с помолвкой сестры, все только и будут разговаривать на темы, которые я скорее умру, чем стану обсуждать со своими дядюшками-тетушками.

– Так не ходи, – посоветовал я.

– Ну да, и обижу маму еще сильнее. Черт, да они тогда будут молотить языками еще пуще.

Я покачал головой:

– Да уж. В одном ты, Мёрф, точно права. Ни фигя я в этом не понимаю.

– Тебе и не обязательно, – заметила она.

– А жаль, что не понимаю, – возразил я. – И жаль, что мне не приходится переживать из-за мнения моих дядюшек. Что нет проблем, которые мог бы улаживать с мамой. Черт, да я бы не отказался узнать, на что похож ее голос. – Я положил руку ей на плечо. – Банальность, но от этого не менее верная: что имеем, не храним... Люди меняются. Мир меняется. Рано или поздно ты теряешь близких тебе людей. И если ты не против советов чувака, ни фига не знающего, что такое семья, я тебе вот что скажу: не жди, что все уладится само собой. Тебе может казаться, что твоя родня будет с тобой всегда. А это не так.

Она опустила голову – наверное, чтобы я не видел слез.

– Поговори с ней, Кэррин.

– Наверное, ты прав, – кивнула она. – Поэтому, пожалуй, я не убью тебя за навязывание благонамеренных истин, пока я уязвима. Но это в последний раз.

– Очень мило с твоей стороны, – согласился я.

Она сделала глубокий вдох, провела рукой по глазам и подняла голову, снова сделавшись по обыкновению деловой.

– Ты хороший друг, Гарри... тебе вовсе не обязательно лезть в наши семейные дразги. Я отплачу тебе... как-нибудь.

– Даже забавно, что ты это говоришь, – заметил я.

– Это почему?

– Я тут как раз пытался отследить денежные потоки, но вся информация нынче в Интернете. Можешь открыть для меня пару сайтов, надыбать мне кой-чего?

– Угу.

– Спасибо. – Я протянул ей адреса и наскоро изложил, что меня интересует. – А я пока поболтаюсь, посмотрю, что там на месте. Позвоню через час... или два?

Она со вздохом кивнула:

– Как, нашел вампиров?

– Нет пока, зато подкрепления подтянулись.

– Кто? – поинтересовалась она.

– Парень по имени Кинкейд. Он крут.

– Чародей?

– Нет. Классический образчик солдата удачи. Вампиров мочит – любо-дорого глядеть.

Мёрфи подняла бровь:

– Он чист?

– Насколько мне известно, да, – ответил я. – Остальное узнаю сегодня от нашего водилы. Если повезет, я найду логово, и мы их накроем.

– Эй, если вдруг так выйдет, что нам придется провернуть все в...

– В субботу, – договорил я за нее. – Я понял.

Спускаясь по лестнице, я излагал щенку свою теорию родственных отношений:

– Учти, это всего лишь теория. Впрочем, в ее пользу говорит тонна с лишним доказательств.

Говоря это, я ощутил легкий укол печали. Семейных отношений у меня никогда не было. И не будет. Возможно, се-

мейные проблемы Мёрфи запутанны и болезненны, но у нее, по крайней мере, есть хотя бы это.

Каждый раз, когда что-то напоминает мне мое сиротское детство, я испытываю нечто подобное. Может, я просто не осознаю, как это меня ранит. Или не хочу себе в этом признаться.

Я почесал щенка за ухом и полез в карман за ключами от «жучка».

– Хотя, конечно же, это только теория, – сказал я ему. – Потому как мне-то, черт возьми, откуда знать?

Глава 12

Я заскочил по дороге домой проглотить кусок-другой, принять душ и надеть что-нибудь, не так перепачканное кровью. Какой-то потрепанный «фольксваген-рэббит» боданул бампером «шевроле-субурбан», так что пробка растянулась на милю. В результате я опоздал на несколько минут.

У входа меня встретила смутно знакомая девица с блокнотом в руках. Возраст – явно недостаточный для того, чтобы ее пускали в питейные заведения, но нехватка солидности с лихвой возмещалась у нее, я бы сказал, избытком бойкости. Симпатичная, скорее тощая, чем стройная, с кожей здорового кремового цвета. Волосы она уложила кольцами на манер принцессы Леи; одежду ее составляли джинсы, этакая сельского вида рубашечка и сандалии с громко стучащими подошвами.

– Привет! – улыбнулась она.

– И вам привет, – отозвался я.

Она сверилась со своим блокнотом:

– Вы, должно быть, Гарри. Кроме вас, никого больше не осталось... опаздываете.

– Утром я успел вовремя.

– Наполовину исправные часы – все равно что сломанные.

Если, конечно, вы этим не гордитесь. – Она снова улыбнулась, оборачивая свои слова в шутку. – Это, случайно, не

вас я видела разговаривающим с Жюстиной? На вечеринке у Артуро?

– Да, я там был. Только пришлось уехать, чтобы не превратиться в тыкву.

Она рассмеялась и протянула руку:

– Меня зовут Инари. Я исполнительный ассистент продюсера.

Я пожал ей руку. Славными духами от нее пахло: их аромат будил воспоминания о стрекоте кузнечиков сонным летним вечером.

– Рад познакомиться... если вы только не отнимаете у меня работу. Вы ведь не из таких, нет?

Инари расплылась в улыбке, и это превратило ее лицо из умеренно привлекательного в прямо-таки хорошенькое. Ямочки на ее щеках выглядели очаровательно.

– Нет. Я просто хомячок-ассистент. Ниже вас по служебной лестнице на несколько ступенек. Мне кажется, вашему рабочему месту ничего не угрожает. – Она покосилась на пластиковые наручные часы. – Господи, нам надо пошевеливаться. Артуро просил меня проводить вас к нему в кабинет, как только вы придете. Сюда, пожалуйста.

– Что ему нужно?

– Ума не приложу, – сказала Инари. Она повернулась и торопливо пошла вглубь студии – мне даже пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать. На ходу она перевернула страницу блокнота и выдернула из волос карандаш. – Да, кстати:

чего бы вы хотели в свою вегетарианскую пищу?

– Мертвых коров и свиней, – отозвался я.

Она покосилась на меня и сморщила носик.

– Но они же вегетарианцы, – примирительно пояснил я.

Она, правда, отнеслась к этому явно скептически:

– При всех этих гормонах и прочих штуках, которыми напичкано мясо, оно может сильно повредить вашему здоровью. Знаете, как пагубно может сказаться длительное потребление жирной пищи на вашем пищеварительном тракте?

– Я предпочитаю статус хищника. А холестерину я смеюсь в лицо.

– С такими замашками вы кончите пуленепробиваемой закупоркой артерий.

– Ничего, переживу.

Инари тряхнула головой; лицо ее оставалось непреклонным, но привлекательности от этого не потеряло.

– Когда я заказываю, все выбирают овощные. Если хоть кто-нибудь закажет мясную, жир попадет и во все остальные... в общем, все соглашаются на овощные.

– Тогда я, наверное, тоже.

– Но все-таки что бы вам хотелось в свою? В смысле мне положено заботиться о том, чтобы все здесь были счастливы.

– Раз так, убейте мне парочку животных, – предложил я. – Они богаты белками.

– Вот-вот, белки, – обрадовалась Инари. – Сыру побольше

или, может, фасоли... кукурузы там... Или постоит! Тофу.
Чистый белок. Так и сделаем.

Пицца с фасолью и соевой сметаной... ужас какой. Надо потребовать прибавки к жалованью.

– Ладно, давайте, – согласился я.

Тут щенок у меня в кармане пошевелился, и я застыл.

– Есть еще кое-что, с чем вы могли бы мне помочь.

Она вопросительно склонила голову набок:

– И что же это?

Я сунул руку в карман и достал оттуда дрыхнувшего без задних ног щена:

– Можете составить компанию моему приятелю, пока я буду говорить с Артуро?

Девушка растаяла от восторга, забрала у меня щена и принялась ворковать над ним:

– Ой какая лапочка! Как его зовут?

– Никак, – ответил я. – Он у меня всего на день или на два.

Только проснуться он может голодным или пить захочет.

– Я люблю собак, – заявила Инари. – Не волнуйтесь, я о нем позабочусь.

– Премного благодарен.

Она повернулась, чтобы идти дальше, но снова спохватилась:

– Ой, Гарри, чуть не забыла. Что вы хотите пить? Кола сойдет?

Я подозрительно покосился на нее:

– Надеюсь, не с пониженным содержанием кофеина, нет?

Она обиженно нахмурилась:

– Я забочусь о здоровье, но не до маразма же!

– Умница, – одобрил я.

Она одарила меня еще одной очаровательной улыбкой и поспешила прочь, держа щена так бережно, будто тот сделан из стекла.

Я вошел в кабинет.

Артуго Геноса сидел на углу стола. Седая шевелюра всклокочена; в пепельнице дымится недокуренная толстая сигара. Когда я вошел, он выдавил из себя усталую улыбку:

– Привет, Гарри. – Он подошел ко мне и удостоил одним из тех медвежьих средиземноморских объятий, после которых на теле остаются синяки. – Да благословит вас Бог, мистер Дрезден. Не окажись вы на месте, боюсь, мы потеряли бы их обоих. Спасибо.

Он расцеловал меня в обе щеки. Я не большой любитель поцелуев-объятий между мужчинами, впрочем, я решил, что у них, в Европе, так принято. Или это он так пометил меня как следующую жертву. Я отступил на шаг.

– Надеюсь, с девушкой все будет хорошо.

– Будет жить. – Артуго кивнул. – Уже хорошо, не так ли? Больше я сам пока ничего не знаю. – Он провел рукой по шее. – Шрамы. Говорят, шрамы останутся.

– Беда для актрисы.

Он снова кивнул:

– В телефонной книге написано, вы даете советы.

– Ну, не совсем. Я их продаю, – признался я. – Но тут...

– Мне нужно знать, – перебил он меня. – Нужно знать, не прекратить ли мне всю эту затею.

Я поднял бровь:

– Вы считаете, все эти люди пострадали именно поэтому?

Он взял сигару из пепельницы и повертел ее в пальцах:

– Я не знаю, что думать. Но меня поблизости не было.

Значит, атака нацелена не на меня.

– Согласен, – кивнул я. – И это сглаз. Я уверен.

– Мистер Дрезден, если бы угрожали только мне, все было бы еще ничего. Но этот человек – кем бы он ни был – убивает и увечит окружающих меня людей. Так что выбор-то мне теперь приходится делать не только за себя.

– Зачем кому-то пытаться сорвать ваш фильм, мистер Геноса? – спросил я. – Я хочу сказать... простите за прямоту, но это ведь просто порнофильм. Таких пруд пруди.

– Не знаю, – признался он. – Возможно, тут замешаны деньги. Мелкий предприниматель может угрожать благосостоянию хорошо окопавшегося бизнесмена. Вот последний и действует. Понемногу. Без лишнего шума, понимаете?

– На первый взгляд, вас можно понять так, будто вам угрожает подпольный порносиндикат.

Геноса сунул наконец сигару в рот и пожевал ее. Потом побарабанил пальцами по столу и понизил голос:

– Вы шутите, конечно, но на протяжении последних лет

кто-то потихоньку скупает студии.

– Кто?

Он покачал головой:

– Трудно сказать. Я пытался копнуть, но я же не детектив. Вот если бы вы могли как-нибудь...

– Я этим уже занимаюсь. И дам вам знать, если что-то выясню.

– Спасибо, – сказал он. – Но что мне делать сегодня? Я не могу допустить, чтобы этим людям причиняли вред и дальше.

– Вы ведь бежите наперегонки со временем, и если не завершите фильм в срок, то вашему предприятию конец.

– Да.

– Сколько у вас в запасе дней?

– Сегодня и завтра.

– Тогда спросите себя, готовы ли вы позволить ради собственных амбиций рискнуть чужими жизнями. Положите это на одну чашу весов, а на другую – готовы ли вы позволить кому-то запугивать вас, не давая жить своей жизнью. – Я нахмурился. – Даже скорее жизнями – во множественном числе. Вы ведь правильно сказали, что решаете сейчас не только за себя.

– Но как сделать выбор? – настаивал он.

Я пожал плечами:

– Послушайте, Артуро. Вам нужно решить, только ли вы защищаете этих людей или еще и возглавляете их. Это ведь

не одно и то же.

Он снова повертел сигару в пальцах, потом медленно кивнул:

– Они взрослые люди. Я им не отец. Но я не могу просить их рисковать, если они этого не желают. Я скажу им, что они вольны уйти, если таков их выбор, и никто не будет держать на них зла.

– Но вы останетесь?

Он решительно кивнул.

– Значит, вы все-таки предводитель, – сказал я. – А знаете, Артуро, еще раз вот так – и я куплю вам большой круглый стол.

До него не сразу, но дошло, и он рассмеялся:

– Понял. Артур и Мерлин.

– Угу, – кивнул я.

Он задумчиво посмотрел на меня:

– Хороший совет. Для молодого человека вы обладаете исключительно здравыми суждениями.

– Вы еще не видели моей машины.

Артуро снова расхохотался. Он даже предложил мне сигару, от которой я с улыбкой отказался:

– Спасибо, я не курю.

– Вид у вас какой-то встревоженный.

– Угу. Что-то в вашей ситуации не укладывается у меня в голове. Лажа какая-то.

Геноса моргнул:

– Что-что?

– Лажа, – повторил я. – Ну, это слово такое у нас в Чикаго. Я имею в виду, что-то не так в происходящем.

– Еще бы не так, – согласился он. – Люди гибнут.

– Я не об этом, – мотнул головой я. – Нападения отличаются жестокостью. Из этого следует, что намерения того, кто стоит за ними, так же жестоки. Невозможно пользоваться магией, если сам в нее не веришь по-настоящему. Это не из тех средств, к которым прибегает обычный деловой конкурент, – даже если допустить, что какой-то чувак с крутыми шарами решил развязать против вас сверхъестественную кампанию вместо того, чтобы просто нанять мордovorотов за пятьдесят баксов.

– Думаете, это личное? – спросил он.

– Ничего я пока не думаю, – признался я. – Надо покопаться еще.

Он угрюмо кивнул:

– Если вы останетесь здесь, вы сможете продолжать защищать моих людей?

– Думаю, да.

Он сжал губы – судя по всему, принял решение.

– Тогда я скажу сво...

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась женщина... нет, не женщина – богиня. Невысокая, с роскошными светло-рыжими волосами до пояса. Всю одежду ее составляли туфли на шпильках и темно-зеленые кружевные трусики с

бюстгальтером, прозрачные настолько, что я не совсем понимал смысл в таком белье.

– Артуро, свинья помойная! – рявкнула она. – О чем ты думал, приглашая сюда эту женщину?

Геноса дернулся, как от удара.

– Привет, Триш, – произнес он, не глядя на нее.

– Сколько раз говорила: не смей называть меня так, Артуро!

Геноса вздохнул:

– Гарри, это моя последняя по счету бывшая жена, Трисия Скрамп.

И он позволил такому самоцвету выскользнуть из пальцев? С ума сойти.

Женщина злобно прищурилась:

– Трикси. Виксен. Я официально сменила имя.

– Ладно, – вяло согласился Артуро. – Ну, чего тебе теперь надо?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. – Она говорила, словно выплевывала слова. – Если ты надеешься разделить этот фильм между двумя звездами, ты глубоко ошибаешься.

– Ничего такого не случится, – возразил он. – Но после того как Жизель попала в больницу, мне пришлось срочно искать замену...

– Не разговаривай со мной как с маленькой, – оскалилась Трисия. – Лара уволена. У-во-ле-на! Этот фильм мой. И я не позволю тебе пользоваться моей славой для продвижения

этой... этой сучки!

Мне на ум пришел почему-то кипящий чайник. В крайнем случае – кастрюля.

– Об этом нет даже разговора, – сказал Геноса, – она согласилась на маску и псевдоним. Звездой остаешься ты, Трисия. Ничего не изменилось.

Трикси Виксен скрестила руки, отчего бюст ее сделался еще рельефнее.

– Что ж, хорошо, – буркнула она. – До тех пор, пока мы понимаем друг друга...

– Понимаем, – вздохнул Артуро.

Жестом, полным надменного презрения, она перебросила волосы через плечо и злобно покосилась в мою сторону:

– Это еще кто?

– Гарри, – представился я. – Ассистент продюсера.

– Отлично, Ларри. Где, черт подери, мой латте? Я тебя за ним еще час назад послала.

Реальность, очевидно, редко вторгалась в жизнь Трисии Скрамп. Равно как и элементарная, впрочем, вежливость. Я открыл рот, чтобы ответить ей так, как она заслуживает, но поймал полный паники взгляд Артуро и сдержался.

– Извините. Я позабочусь об этом.

– Вот и выполняй быстрее, – заявила она, развернувшись на каблуках, продемонстрировав стринги и задницу, вполне возможно достойную того, чтобы считать ее твердой валютой, и устремилась к двери.

Вернее, сделала шаг – и остановилась как вкопанная. Все тело ее напряглось, словно в ожидании удара.

Женщина, по сравнению с которой Трикси Виксен сразу показалась уродливой замарашкой, шагнула в дверь и остановилась, загораживая той проход. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не пялиться на нее как последняя деревенщина.

Трисия, Трикси Скрамп-Геноса-Виксен, обладала этакой шаблонной красотой. Ее достоинства можно перечислять по каталогу: красивый рот, бездонные глаза, шикарная грудь, тонкая талия, полные бедра, длинные стройные ноги. Галочка, галочка, галочка... Однако и вид она имела такой, будто ее заказали по каталогу и собрали из этих превосходных деталей. Этакий эталон женщины, но искусственный, что ли.

Вновь вошедшая была настоящей. Красота. Изящество. Высокое искусство. Ее и описать-то сложнее. Она казалась бы достаточно высокой и без псевдовикторианских туфель из дорогой итальянской кожи на высоких каблуках. Темные, можно сказать, черные до синевы, волосы подхватывались двумя гребнями из светлой слоновой кости. Глаза у нее были серые с таким фиолетовым отливом. Наряд производил впечатление стильного, но непринужденно-естественного: натуральные ткани, черная юбка и жакет с вышитыми на них абстрактными темно-алыми розами, белая блузка...

Оглядываясь на ту минуту, я не могу припомнить каких-то особенных примет ее телосложения – не считая того,

конечно, что оно было превосходным. Внешность она имела почти неземную. Однако на образ ее внешность влияла не больше, чем стакан на вино: чем он прозрачнее, чем яснее показывает налитую в него жидкость – тем лучше. Внешность внешностью, но под ней ощущалась незаурядная женская натура: сила воли, сообразительность в сочетании с ироничным умом, обостренная чувственностью, плотским голодом.

Хотя, может, голод был моим. За каких-то пять секунд я и думать забыл о подробностях – я желал ее. Я желал ее в самом примитивном, животном смысле слова – как угодно, лишь бы обладать ею. Все воспитанные и галантные черты моего характера разом куда-то испарились. Перед глазами сменяли друг друга поразительно яркие образы из разряда тех, что порождает в мозгу неудовлетворенная плоть. А секундой-двумя позже отказал и здравый смысл, на место которого пришло что-то голодное, настырное и бесцеремонное.

Где-то в глубине мозга тревожно стучалась мысль о том, что не все в порядке, но прорваться на поверхность не могла: слишком слабо звучал ее голос. Мною рулили инстинкты – самые примитивные и первобытные. Других, похоже, не осталось совсем.

Мне это нравилось.

Еще как нравилось!

Пока неандерталец внутри меня орал и колотил себя кула-

ком в грудь, Трикси Виксен отступила от темноволосой женщины на шаг. Лица ее я не видел, но голос буквально искрился злостью. Она боялась.

– Привет, Лара.

– Триш, – отозвалась женщина. В ее голосе скользнула едва заметная нотка презрения. Так изысканно, так вкрадчиво звучал этот голос, что пальцы на моих ногах невольно поджались сами собой. – Очень мило выглядишь.

– Вот не ожидала встретить тебя здесь, – заявила Трисия. – У нас тут ни кнутов, ни цепей нет...

Лара невозмутимо пожала плечами:

– Я всегда знала, что лучшие кнуты и цепи – это те, что в уме. Немного творческого воображения – и без реальных вполне можно обойтись. – Она помолчала мгновение, глядя на Трисию. – Так ты подумала над моим предложением?

– Я не снимаюсь в садомазо, – гордо вскинулась Трисия. – Это для морщинистых перестарок! – Она фыркнула и решительно шагнула вперед.

Лара не тронулась с места. Трисия остановилась в каком-то дюйме от нее, и они снова скрестили взгляды. Рыжеволосую звезду начала колотить дрожь.

– Возможно, ты и права, – улыбнулась Лара и шагнула в сторону, освобождая проход. – Что ж, звони, если что, Триш.

Трикси Виксен пулей – ну, если и не пулей, так с предельной скоростью, которую позволяли ей шпильки, – вылетела из кабинета. Темноволосая женщина смотрела ей вслед со

слегка иронической улыбкой:

– Красивый выход. Трудно, должно быть, жить центром вселенной. Добрый день, Артуро.

– Лара, – произнес Артуро голосом дядюшки, обращаясь к любимой племяннице. Он вышел из-за стола и развел руки. – Зря ты ее так дразнишь.

– Артуро, – отозвалась она.

Они взялись за руки и обменялись все теми же положенными поцелуями. Пока они занимались этим, я тряхнул головой и смог-таки вытеснить либидо с водительского места моего мозга. Вернув себе таким образом контроль над собственной душой – хотя в штанах у меня и продолжал зреть бунт, – я сосредоточился и принялся строить барьер, защищающий мысли.

– Ты просто ангел, – произнес Артуро. Судя по тому, как он это сказал, далеко не вся его кровь отхлынула от мозга в регионы ниже пояса. Как, черт возьми, удастся ему не реагировать на присутствие этой женщины? – Только ангел отозвался бы так быстро и пришел ко мне на помощь.

Она лениво отмахнулась. Ногти у нее были не слишком длинные, абсолютно без лака.

– Всегда приятно помочь другу. У тебя все в порядке, Артуро? Джоан сказала, ты забыл принять лекарства.

– В порядке, – вздохнул он. – Ну, понизил бы я кровяное давление... это все равно вряд ли помогло бы Жизели.

Лара кивнула:

– То, что случилось, – просто ужас какой-то. Мне очень жаль.

– Спасибо, – кивнул он. – Не уверен, что я могу не беспокоиться за Инари. Она еще совсем ребенок.

– С этим можно поспорить, – возразила Лара. – В конце концов, она достаточно взрослая, чтобы сниматься, если захочет.

Артуро потрясенно уставился на нее:

– Лара!

Она рассмеялась:

– Я ведь не сказала, что она *будет* сниматься, дурачок ты мой милый. Я имела в виду только то, что моя младшая сестра сама уже вправе принимать решения.

– Ну да, они растут... – вздохнул Артуро не без сожаления.

– Растут, – согласилась Лара, и взгляд ее переместился на меня. – А это кто? Высокий, темноволосый, молчаливый. Он мне уже нравится.

– Гарри! – Он махнул рукой, чтобы я подошел. – Лара Романи, – представил он. – А это Гарри, наш новый ассистент продюсера. Он сегодня первый день, так что будь с ним по-добрее.

– Думаю, это нетрудно, – отозвалась она и подхватила Артуро под руку. – Джоан просила передать тебе, что твои лекарства готовы и ждут и что ей нужна твоя помощь в студии.

Артуро отозвался немного напряженной, но все же ис-

кренней улыбкой:

– И ты пришла, чтобы лично сопроводить меня и проследить за приемом лекарства?

– Используя при этом свое обаяние, – подтвердила Лара.

– Гарри, – оглянулся на меня Артуро.

– Мне надо срочно позвонить, – сказал я. – Всего пару слов. Я догоню.

Они вышли вдвоем. Напоследок Лара бросила на меня еще один взгляд через плечо, и взгляд этот был такой... оценивающий и жаркий. Я хочу сказать, ух ты! Боюсь, стоило ей поманить пальчиком, и я бы запросто расплескался лужей по полу, чтобы потечь следом за ней, за ароматом ее духов. Такие дела.

Мне потребовалось по меньшей мере полминуты после их ухода, прежде чем удалось хоть немного собраться с мыслями. Только тогда я смог пропустить события последних минут через старое доброе серое мозговое вещество.

Восхитительная, бледнокожая, сверхъестественно сексуальная и немного пугающая. Чего-чего, а складывать я умею. И я готов был побиться об заклад, что фамилия у Лары не Романи.

Ей, черт подери, куда больше подошла бы фамилия Рейт. Сукин сын... И здесь Белая Коллегия.

Суккуб на съемочной площадке. Черт, да не один – с учетом ее озабоченной здоровым образом жизни сестренки уже два суккуба. Или две... кто? Суккубихи? Суккубицы? Чер-

товы латинские корни в сочетании с нашими суффиксами... Впрочем, может, и одна: ведь не испытывал же я и десятой доли того влечения, когда общался с Инари.

Тут до меня дошло еще одно – словно обухом по голове огрело. Как бы глупо и досадно это ни выглядело, я опять вляпался в историю, которая может стоить мне жизни. Я имел дело не просто с подпольным порносиндикатом, а еще и с суккубами Белой Коллегии. Или суккубихами – да ну ее, грамматику эту!

Выходит, в дополнение к кровожадной партнерше по военному танцу из Черной Коллегии я получил еще и злобных, похотливых кинозвезд, смертельные проклятия и чертовски хлопотную следовательскую работу.

Да, и еще пиццу с фасолью и соей, что едва ли не хуже всего вышеперечисленного.

Ну и наборчик!

Я сделал зарубку на память: в следующую же встречу с Томасом хорошенько врезать ему по носу.

Глава 13

Со второй или третьей попытки я справился-таки с телефоном Геносы и дозвонился до Мёрфи:

– Мёрф? Это я. Ну что, нашла чего-нибудь в Интернете?

– Угу. И еще кое с кем переговорила. В общем, нарыла кой-какого добра.

– Отлично. Какого?

– Ничего, что можно было бы предъявить в суде, но тебе это может помочь разобраться в происходящем.

– Ух ты, Мёрф. Ты прямо как настоящий детектив.

– Обижает, Дрезден. В общем, вот тебе про Геносу. У него двойное гражданство: Штаты и Греция. Он младший сын богатенькой семьи, которая переживает не лучшие времена. Поговаривают, он из Греции слинял, чтобы отделаться от родительских долгов.

– Угу, – задумчиво кивнул я. Оглядев стол, я обнаружил здоровенный, старый на вид фотоальбом в кожаном переплете. – Да-да, слушаю.

– Он сделал состояние, снимая и продюсируя порнофильмы. И вкладывает деньги он продуманно, так что на сегодня стоит чуть больше четырех миллионов.

– Секс – ходовой товар, – согласился я и, нахмурившись, полистал альбом. В нем хранились аккуратно подшитые газетные вырезки, распечатки и фотографии Геносы, сделан-

ные во время разных общенациональных телешоу. Или, например, фото Артуро, стоящего бок о бок с Хью Хефнером, основателем «Плейбоя», в окружении хорошеньких молодых женщин. – На этом делаются большие деньги. Это все?

– Нет, – сказала Мёрфи. – Он выплачивает трем своим бывшим женам алименты из какого-то подобия специально-го фонда. Почти все, что у него осталось, он вложил в новую, собственную студию.

Я хмыкнул:

– Если так, Геноса в изрядном цейтноте.

– Это как?

– У него осталось тридцать шесть часов на то, чтобы доснять фильм, – объяснил я. – Один проект он завершил, но, если не снимет еще пару прибыльных фильмов, студию он потеряет.

– Ты считаешь, кто-то хочет выдать его из бизнеса?

– С предположениями – к Оккаму, – буркнул я, перевернул страницу и пробежал глазами очередную статью. – Черт!

– Чего?

– Он революционер.

– Он... Что?

Я без особой охоты перечитал ей строку:

– «На сегодняшний день Артуро Геноса считается революционером в своей области».

Я почти воочию увидел, как скептически изогнулась бровь Мёрфи.

– Революционный царь перетраха?

– Похоже на то.

Она фыркнула:

– Интересно, что такого надо сделать, чтобы стать порно-революционером?

– Трудиться, трудиться и еще раз трудиться, – посоветовал я.

– Ну и хитрозадый же ты!

Я продолжал перелистывать страницы:

– Интервью с ним напечатаны без малого в трех десятках журналов.

– Угу, – буркнула Мёрфи. – Скорее всего, с названиями вроде... вроде «Титьки торчком» или «Восемнадцатилетние школьницы-лолиты».

Я полистал еще:

– А вдобавок «Тайм» и «Ю-Эс тудей». А еще он засветился у Ларри Кинга и Опры Уинфри.

– Ты шутишь, – не поверила она. – У Опры? С чего это?

– Ты сидишь? Держись крепче: читаю. «Похоже, он держится безумной точки зрения, согласно которой каждый в состоянии получить удовольствие в постели, не пытаясь соответствовать недостижимым стандартам. Он считает, что секс – вещь естественная».

– Секс – вещь естественная, – сказала Мёрфи. – Секс – дело хорошее. Не все им занимаются, но всем стоило бы.

– Я же хитрозадый. Коп у нас ты. Относись с уважением

к моей ограниченности. – Я продолжал читать: – «Помимо этого, Геноса набирает в свои фильмы людей самых разных возрастов, а не только двадцатилетних танцовщиц. Если верить отзывам о его появлении у Ларри Кинга, он избегает гинекологических крупных планов и подбирает людей не по внешности, а по чувственности их игры. И еще он не любит хирургически усовершенствованных...» гм...

Я почувствовал, что краснею. Мёрфи, наверное, мой лучший друг – и все же она девушка, а джентльмен не может позволить себе отдельных слов при даме. Прижимая трубку ухом к плечу, я сделал руками неопределенное движение на уровне груди:

– Ну, сама понимаешь.

– Титек? – безмятежно спросила Мёрфи. – Сисек? Буфетров?

– Типа того.

– Вымени? – продолжала Мёрфи, словно не расслышав моего ответа. – Шаров? Дынь? Персиков? О! Персей?

– Адские погремушки, Мёрф!

Она рассмеялась:

– Ты так мил, когда стесняешься. А я-то думала, силикон относится к обязательной профессиональной экипировке. Ну, вроде как каски и башмаки со стальными подбойками у строителей.

– Только не в случае Геносы, – сказал я. – Здесь цитируются его слова о том, что природная красота и подлинная

страсть куда благоприятнее для секса, чем весь силикон Калифорнии.

– Вот не знаю, чего я больше должна испытывать по этому поводу, восторга или тошноты?

– Шесть частей одного и полдюжины другого, – сказал я. – Подводя черту, можно сказать, что он не обычный порноделец.

– Не уверена, что это исчерпывающая информация, Гарри.

– Если бы ты сказала это мне до того, как я познакомился с ним лично, я бы, возможно, и согласился с тобой. Но теперь – не уверен. Я не уловил никакой порочной вибрации, исходящей от него. Он производит впечатление порядочного парня. Обостренное чувство ответственности. Вызов статус-кво – даже в ущерб доходу.

– Я более чем уверена, что Нобелевской премии за порнографию не присуждают.

– Я к тому клоню, что он привносит в нее некоторую долю искренности. И люди реагируют на это положительно.

– За исключением тех, кто пытается его убить, – заметила Мёрфи. – Гарри, это, возможно, цинично, но люди, выбравшие жизнь вроде этой, рано или поздно притягивают проблемы на свою голову.

– Ты права. Это цинично.

– Всем не поможешь. Ты рехнешься, если будешь пытаться сделать это.

– Послушай, парень попал в беду, а он – такой же человек, как мы. Мне не обязательно одобрять его образ жизни, чтобы хотеть избавить его от возможных неприятностей.

– Угу, – вздохнула Мёрфи. – Пожалуй, это я понимаю.

– Как ты думаешь, могу я убедить тебя...

По моей спине вдруг пробежали ледяные липкие мурашки. Я повернулся к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как погасли огни в коридоре. Сердце заныло от недоброго предчувствия – и сразу же в темном проеме возник похожий на тень силуэт.

Я схватил первое, что подвернулось под руку, – тяжелую стеклянную пепельницу и изо всех сил швырнул в силуэт. Пепельница отрикошетила от косяка и угодила точнехонько в стоявшего, кто бы это ни был. До меня донесся чуть слышимый хлопок, похожий скорее на выдох, и что-то, просвистев у меня над ухом, с легким стуком ударилось о стену за моей спиной.

Я заорал во все горло и бросился вперед, но зацепился ногой за телефонный провод. Я не полетел кубарем, но все же оступился, и это дало призрачной фигуре время исчезнуть. Когда я восстановил равновесие и выглянул за дверь, никого не было ни видно, ни слышно.

Свет в коридоре все еще не горел, что делало погоню не только бессмысленной, но и опасной. Я вдруг сообразил, что представляю собой идеальную мишень – темный силуэт на фоне светлого дверного проема, и поспешно нырнул обратно

в кабинет, закрыв и заперев за собой дверь.

Поискав предмет, ударивший в стену у меня за спиной, я обнаружил то, что менее всего ожидал увидеть здесь: маленький дротик с оперением из экзотических птичьих перьев, желтых с розовым отливом. Я выдернул дротик из стены. Наконечник у него оказался сделан не из металла, а из кости, перепачканной чем-то красным или темно-коричневым. Почему-то я сильно сомневался в том, что это мастика для мебели.

Отравленный дротик для духового ружья. На меня покушались, и не раз, но, пожалуй, еще никогда – столь экзотическим оружием. Почти смешно, право слово. Кой черт убивать кого-то в наше время отравленным дротиком?

Из брошенной на стол трубки доносилось слабое жужжание. Взяв со стола пластиковый футляр из-под Артуровой сигары, я сунул туда дротик и закупорил и только после этого подобрал трубку.

– Гарри? – тревожно спрашивала Мёрфи. – Гарри, у тебя все в порядке?

– Отлично, – заверил я ее. – И похоже, я напал на верный след.

– Что случилось?

Я поднял прозрачный пластиковый футляр и пригляделся к дротику. На острие темнели потеки желеобразного яда.

– Вышло не слишком ловко, но мне кажется, меня только что пытались убить.

Глава 14

– Уходил бы ты оттуда, Гарри.

– Нет, Мёрф, – возразил я. – Послушай, скорее кто-то просто пытался запугать меня – иначе воспользовались бы пистолетом. Так ты можешь поднять для меня те записи?

– Если они открыты для пользования, – ответила она. – Но время тут работает на нас. Что ты надеешься откопать?

– Много чего, – сказал я. – Вся эта история пованивает. Вот только трудно сложить мозаику, когда недостает стольких деталей.

– Звони, если узнаешь что-нибудь, – попросила Мёрфи. – Магическое или нет, покушение на убийство входит в компетенцию полиции. Это моя работа.

– Кто бы спорил, – согласился я.

– Береги свою задницу, Бульвинкль.

– Всегда. Еще раз спасибо, Мёрф.

Я положил трубку и перевернул еще несколько страниц Артурова альбома, не ожидая увидеть ничего, кроме газетных вырезок. Однако на самых последних полосах мне повезло. На них он приклеил большие глянцевые цветные фото – три женщины, и двух я узнал.

Подпись под первой фотографией гласила: «СТВОЛЫ ЭЛИЗАБЕТ». На фото красовалась Мэдж, первая жена Геносы. На вид я бы дал ей лет двадцать пять, и она была прак-

тически раздета. Ее роскошные волосы имели здесь неестественно алую окраску, пряди производили впечатление высеченных из камня. Макияж, должно быть, пришлось снимать циклевочной машинкой.

Следующая подпись, «ВОРОНИЙ БАРХАТ», стояла под фотографией опять же почти голой брюнетки воинственного вида, которую я не знал. Сложением она напоминала женщин с обложек журналов по бодибилдингу – все мускулы налицо. Впрочем, несомненная физическая сила сочеталась в ней с женственностью, и она производила впечатление скорее хорошенькой, чем угрожающей. Стрижка у нее была короткая, мальчишеская, и на первый взгляд она показалась мне просто славной – только глаза оставались слишком не улыбочивыми, да и в целом лицо хранило надменное выражение. Экс-миссис Геноса номер два, предположил я. Он называл ее Люсиль.

Последняя фотография изображала, разумеется, третью бывшую миссис Геноса. Фотография была подписана «ТРИКСИ ВИКСЕН», но кто-то написал поперек нее жирным черным маркером: «ЧТОБ ТЕБЕ ГОРЕТЬ В АДУ, СВИНЬЯ». Автографа автор надписи не оставил. Круто. Мне даже интересно стало.

Я перелистал альбом еще раз, но ничего нового не увидел. В какой-то момент я сообразил, что просто оттягиваю неизбежный выход на съемочную площадку. Ну да, там, возможно, присутствуют голые девушки, проделывающие вся-

кие интересные штуки. А я прожил без таких штучек достаточно долго, чтобы это представляло для меня еще больший интерес. Но для подобных удовольствий имеются соответствующие время и место, и во всяком случае не при скоплении людей с кинокамерами.

Однако же, черт возьми, профессионал я или кто? Работа есть работа. Я не смогу защитить никого, не находясь рядом. И источника темной разрушительной злобы тоже не смогу вычислить, если не разберусь в происходящем. А для этого мне необходимо наблюдать, задавать вопросы – желательно так, чтобы никто не догадался, чем я занимаюсь на самом деле. Поступить так было бы умнее всего, профессиональнее. Да, именно так: исподволь беседовать с людьми, пока символы чувственной красоты будут заниматься *этим* в лучах прожекторов.

Вперед! Я собрал – по крохам, так сказать, – свое мужество, осторожно выскользнул из кабинета и по неярко освещенному коридору прошел в студию.

Там оказалось неожиданно много людей. Даже просторное помещение студии производило впечатление набитого битком. У каждой из четырех камер стояли по два человека, и еще несколько – на таком подобии строительных лесов, на которых размещались прожектора. Группа людей хлопотала над ярко освещенными декорациями, состоявшими из нескольких панелей, которые изображали старую кирпичную стену, пары мусорных контейнеров, мусорной же урны,

нескольких складских поддонов и произвольно накиданного хлама. В центре всей этой сумятицы стояли Артуро и джинсово-фланелевая Джоан – точнее, не стояли, а переходили, негромко переговариваясь, от камеры к камере. Похожая на нескладного жеребенка Инари следовала за ними по пятам, делая заметки в блокноте. За ней забавно семеня колчеухий щен, привязанный вместо поводка розовой бечевкой к петле ее джинсов. Щенячий хвост восторженно вилял из стороны в сторону.

В конце концов, мне ведь полагалось заниматься обязанностями ассистента. Поэтому я подошел к Геносе. Щен увидел меня и радостно атаковал мой башмак. Я нагнулся и почесал его за ухом.

– Что я должен делать, Артуро?

Он кивнул в сторону Джоан:

– Держитесь при ней. Она покажет вам все лучше любого другого. Наблюдайте, спрашивайте.

– Хорошо, – согласился я.

– С Инари вы уже познакомились? – спросил Артуро.

– Полчаса назад.

Девушка улыбнулась и кивнула:

– Он мне понравился. Забавный такой.

– Внешность – это еще не все, – заметил я.

Инари рассмеялась, но осеклась, когда в кармане ее джинсов что-то забибикало. Сунув руку в карман, она достала дорогой мобильник размером с пару почтовых марок. Я накло-

нился и взял щена на руки, а Инари развязала свой самодельный поводок, прежде чем отойти от нас на несколько шагов, прижимая телефон к уху.

Какая-то женщина, в развевающейся юбке и фермерской такой блузочке, с обеспокоенным видом ворвалась в студию и почти бегом направилась к Артуро и Джоан:

– Мистер Геноса, мне кажется, вам стоит пройти в примерную. Это срочно.

Глаза у Геносы округлились, он заметно побледнел. Потом вопросительно покосился на меня. Я мотнул головой – никакой враждебной энергии я на этот раз не ощущал. Он с видимым облегчением перевел дух и повернулся обратно к женщине:

– Что случилось?

Стоявшая у него за спиной Джоан покосилась на часы и закатила глаза:

– Это Трикси.

Женщина кивнула:

– Она говорит, что уходит.

Артуро вздохнул:

– Еще бы она этого не говорила! Что, Мэрион, пошли разберемся?

Они вышли, и Джоан нахмурилась:

– Нет у нас времени на эту примадонну.

– А в иной ситуации было бы?

Хмурое выражение лица сменилось просто усталым.

– Наверное, тоже не хватало бы. Я просто не могу понять эту женщину. Для ее будущего проект ведь не менее важен, чем для любого другого.

– Ну, быть центром вселенной – нелегкая работа. Действующая на нервы.

Джоан рассмеялась, запрокинув голову:

– Должно быть, так. Ладно, давайте займемся делом.

– С чего начинать?

Мы перешли в другую декорацию, изображавшую дешевый бар, и принялись рыться в ящиках с разнообразными бутылками и кружками в поисках подходящих для обстановки. Я поставил щена на барную стойку, и он принялся расхаживать по ней взад-вперед, опустив носик к деревянной поверхности и принюхиваясь.

– Вы давно знакомы с Артуро? – поинтересовался я, выждав с полминуты.

Джоан помедлила с ответом, выставляя бутылки на полку за стойкой.

– Лет восемнадцать или девятнадцать, наверное.

– На вид он мужик славный.

Она снова улыбнулась.

– Вовсе нет, – сказала она. – Славный, только не мужчина, а мальчик.

Я удивленно изогнул брови:

– Как это?

Она повела плечом:

– Он совершенно незащищен. Он порывист, более страстен, чем может себе позволить, и влюбляется с полуоборота.

– А это плохо?

– Иногда, – сказала она. – Но это возмещается другими чертами. Он заботится о людях. Вот, поставьте на верхнюю полку. Вы и без стремянки достанете.

Я повиновался:

– Чует мое сердце, пиком моей карьеры станет венчать верхушки рождественских елок звездами и ангелочками. Вроде того йети из «Олененка Рудольфа».

Она снова рассмеялась и ответила что-то, но слова ее вдруг сделались для меня неразборчивыми, беззвучными – как реплики учителя из мультяшки. Сердце мое забилось чаще, желудок сжался от голода, когда рефлекс, пробегая по спинному мозгу в нижнюю часть туловища, задел его по дороге. Голова сама собой повернулась к дверям, и я увидел входящую Лару Романи.

Теперь волосы ее были уложены как в Древней Греции или Риме. Одежду составляли коротенький черный шелковый халат, черные чулки и черные же туфли на шпильках. Она скользила по студии с какой-то завораживающей, змеиной грацией. Хотелось затаить дыхание и не сводить с нее глаз. Однако какая-то упрямая часть сознания окатила мозг холодным душем. Лара – высасывающий душу вампир. Я был бы полным идиотом, позволив себе реагировать на нее подобным образом.

Я оторвал от нее взгляд и обнаружил, что щен подобрался к краю барной стойки рядом со мной. Он настороженно припал к деревянной столешнице, уставившись на Лару, и пискляво рычал.

Я огляделся по сторонам, усилием воли заставив себя не задерживаться взглядом на вампире. Все до единого мужчины в помещении застыли, глядя на идущую по студии Лару.

– Эта женщина – настоящая ходячая виагра, – пробормотала Джоан. – Хотя не могу не признать, в искусстве эффективно войти ей не откажешь.

– Э... угу.

Лара уселась на складной стул, и Инари сразу же опустилась рядом с ней на колени, говоря что-то вполголоса. Электризирующее ощущение желания и принуждения немного ослабло, люди снова занялись своими непосредственными делами. Я помогал Джоан, не отпускал щена далеко от себя, и через полчаса съемка первой сцены все-таки началась. Действие происходило в темном переулке, и участвовали в нем Джейк Гуфи и слегка надутая Трикси Виксен.

Кстати, позвольте мне кое-что вам объяснить. Порнографический секс имеет к настоящему сексу весьма отдаленное отношение. Актеров то и дело прерывают, им надо поворачиваться лицом в нужном направлении, принимать позы, наиболее выгодные для камеры, и так далее. То и дело им приходится подправлять макияж – и не только на лице. Вы даже не поверите, как далеко все это заходит. К тому же

в глаза им светят прожектора, вокруг толпится куча народа, а в довершение всего Артуро выкрикивает им указания из-за камеры.

Даже с учетом изрядной ограниченности моего сексуального опыта я бы обошелся как-нибудь без этого. Да и смотреть на подобное действие было одно расстройство. Возможно, после окончательного монтажа все это и превратится во что-то возбуждающее, но в студии производило впечатление скорее неуютное. В общем, мне приходилось искать повод смотреть в другую сторону, проверяя попутно, не найдется ли еще среди окружающих симпатичных вампиров. И все время мои чувства оставались в напряжении, ожидая вихря смертоносной магии.

Съемка длилась уже около часа, когда я, повернувшись, заметил Инари, расхаживавшую взад-вперед в стороне, негромко разговаривая по своему мобильнику. Я закрыл глаза и прислушался.

– Да, папа, – говорила она. – Да, знаю. Обязательно. Нет, не буду. – Она помолчала. – Да, здесь. – Щеки ее вдруг порозовели. – Какие страсти ты говоришь! – возмутилась она. – Я-то думала, тебе положено с дробовиком в руках отгонять от меня парней. – Она рассмеялась, бросила взгляд через всю студию и отошла на шаг в сторону. – Бобби, папа. Его зовут Бобби.

Ага. Заговор обретает форму. Я проследил взгляд Инари и увидел Бобби Зануду, сидевшего в халате на складном сту-

ле рядом с Ларой. Впечатляющего размера лапищи скрещены на груди, вид надуленный – я бы сказал, надутый. Он не обращал внимания на то, что происходило на площадке, – да и на Лару тоже. Инари тем временем отошла еще дальше – так, что я перестал ее слышать.

Я нахмурился, поразмыслил и вернулся к ожиданию удара черной магии. Впрочем, ничего такого не происходило, если не считать аудиопульты, издохшего с фонтаном ярких искр, когда я подошел слишком близко. Первую сцену отсняли до конца, за ней еще три, за которыми я тоже следил не слишком пристально. В них участвовали трое... гм... актеров, которых я не знал, две женщины и мужчина. Должно быть, из тех, на которых, по словам Джоан, оказала дурное влияние своими опозданиями Трикси Виксен.

Но конечно, одна из тех, что прибыли на съемки вовремя, лежала сейчас в реанимации, и ей еще повезло, что не в морге. Пунктуальностью от черной магии не защититься.

Где-то ближе к полуночи щен уснул на подстилке, которую я устроил ему из своего плаща. Большую часть пищи – без мясного содержимого назвать ее пищей было бы святотатством – подъели. Трикси закатила истерику еще час назад, набросившись сперва на одного из операторов, а потом на Инари, вылетев из студии в одних туфлях... в общем, все устали. Приготовились снимать последнюю сцену с участием Эммы, Бобби Пустышки и Лары Романи. Когда Лара встала со стула, все во мне напряглось, и я отошел к дальней стене

собраться с мыслями.

В темном углу всего в нескольких футах от меня что-то шевельнулось, и я отпрянул от неожиданности и страха. Из угла вынырнула и бросилась к ближайшему выходу призрачная фигура. Потрясение сменилось внезапным осознанием открывшейся возможности, и я без лишних раздумий ринулся в погоню.

Незнакомец, распахнув дверь, нырнул в чикагскую ночь. На бегу я достал из рюкзака жезл и рванул еще быстрее, подгоняемый злостью, адреналином и жгучим желанием изловить загадочную тень прежде, чем она успеет навредить еще кому-либо из съемочной группы.

Погони по ночным чикагским переулкам давно стали для меня привычным делом. Впрочем, с формальной точки зрения мы находились уже не в Чикаго, а в ближнем пригороде, да и широкие проезды между постройками индустриального парка не слишком походили на переулки. Подобные погони на своих двоих случаются со мной настолько часто, что я даже отказался от тренировочных пробежек. Надо признать, правда, что в погонях этих я обыкновенно оказываюсь в положении преследуемого, потому как в мои принципы входит избегать по возможности рукопашных поединков с любой тварью, которая весит больше малолитражки или покрыта хитиновым панцирем.

Тот, за кем я гнался, не отличался особенным ростом. Но бегать он умел – явно тоже тренировался. Проезды инду-

стриального парка освещались неравномерно, и он держал путь на запад, прочь от главного въезда, в совершенно темные кварталы.

С каждой секундой я оказывался все дальше от возможной помощи, а шансы напороться на подлянку, с которой я не смогу справиться в одиночку, напротив, возрастали. Мне стоило бы призадуматься, впрочем на другой чаше весов лежала возможность задержать того, кто нападал на людей Геносы. Как знать, если бы от нападений страдали в первую очередь не женщины, если бы я не держался за эту дурацкую старомодную галантность... в конце концов, будь я просто немного умнее, мне было бы куда сложнее сделать этот выбор.

Призрачный объект моей погони добежал до границы парка, и ему осталось пересечь темный газон, чтобы добраться до ограды футов в двенадцать высотой. Я нагнал его, когда он одолел половину этого расстояния, и сделал подсечку. Потеряв равновесие, он покатился по траве. Я рухнул на него сверху, всей своей тяжестью припечатав к земле.

Столкновение изрядно вышибло из меня дух; подозреваю, что ему пришлось еще хуже. Грянувшись о землю, он охнул – нормальным мужским баритоном, от чего я испытал изрядное облегчение. Я вообще предпочитаю думать о сопернике как о «нем», ибо, думай я о «ней», не уверен, что смог бы действовать с той же жестокой решительностью, а это может аукнуться быстро и болезненно.

Парень сделал попытку встать, но я несколько раз врезал ему по затылку, отчего он каждый раз крепко прикладывался о землю физиономией. Чувак оказался крепкий. Удары, конечно, оглушили его на мгновение, но он тут же пришел в себя и вдруг изогнулся подо мной, как змея. Я откатился в сторону, а он вскочил и бросился к изгороди.

Он подпрыгнул фута на четыре и с обезьяньей ловкостью полез наверх. Не поднимаясь, я нацелил свой жезл на самый верх ограды и рявкнул:

– Fuego!

Ослепительный в ночи разряд пламени ударил в верхний обрез металлической ограды, раскалив ее докрасна и осыпав незнакомца дождем огненных брызг. Тот вскрикнул от неожиданности, а может, от боли – и, разжав руки, полетел вниз. Я огрел его жезлом по голове и по плечам; хорошо еще, что у моего магического оружия вес вполне материальный. Второй или третий удар оглушил его, и я, заломив ему руку за спину приемом, которому научила меня Мёрфи, сунул его физиономией в ограду.

– Не дергайся! – рявкнул я. Капли расплавленного металла продолжали стекать по проволочной сетке ограды. – Не дергайся, а то буду держать так, пока морда не расплавится!

Он все же попытался вырваться. Он оказался сильным, но я удерживал его руку болевым приемом, так что ничего особенного он этим не добился. Спасибо, Мёрфи. Я нажал на вывернутую руку так, что он охнул от боли.

– Не трепыхайся! – повторил я.

– Боже правый, – прохрипел Томас перехваченным от боли голосом. Он прекратил биться и поднял вторую руку в знак капитуляции. Узнав голос, я разглядел теперь и лицо. – Гарри, это же я!

Я нахмурился и нажал на руку еще сильнее.

– Ой, – захлебнулся он. – Дрезден, что вы делаете? Пустите же! Это я!

Я стиснул зубы и отпустил его, сунув напоследок физиономией в сетку. Потом встал.

Томас медленно поднялся и повернулся ко мне лицом, продолжая держать руки поднятыми:

– Спасибо, дружище. Я не хотел заставить вас врасплох, как...

Я с размаху врезал ему кулаком по носу.

Похоже, его это врасплох все-таки застало, потому что он как стоял, так и сел, прикрыв лицо руками и изумленно тараща на меня глаза.

Я поднял свой жезл. Кончик его, светившийся зловещим багровым сиянием, завис в воздухе в каком-то футе от его лица. Лицо Томаса, и без того довольно бледное, сделалось пепельно-серым, из разбитой губы сочилась кровь.

– Гарри... – пробормотал он.

– Заткнитесь, – сказал я. Я говорил совсем тихо. Негромкий голос пугает больше вопля. – Вы мною манипулируете, Томас.

– Я не знаю, о чем это вы гово...

Я подался вперед, и ему пришлось отпрянуть от раскаленного конца моего жезла.

– Я сказал, заткнитесь, – продолжал я все так же тихо. – Полагаю, в студии находится кто-то, кого вы знаете, и вы не предупредили меня об этом. Думаю, вы обманывали меня и в другом, и это как минимум дважды сегодня уже подвергло меня смертельной опасности. А теперь назовите мне хоть одну причину, которая удержит меня от того, чтобы не выжечь ваш лживый язык раз и навсегда.

Волосы у меня на затылке вдруг встали дыбом, словно пытаясь отделиться от тела и улететь куда-нибудь подальше. Я услышал за спиной два металлических щелчка взводимых затворов, и томный до безумия голос Лары произнес:

– Хотите, назову сразу две?

Глава 15

Первой мыслью, что пришла мне на ум, было: «Ух ты, ну и голос же у нее!» И сразу же последовала вторая: «Как ей, черт подери, удалось догнать нас так быстро?»

А где-то совсем уже в глубине сознания практичная часть меня тоже включилась в обмен мнениями: «Вот некстати будет, если меня застрелят». Вслух же я произнес:

– У вас действительно фамилия Романи?

Я не слышал шагов, но, когда она заговорила снова, голос раздался ближе.

– Это моя фамилия по мужу. Я была замужем. Недолго. А теперь будьте добры, отойдите от моего младшего братца.

Адские погремушки, значит, она его *сестра*? Милая семейка. Вполне возможно, она будет реагировать на угрозу не совсем... гм... рационально. Я глубоко вздохнул и напомнил себе, что с учетом обстоятельств провоцировать Лару Рейт было бы чистым идиотизмом.

– Я правильно понял: если я сделаю то, что вы просите, вы опустите пистолеты?

– Исходите лучше из того, что, если вы *не* сделаете этого, я застрелю вас.

– О, ради всего святого, – вздохнул Томас. – Лара, да успокойся же. Мы просто беседовали.

Она скрипнула зубами, и в ее голосе прозвучало почти

материнское неодобрение:

– Томми, Томми! Когда ты несешь подобную ерунду, мне приходится напоминать себе, что мой младший братик далеко не такой идиот, каким хочет нам всем казаться.

– Да ладно тебе! – выпалил Томас. – Мы теряем время.

– Заткнитесь, – буркнул я, бесцеремонно взмахнув железом, и оглянулся через плечо на Лару.

На ней было что-то черное, кружевное, туфли на шпильках («и как, черт подери, она ухитрилась догнать нас на этих долбанных шпильках? Даже для чародея найдется пара вещей, представляющихся совершенно невероятными»), а в руках она держала пару славных таких маленьких пистолетиков. Возможно, заряжались они и не самыми мощными патронами, однако же и небольшой пули достаточно, чтобы убить меня раз и навсегда. По тому, как она их держала, у меня складывалось впечатление, что она знает, как с ними обращаться. Казалось, что в густой тени ее кожа светилась сквозь кружева. Восхитительное зрелище.

Я стиснул зубы и отогнал внезапное желание пройтись языком по возбуждающим изгибам ее бедер. Вместо этого я поднял свой жезл и нацелил его на Томаса:

– Два шага назад, цыпочка. Опустите пистолеты, забудь обо всех своих штучках – и мы поговорим.

Она застыла на полушаге, и на лице ее появилось слегка озабоченное выражение. А потом прищурилась, и голос ее разлился по воздуху смесью меда и героина:

– Что вы сказали?

Я отогнал давление, которое оказывал ее голос на мое либи́до.

– Назад, – буркнул я. – Быстро. – Впрочем, сидевший во мне Дон Кихот не сдавался так просто, и я добавил: – Будьте добры.

Мгновение сестрица Томаса смотрела на меня, словно увидела в первый раз.

– Экая бестолковая ночь, – пробормотала она тоном, каким обычно произносят что-нибудь совершенно нецензурное. – Вы Гарри Дрезден.

– Не огорчайтесь. Я довольно ловко обходился без фамилии, представляясь Гарри-Ассистентом-Продюсера.

Она надула губы – надо сказать, это выглядело тоже потрясающе.

– Зачем вы угрожаете моему брату?

– Вечер выдался скучный, а все остальные были заняты.

Она даже намеком не предупредила. Один из ее маленьких пистолетов рявкнул, меня ослепила алая вспышка боли в голове, и я упал на колени.

Не опуская руку с нацеленным на Томаса жезлом, я поднял другую руку и осторожно коснулся уха. Когда я отнял ладонь, на ней темнели капли крови, но боль уже начала стихать. Лара выразительно выгнула свою умопомрачительную бровь. Адские погремушки, она только чуть оцарапала мне ухо своей пулей. С такой меткостью залепить пулю мне про-

меж глаз – плевое дело.

– В обычной ситуации я бы восхитилась столь изящно выстроенным ответом, – произнесла она негромким бархатным голосом. Возможно, она тоже считала, что так выйдет страшнее, чем если она скажет то же самое, но громко. – Однако во всем, что касается моего младшего братца, у меня нет настроения играть в игры.

– Понятно, – сказал я.

Боюсь, мой голос прозвучал не слишком уверенно. Я опустил жезл и убрал заряд накопленной в нем энергии. Зловещая красная точка на его конце погасла.

– Прелестно, – отозвалась она, но пистолетов не опустила.

Ночной осенний воздух развевал ее шикарные черные волосы, серые глаза сияли в полумраке серебром.

– Гарри, – произнес Томас, – это моя старшая сестра Лара. Лара, Гарри Дрезден.

– Очень приятно, – кивнула она. – Томас, отойди от чародея. Я не хочу, чтобы какая-нибудь пуля, пройдя навывлет, попала в тебя.

Ноги мои разом сделались ватными. Я продолжал держать жезл в руках, но Лара нажала бы на спуск прежде, чем я успел бы прицелиться и выпустить разряд.

– погоди, – сказал Томас. Он привстал на колени и оказался между мной и другим Белым вампиром. – Не убивай его.

Она удивленно выгнула бровь, на губах заиграла легкая

улыбка.

– Это почему же?

– Во-первых, есть ведь шанс, что он успеет сложить смертное проклятие.

– Допустим. А во-вторых?

Томас пожал плечами:

– А еще у меня есть личный интерес. Я предпочел бы первым делом обсудить все это втроем.

– И я тоже, – добавил я.

Призрачная улыбка так и оставалась на лице у Лары.

– Ты мне симпатичен, чародей, но... – Она вздохнула. – Для переговоров нет времени, Томас. Присутствие Дрездена здесь недопустимо. Независимое предприятие Артуро – внутреннее дело Белой Коллегии.

– Я тут не затем, чтобы связываться с Белой Коллегией, – заявил я. – Это совершенно не входило в мои намерения.

Она внимательно посмотрела на меня:

– Всем нам хорошо известна цена благим намерениям. Тогда зачем же, а, чародей?

– Отличный вопрос, – буркнул я, выразительно покосившись на Томаса. – Я бы сам с удовольствием выслушал ответ.

Выражение лица у Томаса сделалось встревоженным. Взгляд его метнулся к Ларе, и у меня вдруг сложилось впечатление, что он готовится броситься на нее.

Лара нахмурилась:

– Томас? О чем это он говорит?

– Это все буря в стакане воды, Лара, – сказал Томас. –
Сушья ерунда. Правда.

Глаза Лары расширились.

– Ты втянул его во все это?

– Эм... – начал Томас.

– Еще как, черт возьми, он! – вмешался я. – Или вы думаете, что я вляпался во все это ради забавы?

Лара раскрыла рот в явном замешательстве:

– Томас, ты вступил в игру сейчас?

Несколько секунд Томас посидел с плотно сжатыми губами, потом медленно поднялся на ноги и, морщась, положил руку сзади на поясницу.

– Похоже на то.

– Он же тебя убьет, – сказала Лара. – Убьет, если не хуже. У тебя и малой толики нет той силы, которая требуется, чтобы хотя бы угрожать ему.

– Это как посмотреть, – возразил Томас.

– В смысле?

– В смысле, кого решат поддержать остальные члены клана.

Она презрительно усмехнулась:

– Ты что, серьезно считаешь, что кто-то из нас поддержит тебя против него?

– Почему бы и нет? – спокойно ответил Томас. – Сама подумай: отец силен, но не неуязвим. Если его скинуть по моей инициативе, главным стану я, а со мной будет чертов-

ски проще договориться, чем с ним. А если я проиграю, вы всегда можете сказать, что поддерживали меня по принуждению – психическому, разумеется. Вечный козел отпущения. Жизнь течет, и только мне платить за все.

Она прищурилась:

– Ты снова начитался Макиавелли.

– Ну, почитывал. Жюстине на ночь.

С минуту она помолчала, задумчиво кусая губы. Потом подняла взгляд:

– Все это отчаянно неудачно затеяно, Томас.

– Но...

– Худший момент трудно выбрать. Положение Рейтов среди других кланов на редкость неустойчиво. Если у нас начнутся еще и внутренние раздоры, это сделает нас уязвимыми для Скависов, Мальвора или других таких же. Стоит им почувать слабость, и они уничтожат нас без раздумий.

– Папа проигрывает, – возразил Томас. – Он ошибается уже много лет, и нам всем это прекрасно известно. Он стареет. Нападение на него других лордов – вопрос времени, а когда это случится, вместе с ним конец и всем нам.

Она мотнула головой:

– Хочешь знать, сколько братьев и сестер говорили мне все это почти слово в слово на протяжении долгих лет? Он уничтожил их всех.

– Они выступали против него в одиночку. Я же предлагаю нам действовать сообща. Мы вполне можем победить.

– Но почему именно сейчас?

– А почему бы и не сейчас?

Она нахмурилась и с минуту пристально смотрела на него, не шевелясь. Потом передернула плечами, вздохнула и нацелила один из пистолетов мне в голову. А второй – на Томаса.

– Лара! – возмутился он.

– Убери руку из-за спины. Ну!

Томас застыл, но медленно вынул руку с демонстративно растопыренными пальцами из-за спины. Я пригляделся и увидел у него чуть ниже пояса под футболкой некоторую выпуклость.

Лара кивнула:

– Мне очень жаль, Томми, ты мне весьма симпатичен, но ты не знаешь отца так, как знаю его я. Ты ведь не единственный Рейт, пытающийся извлечь преимущества из того, что его недооценивают. Он всегда ожидал от тебя подвоха, и в ту же минуту, как ему покажется, что я с тобой заодно, он меня убьет. Без колебаний.

В голосе у Томаса послышалось отчаяние:

– Лара, если мы выступим вместе...

– Мы вместе и умрем. Если не от его руки, то от Мальво-ра или кого-либо еще. У меня нет выбора. Поверь, мне не доставляет ни малейшего удовольствия убивать тебя.

– Так и не делай этого! – предложил он.

– И оставить тебя на милость папочки? Даже у меня имеются кое-какие принципы. Я люблю тебя больше, чем ко-

го-либо на свете, братец, но вряд ли я проживу долго, если стану рисковать без крайней на то необходимости.

Томас судорожно сглотнул. Он не смотрел на меня, но чуть сменил положение, и его футболка задралась, выставив мне на обозрение рукоять заткнутого за пояс джинсов пистолета. Я не стал пялиться на нее. У меня не имелось ни малейшего шанса схватить пистолет и выстрелить прежде, чем Лара сделает из меня решето. Вот если бы Томас смог отвлечь ее внимание хотя бы на секунду-другую...

Томас сделал глубокий вдох и произнес:

– Лара.

Что-то изменилось в его голосе. Хотя звучал он точно так же, как прежде – на слух *как прежде*, но появилось в нем нечто, заставившее воздух едва не звенеть от бесшумной соблазняющей энергии. Это требовало безусловного к себе внимания. Черт, противостоять этому голосу было почти невозможно, и слышать его из уст Томаса оказалось довольно-таки жутко. Хорошо еще он обращался не ко мне, иначе это могло бы чертовски сбить с толку.

– Лара, – повторил он.

Я увидел, как она чуть пошатнулась при его словах.

Томас продолжал:

– Позволь мне поговорить с тобой.

Увы, если она и пошатнулась, то скорее от ветра и каблучков-шпилек, нежели от Томасова голоса.

– Боюсь, все, что тебе стоит сказать, – это попрощаться

со мной, братец. – Лара со спокойным, отрешенным видом
взвела оба пистолета. – И кстати, заодно с чародеем попрощайся.

Глава 16

Мне приходилось оказываться в ситуациях и похуже. Подумать, так даже огорчительно, сколько раз я в них оказывался. Но если опыт и научил меня чему-либо, так только вот этому: как бы плохо ни обернулись дела, у них всегда есть возможность сделаться еще хуже.

Вот вам пример: это наше легкое недоразумение с супер-блудницей.

Томас заорал что-то и дернулся влево, заслоняя меня от Лары. Одновременно с этим я потянулся к заткнутому у него за пояс сзади пистолету. Судя по рукоятке, пистолет был полуавтоматический, – возможно, одна из этих модных немецких игрушек, которые столь же миниатюрны, сколь смертоносны. Я успел схватиться за нее и наверняка дал бы достойный отпор Ларе, если бы не чертовы Томасовы джинсы в обтяжку: пистолет застрял и отказался вылезать. В итоге я потерял равновесие и плюхнулся на бок. В общем, все, чего я добился в результате этого столь хитроумно задуманного маневра, – это ободрал подушечки пальцев да еще получил возможность без помех наблюдать изготовившуюся к стрельбе Лару Рейт.

Я услышал хлопок выстрела, потом жужжание пули. За первым выстрелом на протяжении двух или трех секунд последовало еще несколько. Две пули с омерзительным стуком

ударили в Томаса – одна в ногу, вторая в грудь.

Одновременно с этим Томас швырнул в Лару маленькой связкой ключей, и это, возможно, спасло мне жизнь. Она отбила их стволом пистолета – того, что был нацелен на меня, – и подарила мне бесценное мгновение, которого хватило на то, чтобы выхватить жезл и выпустить в нее панический разряд. Мне было не до точности: даже с фокусирующим мою волю жезлом струя пламени вместо луча толщиной в запястье вышла конусом футов тридцать в поперечнике.

И звук вышел соответствующий – настоящий удар грома, разорвавший ночную тишину. Конечно, Лара Рейт обладала реакцией, которая, к сожалению, отличает почти всех представителей вампирского племени, и вовремя отпрянула в сторону. На ходу она разрядила в меня оба пистолета на манер героев гонконгских боевиков. Однако же сверхъестественных навыков Лары оказалось явно недостаточно, чтобы справиться с внезапностью, натиском, огненным шквалом – и тупфлями на шпильках. Будь благословенна индустрия моды и слепая удача, хранящая дураков и чародеев: вампириша промахнулась.

Я встряхнул браслет-оберег и усилием воли выстроил перед собой невидимую, но непробиваемую стену. Именно в нее ударили несколько последних выпущенных Ларой пуль, осветив ночь бело-голубыми вспышками возмущенной энергии. Не убирая барьера, я изготовил жезл к новому разряду и угрожающе повернулся к Ларе.

Вампирша скользнула в тень между ближайшим к нам зданием и парой больших цистерн и скрылась из виду.

Чуть развернув щит в сторону, куда скрылась Лара, я склонился над Томасом.

– Томас, – прошипел я. – Томас, вы как?

Он ответил не сразу, а когда заговорил, голос его звучал совсем слабо:

– Не знаю. Больно.

– В вас залепили две пули. Еще бы не болело. – Взглядом я продолжал шарить по окружавшей нас темноте, обострив чувства как только мог. – Идти сможете?

– Не знаю, – прохрипел он. – Дышать трудно. И ног не чувствую.

Я скосил глаза в его сторону – на секунду, не больше. Черная Томасова футболка на боку прилипла к телу. Попадание в легкое – в лучшем случае. Если пуля зацепила крупный кровеносный сосуд, дело дрянь, вампир он или нет. Конечно, порождения Белой Коллегии чертовски живучи, но в некоторых отношениях столь же уязвимы, сколь и служащие им пищей люди. Он может очень быстро оправиться от ранения – я видел, как сломанные ребра срастались у Томаса в считанные часы, – однако, если он истечет кровью из перебитой артерии, он умрет, как любой другой.

– Вы, главное, не шевелитесь, – посоветовал я. – Сидите неподвижно, пока мы не пойдем, где она.

– Это ее выманит, – прохрипел Томас. – Классический

прием с подсадной уткой.

– Дайте мне свой пистолет, – сказал я.

– Зачем?

– Чтобы в следующий раз, когда вы начнете вешать мне лапшу на уши, я прострелил вашу хитроумную задницу.

Он сделал попытку засмеяться, но тут же зашелся болезненным, kloкочущим кашлем.

– Черт, – буркнул я и склонился над ним.

Отложив жезл, я подsunул правую руку ему под плечи и усадил спиной к моему колену, чтобы он по возможности находился в вертикальном положении.

– Вы бы лучше уходили. Я перебыюсь.

– Да заткнетесь вы или нет? – рявкнул я.

Свободной рукой я попытался обнаружить раны, но я не врач. Я нащупал дырку в груди, из которой продолжала сочиться кровь. Края раны изрядно припухли.

– Ясно, – сказал я ему. – Дрянь рана. Вот. – Я поднял его правую руку и крепко прижал к ране. – Держите руку вот так, приятель. Не ослабляйте давления. У меня не получится зажимать ее и тащить вас одновременно.

– Даже в голову не берите меня тащить, – прохрипел он. – Не будьте идиотом. Она убьет нас обоих.

– Я могу не убирать щит, – возразил я.

– От щита мало проку, если вы не сможете отстреливаться. Уходите, вызовите полицию, потом вернетесь за мной.

– Вы несете пьяный бред, – заявил я.

Оставь я его одного – и Лара наверняка его прикончит. Я закинул его левую руку себе на плечо и рывком вздернул на ноги. Он оказался не таким тяжелым, как я ожидал, но это движение не могло не причинить ему боли. И причинило – судя по тому, как перехватило у него дыхание.

– Ну же! – рявкнул я. – У вас одна нога здоровая. Помогите же мне.

Голос его понизился до глухого, призрачного какого-то голоса, почти шепота:

– Идите. Я не могу.

– Еще как можете. Заткнитесь и помогите мне.

И я максимально быстро двинулся к главному выезду из промзоны. Браслет-оберег я держал под напряжением, сохраняя прикрывавший нас со всех сторон щит. Конечно, мощностью он уступал направленному, выстроенному с одной стороны, но я не мог смотреть во все стороны одновременно, а умный противник никогда не упустит возможности выстрелить сзади.

Должно быть, оставайся еще у Томаса силы, он орал бы во всю глотку. Минуты через две лицо его сделалось белым как полотно – я имею в виду, он побледнел даже больше обычного. Кожа у него и так светлее некуда, но сейчас она приобрела пепельный оттенок, будто у покойника, а под глазами обозначились синяки. Даже так он ухитрялся помогать мне. Не то чтобы очень, но достаточно для того, чтобы я тащил его, почти не отступаясь.

Я уже начал надеяться, что нам удастся благополучно добраться до студии, когда услышал шаги, и из-за угла перед нами выбежала женщина. Светлая кожа отчетливо выделялась в темноте.

Я чертыхнулся, подкачал в щит еще немного воли и, пригнувшись, довольно бесцеремонно плюхнул Томаса на землю. Пошарив рукой у него по поясу, я нащупал пистолет и выдернул его наконец. Большим пальцем взвел курок, прицелился и нажал на спуск.

– Нет! – прохрипел Томас в последнее мгновение и толкнул меня плечом, сбив прицел.

Рывкнул выстрел, и пуля высекла искры из асфальта. В отчаянии я снова поднял пистолет, прекрасно понимая, что это лишено смысла. Если я и мог застать Лару Рейт врасплох первым выстрелом, шансов на то, что я одолею ее в прямом поединке, не имелось вовсе.

Но это оказалась не Лара. Инари остановилась на мостовой в нескольких футах от меня, широко распахнув глаза и открыв рот.

– Господи! – воскликнула она. – Томас! Что случилось? Что вы с ним сделали?

– Ничего! – отрезал я. – Он ранен. Бога ради, да помогите же мне!

Мгновение она колебалась, потом бросилась к Томасу:

– О боже! Он весь в крови! Он истекает кровью!

Я сунул жезл ей в руки.

– Подержите! – рявкнул я.

– Что вы с ним сделали? – не унималась она. По лицу ее струились слезы. – О Томас.

Мне хотелось орать от раздражения, но я упрямо вглядывался во все места, где могла прятаться Лара. Инстинкты заливались пожарными сиренами, предупреждая о ее приближении; на самом деле мне ничего так не хотелось, как просто удрать.

– Да сказал же я: ничего! Идите лучше вперед, откройте и подержите дверь. Нам нужно вернуться в дом и вызвать «скорую».

Я нагнулся, чтобы снова поднять Томаса.

Инари Рейт отчаянно вскрикнула и, держа мой жезл обеими руками, огрела меня по затылку с такой силой, что тот сломался пополам. В глазах вспыхнули яркие звезды; я даже не почувствовал боли, когда ткнулся мордой в асфальт.

Минуту или две все в моей голове путалось. Первое, что я услышал, когда смог наконец шевелиться, было всхлипывание Инари:

– Лара, я не знаю, что случилось. Он пытался меня застрелить, а Томас без сознания – может, мертвый уже.

Я услышал шаги.

– Дай мне пистолет, – произнес голос Лары.

– Что же теперь делать? – спросила Инари.

Она продолжала плакать.

Лара передернула затвор пистолета, проверяя патронник.

– Иди в дом, – сказала она. Голос ее звучал все так же твердо и уверенно. – Вызови «скорую» и полицию. Ну!

Инари выпрямилась и бегом бросилась в темноту, оставив нас с Томасом наедине с женщиной, которая уже почти убила его. Я сделал попытку встать, но это оказалось делом слишком сложным. Все завертелось вокруг в бешеном хоро-воде.

Мне удалось-таки приподняться на колене, когда против-ный, липкий холод волной накатил на меня со спины.

Три вампира из Черной Коллегии не предупреждали о своем появлении. Они просто появились, словно соткавшись из теней.

Одного из них я уже знал: одноухого типа, которого я так удачно окатил святой водой из пистолета. По обе стороны от него стояли еще двое чуваков из Черных – оба мужско-го пола, в саванах, оба подросткового телосложения. Они пробыли живыми трупами не слишком долго: кожа на руках еще сохранила кое-где более или менее натуральный цвет, да и лица не до конца превратились в черепа. Ногти у них, конечно, были длинные, грязные. На лицах, на горле запек-лась кровь. Глаза более всего напоминали подернутые чер-ной ряской загнившие лужи.

Инари испустила крик, которому позавидовали бы персо-нажи иного ужастика, и поспешно отступила назад, к Ларе. Лара со свистом втянула воздух сквозь зубы и, медленно по-ворачиваясь на каблуках, чтобы постоянно видеть нападав-

ших вампиров, изготовилась к стрельбе.

– Ну и ну, – прошипел одноухий вампир. – Надо же, какая удача! Чародей и трое Белых разом. Это обещает быть занятным.

Тут я ощутил еще одну, более сильную, волну гнусной, убийственной магической энергии.

Малоккио. Оно нарастало снова, на порядок мощнее, чем прежде, – и я ощутил, как оно приближается ко мне. Голова еще гудела от удара, и я, черт подери, ничегошеньки не мог с этим поделать.

– Убейте их, – прошипел одноухий. – Убейте их всех!

Вот видите? Все как я говорил.

Ситуация всегда может обернуться еще хуже.

Глава 17

Не могу сказать, чтобы в рукопашном бою я был совершенно беспомощен, но и особо способным бойцом меня тоже не назовешь. Раз или два меня избивали до бесчувствия. Ну, если честно, гораздо чаще. И ничего такого невероятно-го в этом нет: большинство тварей, что отметелили меня, за просто уделали бы целую баскетбольную команду, а я, в конце концов, всего лишь смертный. Пусть и с крепким загривком, что означает: хрупкостью я все-таки немного уступаю фарфоровой чашке.

Во всех этих случаях мне удалось выжить благодаря везению, помощи надежных друзей и довольно-таки вредной во многих отношениях фее-крестной. Впрочем, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать: рано или поздно удача отвернется от меня и я окажусь в опасной ситуации в одиночку, на пределе своих сил. Тот вечер стал неплохим этому подтверждением.

Хорошо все-таки, что иногда я предусмотрительно заглядываю вперед.

Я коснулся рукой своей новой поясной пряжки с рельефным изображением медведя. Пряжку отлили из цельного серебра, а медведя я вырезал на ней сам. Я возился с этим несколько месяцев; не могу сказать, чтобы результат отличался особенной красотой или вдохновением, но художе-

ственная сторона волновала меня меньше всего.

Выражаясь словами Фоггорна-Леггорна, я просто старался подготовиться к такому вот ЧП.

Так вот, я коснулся пряжки левой рукой и прошептал:
– Fortius!

Энергия потоком хлынула в мое тело, растекаясь от живота во все стороны, – горячая, живительная энергия, топливо для тела, ума, души. Она наполнила жизнью мои усталые мышцы, укрепила кости. Смятение, усталость, боль исчезли так же быстро, как тает тьма с восходом солнца.

Я бы не стал сводить всё к простому впрыску адреналина, хотя и это сыграло должную роль. Можете называть это «ци», «мана» или любым другим из тысячи имеющихся для этого названий – это была настоящая магия, экстракт чистой жизненной энергии. Она вливалась в меня из емкости, которую я смастерил в серебряной пряжке. Сердце вдруг переполнилось возбуждением, а мысли – надеждой, уверенностью и нетерпеливым предвкушением, словно в качестве личного саундтрека к моей жизни зазвучала «Ода к радости», а на переполненном стадионе мои фанаты восторженно изобразили приветственную «волну». Я с трудом удерживался, чтобы не запеть или не расхохотаться. Боль никуда не делась, но я словно стряхнул с плеч все последние удары и неприятности и сделался вдруг снова готовым к бою.

Даже в том, что касается магии, ничего не дается даром. Я знал, что боль еще одолеет меня. Но это все фигня: сейчас

главное – выжить, а тревожиться из-за последствий можно и потом.

– Лара, – сказал я, – я понимаю, что вы отчасти заинтересованы в том, чтобы убить меня, но, с моей точки зрения, ситуация изменилась.

Суккуб покосилась на вампиров, потом на Инари:

– Согласна, чародей.

– Перестроим ряды, чтобы выволить девочку?

– Двигаться можешь?

Я оттолкнулся от земли и более или менее благополучно – с учетом обстоятельств – выпрямился. Лара встала почти спиной ко мне, стараясь держать в поле зрения всех трех вампиров. Те, в свою очередь, стояли не двигаясь, и только голодный огонь в мертвых глазах позволял отличить их от обычных покойников.

– Ага. Вполне мобилен.

Лара бросила на меня взгляд через плечо, и глаза ее расширились от удивления.

– Впечатляюще. Что ж, перемирие?

Я утвердительно тряхнул подбородком:

– На двадцать четыре часа?

– Идет.

– Клево.

– Их лица! – всхлипнула Инари. – Какие у них *лица*! Боже, кто они такие?

Я удивленно покосился на перепуганную девочку, потом

на Лару:

– Она что, не знает? Вы ей ни о чем таком не рассказывали?

Не спуская взгляда с ближайшего вампира, суккуб пожала плечами:

– У отца такая политика.

– Ну и сумасшедшая у вас семейка, Лара. Нет, правда.

Я подобрал с земли обломки своего жезла. Резьба по дереву по сложности не уступала наложенным на него заклятиям и требовала долгого времени и денег. За всю мою профессиональную практику мне пришлось раз пять или шесть мастерить себе новые жезлы, и каждый раз у меня уходило на это недели две, не меньше. Чертова девица сломала очередной, что меня огорчало до чертиков, зато продолжавшая бурлить во мне волна позитива подсказала положительную сторону: теперь в моем распоряжении оказалось две довольно-таки тяжелые деревяшки с острым зазубренным изломом. Я шагнул между Инари и ближайшим к нам вампиром и протянул ей одну из половинок.

– Держи, – сказал я. – Представится шанс – действуй, как Баффи.

Инари выпучила на меня глаза:

– Что? Вы что, шутите?

– Делай как сказано! – велела Лара, и в голосе ее зазвенела сталь. – Никаких вопросов, Инари!

Похоже, голос суккуба убедил девчонку. Она без промед-

ления взяла у меня деревяшку, хотя испуга на ее лице не убавилось.

Над головой продолжало клубиться невидимым вихрем проклятие, сдавливая мне виски и путая мысли. Я старался отстраниться от помех и сфокусироваться на проклятии, проследить, откуда и куда оно движется. Мне просто необходимо было понять, на кого оно нацелено, – от этого, в конце концов, зависел не только успех расследования, но и моя жизнь.

Проклятие выглядело сложным, многоуровневым. Однако, как я уже говорил, я имею обыкновение держать при себе наготове кое-какие средства для борьбы с самыми разнообразными напастями. Я вытащил из-под рубахи амулет и позволил наконец озвучить тревожившую меня мысль:

– Почему они стоят без движения?

– Советуются со своим господином, – предположила Лара.

– Терпеть не могу ждать, пока меня позовут бить морду, – сообщил я. – Не нанести ли нам удар первыми?

– Нет, – отрезала Лара. – Они нас боятся. Не шевелитесь. Это только спустит их с цепи, а время играет на нас.

Новая волна почти физически ледящего холода коснулась меня. Волосы встали дыбом. Проклятие готово было сработать, а я так и не знал, на кого оно нацелено. Я шарил взглядом по сторонам в поисках хоть каких-то физических проявлений.

– Я в этом не уверен, мисс Рейт.

Один из вампиров, меньший из тех двоих, что стояли рядом с одноухим, вдруг пошевелился. Взгляд его мертвых глаз уперся в меня, и он заговорил. Трудно представить себе, что звуки, издаваемые двумя разными мертвыми, иссохшими глотками, могут отличаться друг от друга, но это так, поверьте мне на слово. Этот голос струился плавно и принадлежал вовсе не шевелившему губами вампиру. Голос был старше. Старше, холоднее, злобнее – и все же с едва уловимыми нотками женственности.

– Дрезден, – произнес этот голос. – И правая рука Рейта. Рейтов сын-бастард. И его ненаглядная младшенькая. Что ж, вечер удался.

– Привет, Мавра, – отозвался я. – Только тебе ведь все равно, так что прекрати-ка эти кукольные игры в «Носферату» и перейди к делу. У меня завтра хлопотный день, хотелось бы выспаться.

– Господи, Гарри, – послышался слабый хрип.

Я оглянулся и увидел, что лежавший на земле Томас смотрит на меня широко открытыми глазами. Вид у него был похлеще самой смерти, взгляд с трудом удерживался на мне, но, по крайней мере, он проявлял признаки жизни.

– Вы что, пьяны? – продолжал он. – Когда успели?

Я подмигнул ему:

– Такова сила позитивного мышления.

Вампир-марионетка зашипел, и голос его сделался глуше,

более зловещим:

– Эта ночь многое уравновесит. Разберитесь-ка с ними, ребята. Убейте всех.

Тут разом произошло много вещей.

Вампиры бросились на нас. Одноухий атаковал Лару, марионетка – меня, а третий устремился на Инари. Тот, что рвался ко мне, похоже, был не мастак драться, но передвигался он с такой быстротой, что я едва отслеживал его перемещения, – впрочем, тело мое все еще звенело от инъекции позитивной энергии, и я ответил на его атаку так, словно это вступительные па хорошо знакомого мне танца. Я отступил на шаг в сторону, пропуская его мимо себя, и приемом, достойным Баффи, обрушил свою половинку бывшего жезла ему на загривок.

Возможно, на телеэкране это происходит эффектнее. Забуренная деревяшка вонзилась в вампира, но не думаю, чтобы она проткнула плащ, тем более чтобы она вонзилась ему в сердце. Однако удар лишил эту тварь равновесия, и она, пошатнувшись, пролетела куда-то дальше. Может, вампир все же получил какие-то травмы – он испустил пронзительный вопль, полный изумления и ярости, от которого зазвенело в ушах.

Инари вскрикнула и замахнулась своей деревяшкой, впрочем Баффи из нее вышла не лучше, чем из меня. Вампир перехватил ее руку и, резко повернув, сломал запястье. Послышался противный хруст, Инари охнула и рухнула на

колени. Вампир навалился на нее сверху, ощерив зубы – не клыки, как я успел машинально отметить, а просто обыкновенные пожелтелые, как и положено покойнику, – в попытке впиться ими ей в горло и искупаться в луже крови.

И – словно этого было недостаточно – проклятие соткалось наконец полностью и с воем вынырнуло из ночи, целясь в Инари.

У меня оставались считанные секунды, чтобы спасти ей жизнь. Я ринулся на вампира, представил себе зависшую в дюйме от его зубов невидимую банку из-под пива и изо всех сил врезал по этой воображаемой банке пяткой. Конечно, куда мне со своей силой тягаться со сверхсилой вампира. Однако даже вампир, способный с разбега пробиться сквозь кирпичную стену, весит ровно столько, сколько положено иссохшему трупу, – к тому же атака явно застала его врасплох. Удар получился что надо! Законы физики сработали на ура, и вампир со злобным и удивленным шипением отлетел в сторону.

Левой рукой я схватил Инари за правую. Тут такая штука: энергия истекает из тела с правой его стороны. Левая же сторона энергию поглощает. Я напряг все свои чувства и ощутил, как пикирует на Инари сгусток темной энергии. Он ударил в нее мгновение спустя, но я успел подготовиться и усилием воли перехватил эту гадость прежде, чем она успела причинить девушке зло.

Острая боль пронзила мою левую ладонь. Энергия ока-

залась холодной – нет, не просто холодной, а ледяной. Она была скользкая, тошнотворная, словно вырвалась из какого-то огромного подземного моря. Стоило ей коснуться меня, как моя голова едва не взорвалась от непередаваемого ужаса. Энергия, сама магия, ее соткавшая, показались мне какими-то... неправильными. Изначально, насквозь, крайне неправильными.

С тех пор как я занялся магическими делами, я полагал, что любая магия происходит от жизни, что питающая ее энергия сродни электричеству, природному газу или, например, урану – подобно им, она заряжена пользой, добром, а уже применить ее можно по-разному. Нет, я искренне верил, что любая магия изначально положительна.

Я заблуждался.

Возможно, это справедливо по отношению к моей магии. Но та магия была совсем другой. Она имела единственную цель – разрушение. Сеять страх, боль, смерть. Я чувствовал, как энергия льется в меня из запястья Инари, и она причиняла мне такую боль, что я не нахожу слов... да что там слов, даже мыслей, способных передать ее. Она рвала меня изнутри, словно в поисках слабого места в моей обороне; она сгущалась во мне, словно готовясь к чему-то...

Я сопротивлялся ей. Все это заняло, должно быть, какую-то долю секунды, но мне стоило еще больших усилий вырвать эту черную энергию из себя и отшвырнуть в сторону. Я оказался сильнее. И все же, отбрасывая ее от себя, я

внезапно ощутил приступ ужаса: мне показалось, что от меня что-то оторвалось, что короткое соприкосновение с этой гадостью пометило меня на всю жизнь.

Или изменило.

Я услышал собственный вопль – не от страха или злости, а от боли. Я выбросил правую руку в сторону, и невидимый клубок черной энергии, вырвавшись из нее, ударил в вампира, только-только поднявшегося на ноги и изготавившегося к новой атаке на меня. Он даже глазом не моргнул, из чего я заключил, что он этого проклятия не ощущал.

Тем большим сюрпризом для него стал предмет, обрушившийся на него прямо сверху. Все произошло почти мгновенно, быстрее, чем успел запечатлеть глаз: удар, короткий захлебнувшийся вопль – и вампир уже валяется на земле, распластавшись, словно прищипленная к картонке бабочка. Только руки и ноги слабо подергивались еще некоторое время. Грудная клетка и ключица у него были расплющены в хлам.

Цельнозамороженной индюшачьей тушей. Хорошей, футов на двадцать.

Птичка, должно быть, упала с пролетавшего в небе самолета, вне сомнения притянута на цель проклятием. К моменту приземления она набрала скорость пушечного ядра, да и твердостью ненамного ему уступала. Из расплющенной груди вампира торчали замороженные голяшки с концами, обернутыми веселенькой красной фольгой.

Вампир захрипел и дернулся еще раз.

Из индейки со звоном вывалился и скатился на землю будильник.

На миг все застыли, потрясенно глядя на это чудо. Что ни говорите, а зрелище дистанционно управляемого снаряда из замороженной индейки увидишь нечасто – даже если ты почти бессмертная тварь из Небывальщины.

– Следующим номером моей программы, – прохрипел я в наступившей потрясенной тишине, – будет наковальня.

И драка вспыхнула с новой силой.

Инари, стоя на коленях, кричала от боли. Лара Рейт подняла Томасов пистолетик и разрядила его в Одноухого. Почему-то она целилась ему в ноги. Я попытался было помочь ей, однако рукопашная с вампирами из Черной Коллегии отличается-таки от обычной драки, и мне не стоило об этом забывать.

Вампир, которого я оглушил в первые мгновения поединка, с размаху врезал мне кулаком по плечу. Удар пришелся по касательной, и мне удалось немного ослабить его, крутанувшись на пятках, но все же его силы хватило на то, чтобы сшибить меня с ног. Я больно ободрался о камни, однако это тревожило меня меньше всего. До поры до времени, конечно. Падение оглушило меня – на какую-то секунду, но все же оглушило.

Вампир перешагнул через меня и навалился на Инари. Костлявой рукой он бесцеремонно схватил ее за волосы и су-

нул лицом в асфальт, открыв шею. А потом пригнулся к ней.

– Прочь от нее! – выкрикнул Томас.

Опираясь на здоровую ногу и руку, он привстал и схватил вампира за ногу. Рывок – и вампир полетел на землю. Впрочем, он тут же опомнился и, изогнувшись, словно страдающая артритом змея, сцепился с Томасом.

Это была уже драка так драка – без всякого там сюсюканья, без правил. Черный вампир схватил Томаса за горло и попытался оторвать ему голову. Томас извернулся и дважды перекатился по земле, удерживая Черного за руки и не давая тому окончательно сомкнуть их у него на шее.

И тут Томас начал меняться.

По части драматизма это уступало, конечно, вампирам Красной Коллегии, под внешне обычной человеческой плотью которых таилось поистине демоническое обличье. Нет, все происходило гораздо скромнее. Вокруг него, казалось, соткался холодный ветер. Черты лица его сделались резче: скулы острее, глаза глубже, лицо худощавее. Кожа приобрела чуть глянцеватый лоск, засияв, как прекрасная жемчужина в лунном свете. Глаза тоже изменились. Зрачки сделались холодно-серебристого цвета, а потом и вовсе побелели.

Бросаясь вперед, он замысловато выругался – у него и голос изменился. Не сильно, но изменился: сделался более диким и хищным, а главное, даже отдаленно не напоминал больше человеческий. Смертельно раненный Томас обрушился на Черного вампира – воплощенное орудие убийства

– и победил. Резким движением он оторвал руки вампира от своего горла, повернулся так, чтобы здоровая нога оказалась под вампиром, и метнул его в кирпичную стену ближнего здания.

Столкновение вышло что надо! Вампир врезался в стену, расшвыряв облако кирпичных осколков, и, оглушенный, мешком повалился на землю. Впрочем, не прошло и секунды, как он пошевелился и сделал попытку встать. Томас передернул плечами, словно собираясь подняться и продолжать драку, но тут энергия, питавшая его превращение и боевой дух, явно иссякла.

Он обмяк и повалился на асфальт; лицо снова утратило всякое выражение, а белые глаза вновь потемнели.

Лара Рейт держалась пока молодцом. Ветер распахнул ее легкий шелковый халатик, открывая взгляду живописное сочетание черных кружев и бледной кожи – каким-то непостижимым образом вполне даже сочетавшихся с зажатым в ее руке пистолетом. Одноухий валялся на боку. Из простреленных коленей и лодыжек торчали осколки кости – Лара Рейт все-таки умела стрелять метко. Он сделал попытку приподняться на руке, протягивая другую к жертве, и Лара выстрелила еще раз. Локоть Одноухого разлетелся облачком ошметков истлевшей одежды и плоти, а также осколков кости. Вампир повалился обратно.

Лара всадила ему пулю в левый глаз. Вонь стояла тошнотворная. Лара чуть повела стволом в сторону, прицелившись

в оставшийся глаз.

– Этим меня не убить, – прохрипела противная тварь.

– А мне этого и не надо, – невозмутимо ответила Лара. – Достаточно лишить тебя подвижности на время.

– Я все равно достану тебя, – пообещал Одноухий-Одноглазый.

– Перспектива выглядит радужной, – улыбнулась она. – До встречи, детка.

Курок звонко щелкнул по пустому патроннику. Сделалось совсем тихо.

Лара успела еще, не веря собственным глазам, покоситься на свой пистолет. А потом тот вампир, которого оглушил Томас, бросился на нее со спины. Не то чтобы он напал с быстротой молнии, но все же достаточно быстро. Я попытался крикнуть, предупреждая ее, но меняхватило лишь на слабый хрип.

Лара оглянулась-таки через плечо и попыталась увернуться, но мой окрик запоздал. Вампир схватил ее за волосы и развернул лицом к себе. А потом ударом кулака буквально выбил ее из туфель на шпильках. Сделав в воздухе почти полный оборот, она врезалась в стену. От удара она выпустила из рук пистолет; глаза ее были все еще широко раскрыты от потрясения. Из ссадин на щеке и лбу сочилась странная, очень бледная кровь.

Вампир встряхнулся и прыгнул к Ларе, приземлившись на четвереньки. Движение это было не лишено красоты, но ка-

кое-то чужое – скорее паучье, чем кошачье. Почти ползком он подобрался к ней и, схватив за шею, прижал плечами к стене. А потом высунул длинный кожистый язык и принялся, шипя от наслаждения, слизывать кровь.

Одноухий, отталкиваясь от земли здоровой рукой и извиваясь как змея, тоже подобрался к ней.

– Вторая по старшинству у Рейтов, – проскрежетал он. – И тот Белый, что нас предал. Вот теперь вы, голубчики, оба мои.

Лара сделала попытку стряхнуть вампира, лизавшего ее кровь, но сил ей явно не хватало, и она все еще выглядела оглушенной.

– Пошли вон!

– Моя! – повторил Одноухий, откидывая ее волосы с шеи.

Второй вампир без труда отвел ей руки и прижал за запястья к стене у нее над головой.

Одноухий коснулся языком Лариных губ:

– Я покажу тебе, что такое настоящий вампир. Скоро, скоро ты увидишь все совсем в другом свете. Но и тогда останешься хороша. Сейчас, сейчас я порадуюсь...

Лара извивалась, пыталась вырваться, но взгляд ее так и не прояснялся, а движения становились все менее координированными. На лице ее проступил ничем не прикрытый испуг: вампиры навалились на нее и впились зубами в ее плоть. Теперь к ее воплям добавились омерзительные хлопанья и причмокивания.

Именно этого я и дожидался. Стоило им присосаться как следует, как я по возможности тише в несколько прыжков – не зря я все-таки занимался фехтованием – одолел разделявшее нас расстояние и с размаху вогнал шестидюймовую шпильку одной из Лариных туфель остававшемуся пока целым вампиру аккуратно промеж лопаток. Замах вышел отличный, да и разбег добавил энергии удару – каблук вонзился чуть левее позвоночника, прямо в истлевшее вампирское сердце.

Результат вышел неплохой, хотя я бы желал большего. Вампир не взорвался и не рассыпался в труху. Но все же завопил во всю мощь своих давным-давно истлевших легких и задергался почти столь же впечатляюще, как тот, в которого шмякнулась индейка. Он повалился на землю, и на мертвом лице застыла гримаса удивления и боли.

Одноухий чуть запоздал с реакцией. Когда он оторвал окровавленный рот от полушария левой Лариной груди, я уже держал наготове амулет моей матери и сосредоточил на нем все свое внимание, всю свою волю.

Тут такое дело: я слышал, что сила веры – просто еще один аспект той магии, которой я обыкновенно пользуюсь. Слышал я и то, что эта энергия совершенно иного рода, не имеющая отношения к жизненным силам, которые я ощущаю повсюду вокруг себя. И наверняка она вызывает у тех разнообразных созданий, с которыми мне приходится иметь дело в моей чародейской практике, совсем другую реакцию, чем

обычные мои заклинания, – так что, вполне возможно, они вообще никак не связаны.

Впрочем, это ровным счетом ничего не меняло. Я ведь не распятие совал в лицо этой гадине. Я держал в руке то, во что верил сам. Пятиконечная звезда амулета символизирует пять сил вселенной – воздуха, огня, воды, земли и духовной энергии, упорядоченных человеческой мыслью, человеческой волей. Я верю в то, что те, кто умеет управлять этими силами, несут ответственность, чтобы использование их было направлено во благо, – и силы моей веры вполне хватило, чтобы обрушить ее на Одноухого.

Пентаграмма вспыхнула серебристо-голубым сиянием, ярким, как дневной свет. Высохшая кожа Одноухого, туго обтягивающая череп, начала расползаться, а брызнувшая из трещин густая жижа немедленно загорелась тем же серебристым пламенем. Вампир заверещал и отпрянул от огня. Если бы их оставалось двое – они напали бы на меня с противоположных сторон, потому что свет пентаграммы мог поразить только одного. Но я лишил их такой возможности и преследовал Одноухого, держа пентаграмму перед собой и не ослабляя заряда воли.

Одноухий перекатился через продолжавшего дергаться вампира с торчавшими из груди индюшачьими ножками, и тот – возможно, моложе или просто уязвимее, чем вожак, – разом вспыхнул факелом, стоило лучу пентаграммы коснуться его. Мне пришлось отступить на шаг от жара, и очень

скоро от вампира не осталось ничего, кроме пережаренной индейки.

Когда мои глаза снова немного свыклись с темнотой, Одноухого и след простыл. Оглянувшись через плечо, я увидел, как обратившаяся Лара Рейт – глаза и кожа ее сияли тем же серебристо-белым светом, как и у Томаса несколько минут назад, – методично превращает в кровавую кашу последнего вампира. Продолжая кричать во всю мощь своих легких, первыми ударами она разбила в труху его лицо, потом расплющила череп. А потом оторвала Черному башку к чертовой матери, убив его раз и навсегда.

Она медленно поднялась на ноги; взгляд ее белых глаз оставался отрешенным, лишенным чего бы то ни было человеческого. По белой коже стекали струйки темно-алой, бурой и темно-зеленой жидкости, смешивавшиеся с потеками ее собственной бледно-розовой крови. Грива темных волос растрепалась и свисала беспорядочной массой. Вид у нее был разом напуганный, разъяренный – и все равно соблазнительный как черт знает что.

Голодный взгляд суккуба обратился на меня, и Лара сделала шаг в мою сторону. Я ослабил концентрацию воли на пентаграмме, и она погасла. Все равно против Лары она была бы бесполезна.

– Мы ведь договорились, – напомнил я. Голос мой звучал хрипло, но уверенно, хотя я не прилагал к этому никаких усилий. – Не заставляйте меня уничтожить еще и вас.

Она застыла. Растерянность мешалась на ее лице со страхом; без высоких каблуков она разом сделалась ниже. Она вздрогнула, сцепила руки на животе и на мгновение зажмурилась. Свечение ее кожи померкло, черты сделались менее фантастическими, более земными, но от этого не менее прекрасными. Когда она снова открыла глаза, они выглядели уже почти человеческими.

– Моя семья, – произнесла она. – Мне нужно увезти их отсюда. Перемирие сохраняется. Вы мне поможете?

Я опустил взгляд на парализованную болью Инари. Томас не шевелился. Возможно, он уже умер.

Лара глубоко вздохнула.

– Мистер Дрезден, – сказала она, – мне одной не защитить их. Мне необходима ваша помощь, чтобы доставить их в безопасное место. Прошу вас.

Должно быть, последние слова дались ей нелегко. И все же я сдерживал рефлексивное желание помочь ей. «Идея капитально неудачная, Гарри», – предостерег я себя. В общем, я как мог отодвинул свою врожденную галантность в сторону и хмуро глянул на Лару.

Она смотрела на меня, гордо подняв голову. Раны ее производили впечатление серьезных, – должно быть, они причиняли ей сильную боль, но лицо ее оставалось бесстрастным, за исключением короткого мгновения, когда она покосилась на Инари с Томасом и глаза ее предательски заблестели. Слезы стекали по ее щекам, но она не позволила себе

даже сморгнуть их.

– Черт, – выпалил я, раздражаясь на самого себя. – Пойду подгоню машину.

Глава 18

Я подумал было, не переговорить ли мне с Артуро до отъезда, но решил не делать этого. Томас с Инари были ранены, так что чем скорее им оказали бы медицинскую помощь, тем лучше. К тому же не стоило забывать, что Одноухому удалось-таки, похоже, унести свою истлевшую задницу. Если у него имелся какой-нибудь способ потусторонней связи с мамочкой Маврой – или просто мобильник, – она вполне могла уже находиться на подходе с подкреплениями.

По вампирским меркам Одноухий был, можно сказать, новичок, а двое его спутников – так и вовсе младенцы, но и с ними мы вчетвером едва справились. Мавра же играла совсем в другой лиге. Она обладала многовековым опытом убийцы, да и тот факт, что Черную Коллегию уничтожили почти полностью, не добавлял оптимизма: из этого следовало, что выжили только самые ловкие, сильные и смертоносные. Одноухий уже оказался достаточно опасным соперником; если Мавра застигнет нас вне укрытия, от нас рожки да ножки останутся, и это в лучшем случае.

Поэтому я бегом бросился к «Голубому жучку», припаркованному на стоянке у здания, которое арендовал Артуро. Бежать было недалеко: всего пару домов от того места, где лежали Томас и Инари. Я скользнул в здание. Меня заметили только два-три человека, и я не обратил на них внима-

ния, когда нырнул в студию и схватил свой рюкзак, плащ и спящего щенка. Потом порылся в карманах плаща в поисках ключей от машины и рванул обратно.

«Жучок» чихнул, завелся, и я погнал его со всей скоростью, на которую способен его раздолбанный движок. Луч единственной фары высветил Лару, тащившую на спине неподвижное тело Томаса. Короткий халатик она сняла, соорудив из него перевязь для Инари, которая, спотыкаясь, брела за старшей сестрой.

Я распахнул правую дверцу и помог ей уложить Томаса назад в салон. Мгновение Лара вглядывалась в убранство интерьера. Мне показалось, она не пришла в восторг от его ободранного состояния.

– Здесь же нет заднего дивана, – заявила она.

– Поэтому там и постелено одеяло, – возразил я. – Залезайте. Как он?

– Жив... пока, – ответила Лара. – Он дышит, но исчерпал все резервы. Ему необходимо их пополнить.

Я пристально посмотрел на нее:

– Вы хотите сказать, ему необходимо покормиться... кем-то?

Взгляд ее скользнул в сторону Инари, но бедная девочка едва удерживалась, чтобы не упасть в обморок от боли, так что вряд ли услышала бы даже старт космического челнока. Все же Лара на всякий случай понизила голос:

– Да. Очень.

– Адские погремушки! – только и сказал я.

Придержав дверцу для Инари, я помог ей сесть и пристегнул ремнем. Потом положил её на колени щенка. Она прижала его к себе здоровой рукой и всхлипнула.

Я втопил педаль газа и погнал «жучок» во весь опор прочь от промзоны. Только отъехав на некоторое расстояние, я немного расслабился. Тем не менее я то и дело косился в зеркало заднего вида, но никаких признаков погони не заметил. На всякий случай я немного покрутил по улицам, запутывая след, и лишь после этого вновь обрел дар речи.

– Я отвезу вас к себе, – сказал я Ларе.

– Неужели вы считаете подвал древнего дома надежным убежищем?

– Откуда вы знаете, где я живу? – удивился я.

– Читала отчет службы безопасности нашей Коллегии, – отозвалась она, равнодушно махнув рукой.

Надо признаться, одно то, что кто-то обследовал мою долбаную квартиру на предмет опасности или безопасности, уже пугало весьма неслабо. Но я не собирался показывать ей это.

– Меня она вполне защищает, причем не первый год. Как только мы окажемся внутри, я задействую все системы защиты. Конечно, мы не сможем высунуться оттуда, зато будем до утра в полной безопасности.

– Как хотите. Только Томас, если не покормится, не проживет и часа.

Я чертыхнулся.

– И не забывайте, Дрезден, Мавре прекрасно известно, где вы живете. И наверняка она уже послала кого-нибудь из своих дожидаться вас там.

– М-да, – согласился я. – Куда нам тогда ехать?

– В наш дом.

– Вы что, все живете в Чикаго?

– Нет, конечно, – устало вздохнула Лара. – У нас есть дома в нескольких городах по всему миру. Последние два-три года Томас – в промежутках между отдыхом на курортах – живет то здесь, то там. Жюстина, кстати, ждет его дома.

– Инари потребуется врач.

– Врач у меня есть, – сказала Лара. И добавила, подумав: – В услужении.

Мгновение я смотрел на нее в зеркало заднего вида – надо сказать, в зеркале она отражалась нормально, как все остальное, – потом пожал плечами:

– Куда ехать?

– На север вдоль берега, – сказала она. – Извините, названий улиц не помню. На следующем светофоре направо.

Так она диктовала направление, я следовал ее указаниям, и чем дальше, тем меньше мне все это нравилось. У нас ушло больше получаса на то, чтобы добраться до одного из элитных поселков, которые неизбежно вырастают около любой более или менее обширной водной поверхности. По роду расследований мне несколько раз приходилось бывать в подобных местах, и тот, куда направила меня Лара, по мень-

шей мере не уступал им в престижности.

Дом, у которого мы наконец затормозили, отличался обилием пристроек, количеством этажей и даже парой декоративных замковых башенок. Владельцу он наверняка обошелся в восьмизначную цифру и более всего напоминал резиденцию злодея из фильма про Джеймса Бонда. Участок вокруг дома порос ельничком, превращенным заботливыми руками в этакий сказочный лес с аккуратно подстриженными зелеными пригорочками и увитыми плющом деревьями. Тут и там светлели небольшие водоемы, вокруг каждого сотикалось маленькое облачко тумана.

Дорога от ворот протянулась через этот маленький Шервудский лес на добрых полмили, и чем дальше мы углублялись в него, тем менее уютно я себя чувствовал. Если бы кто-нибудь решил разделаться со мной, это случилось бы слишком далеко от шоссе, чтобы бежать туда за помощью. И звать тоже бесполезно. Я машинально встряхнул рукой, и браслет из маленьких серебряных щитов отозвался на это движение успокоительным звоном, готовый выстроить защитное поле по первой моей команде.

Я поймал на себе взгляд светло-серых Лариных глаз из зеркала заднего вида.

– Ты, Дрезден, равно как и мой брат, можешь не опасаться меня сегодня ночью. Я держу свое слово, так что наш уговор остается в силе, тем более что ты гость в моем доме. И я клянусь тебе в этом.

Я нахмурился и отвел глаза: встречаться с ней взглядом не стоило даже в зеркале. Впрочем, в этом не было нужды. Что-то такое прозвучало в ее голосе, и я узнал это. Назовем это ноткой истины.

Единственное, наверное, преимущество общения со сверхъестественными неприятелями заключается в том, что законы чести Старого Света соблюдаются ими до сих пор. Высказанная вслух клятва, да и законы гостеприимства в этих кругах сдерживают сильнее физических действий. То, что предложила мне Лара, означало: она не только не будет пытаться причинить мне зло, но и считает своей обязанностью защитить меня, если это попробует сделать кто-то другой. И в случае если она потерпит неудачу, это будет стоить ей потери лица, как только известие об этом просочится наружу.

Однако же, судя по тому, что мне удалось услышать, в доме Рейтов Лара не единственная отдавала распоряжения. Если кому-нибудь еще из ее славной родни – папаше Рейту, например, – покажется, что ему удастся повернуть все втихую, он запросто может лишить меня старомодной привычки оставаться живым. Риск был совершенно реальным, а рисковать мне не хотелось.

Помнится, в прошлый раз, когда вампир обещал мне законы гостеприимства, хозяйка дома Бьянка отравила меня, почти убила, вынудила меня развязать войну – в результате чего мне по стечению обстоятельств пришлось заниматься

этим бредовым расследованием для фэйри – и в довершение всего попыталась скормить своему последнему «новобранцу», моей бывшей возлюбленной Сьюзен. Самое обидное, что у меня не имелось ровным счетом никаких оснований полагать, что Лара не способна на подобное.

Еще обиднее было то, что выбора у меня тоже особенного не имелось. Я не имел ни малейшего представления, как помочь Томасу, а единственным местом, где я мог бы спокойно отсидеться до утра, оставалась моя берлога. Конечно, я мог еще повернуться и удрать, но пережил бы это Томас? Все, на что мне оставалось полагаться, – так это на интуицию, которая уверяла меня, что Лара будет следовать духу и букве уговора. Ясное дело, не пройдет и двух секунд с момента окончания оговоренного срока, как она довершит начатое, но до тех пор все должно быть в порядке.

Конечно, негромкий параноидальный голос в глубине сознания напоминал мне, что расслабляться не стоит. Если что и делало Белых вампиров такими опасными, так это их схожесть со смертными людьми. В случае, скажем, с Бьянкой мне и в голову не пришло бы искать в ней положительные черты. Я знал, что за монстр таится под привлекательной оболочкой, так что держался начеку с первого же мгновения.

Не могу сказать, чтобы я видел от Лары больше подлянки, чем от Томаса за все время нашего с ним общения. Однако не требовалось сложных вычислений, чтобы понять: они вылеплены из одного материала. Преимущественно из лжи.

Ложь на лжи сидит и ложью погоняет. Поневоле приходилось вести себя как параноик, впрочем в данном случае я бы назвал это синонимом осмотрительности. Я просто не мог позволить себе доверять Ларе, если не хотел новой серии забавного фарса про Гарри-Который-Едва-Не-Погиб-Из-За-Своей-Дурацкой-Галантности.

Я пообещал себе, что при первой же возможности буду рвать когти из этого милого местечка – пусть мне для этого придется пробиваться через стену. Жечь сначала, разбираться потом. Возможно, это окажется не самое изящное бегство, но я почему-то не сомневался, что состояния Рейтов как-нибудь хватит на небольшой ремонт. Интересно, кстати, испытывают ли вампиры сложности с получением страховки?

Очередной плавный поворот дороги – и я остановил «Голубой жучок» перед Шато-Рейт. Мотор закашлялся, чихнул и смолк, не дожидаясь, пока я выключу зажигание. У самой дороги стояли две зловещего вида каменные горгульи фута четыре в высоту каждая, а дальше дорожка из белоснежного гравия вела через ухоженный розарий.

Розовые кусты были старые; отдельные побеги толщиной не уступали моему большому пальцу. Они оплели весь сад, укрыв землю пружинящим ковром, взбираясь на потрескавшийся камень горгулий. Все это подсвечивалось приглушенными синими и зелеными огнями, отчего цветы на кустах казались черными. Там и тут сквозь густую листву виднелись внушительного размера шипы. В воздухе стоял легкий,

дразнящий аромат.

– Помогите Инари, – сказала Лара. – Я понесу Томаса.

– С учетом того, что это вы стреляли в него, – возразил я, – давайте-ка я возьму его. А *вы* займитесь Инари.

Она слегка сжала губы, но кивнула:

– Как хотите.

Что ж, сам попросился.

Лара наклонилась, чтобы вытащить Инари из машины, но, прежде чем она успела коснуться девушки, колчеухий щен проснулся и яростно затавкал на Лару. Лара отдернула руку, испуганно нахмутив брови:

– Что это с вашим животным?

Я вздохнул, накинул свой кожаный плащ и, выйдя из машины, обогнул ее и остановился у пассажирской дверцы.

– Я задолбался уже повторять всем и каждому, что это не мой пес. – Я нагнулся, взял маленького психопата за шкурку и сунул в карман. Он побарахтался там секунду-другую, потом ухитрился-таки высунуть голову и продолжал рычать на Лару. – Вот. Теперь он вас не тронет.

Лара смерила меня холодным взглядом и поставила Инари на ноги. Потом помогла мне как можно осторожнее достать из машины Томаса. Он был вялым и холодным, и глаза его снова сделались совершенно белыми, но я слышал его затрудненное дыхание. Я плохо представлял себе характер его ранений, поэтому не рискнул тащить его на спине, а вместо этого просунул руку ему под лопатки, другой подхватил

под коленки и поднял, как ребенка. Он оказался тяжелый. Плечи свело болью, в глазах потемнело.

На секунду у меня закружилась голова, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы в голове прояснилось. Меньше всего теперь я мог позволить себе выказать слабость.

Следом за Ларой и Инари я побрел к крыльцу. Лара нажала на кнопку рядом с дверью и произнесла: «Лара Рейт». Последовал металлический щелчок, дверь медленно отворилась внутрь.

В это мгновение по нам скользнул свет фар еще одной машины. Большой белый лимузин свернул к дому и остановился за моим «жучком», и почти сразу же за ним мягко затормозил белый седан.

Водителем лимузина оказалась женщина шести футов ростом, в сером, судя по всему, форменном костюме. Следом за ней отворил правую переднюю дверцу и вышел высокий, крепкого сложения мужчина в сером же шелковом костюме. Выпрямившись, он одернул пиджак, но я успел заметить ремень от наплечной кобуры. Взгляд его скользнул по кругу, фиксируя все: наши фигуры у двери, дорогу, газоны, деревья, крышу дома... Выискивал возможные точки обстрела. Телохранитель.

Из белого седана одновременно вышли еще двое, тоже мужчина и женщина. Поначалу мне показалось, что это те же люди. Я моргнул. Мужчина вообще не отличался от первого,

но костюм у женщины больше походил на костюм ее спутника. Тут до меня дошло: две пары близнецов. И все производили впечатление хорошо вышколенных, опасных профессионалов. Двигаясь бесшумно, слаженно, они окружили лимузин, как наверняка проделывали это уже миллион раз.

Потом первая женщина отворила дверцу салона.

Воздух вдруг сделался холоднее, словно Всевышний там, на небесах, включил кондиционирование. Из машины выскользнул мужчина. Ростом примерно шесть футов, темно-волосый, светлокожий. Одет он был в белый льняной костюм, из-под которого виднелась серебристая шелковая рубашка, и в итальянские кожаные ботинки. На мочке левого уха алел какой-то самоцвет, хотя длинные прямые волосы скрывали его до тех пор, пока порыв ветра не отвел их на мгновение в сторону. Еще его отличали длинные, лопатообразные какие-то пальцы, широкие плечи, взгляд сонного ягуара... надо признать, выглядел он еще шикарнее Томаса.

Стоявшая рядом со мной Лара неуютно поежилась.

– Ох черт, только не это, – донесся до меня ее шепот.

Приехавший не спеша направился прямо к нам. Двойняшки пристроились по сторонам и позади него; я никак не мог отделаться от мысли, что они игрушечные: два одинаковых набора Барби-телохранительницы и Кена-телохранителя. Бледнокожий мужчина задержался у одной из горгулий, чтобы сорвать розу, потом двинулся дальше, еще медленнее, целиком поглощенный обрыванием с ветки лишних листьев

и шипов.

Не доходя до нас футов четырех, он остановился и оторвал взгляд от розы.

– А, Лара, дорогая, – промурлыкал он. Голос у него был глубокий, негромкий и мягкий, как разогретый мед. – Надо же, какой приятный сюрприз – застать тебя здесь!

Ларино лицо застыло в нейтральной маске, скрывая тревогу, которую я ощущал по едва заметному напряжению ее тела. Она склонила голову в вежливом поклоне, опустив глаза на гравий дорожки.

Мужчина улыбнулся. Взгляд его – отрешенный, нечеловеческий – скользнул по нам, остальным.

– У тебя все в порядке?

– Да, милорд.

Губы его поджались чуть обиженно.

– У нас же не официальное мероприятие, малышка. Я по тебе соскучился.

Лара вздохнула. На мгновение она встретилась со мной взглядом, словно предостерегая от необдуманных действий. Потом повернулась и, шагнув к мужчине, поцеловала его в щеку. Так и не поднимая взгляда, она прошептала:

– И я по тебе, папа.

Ох черт.

Глава 19

Лорд Рейт внимательно осмотрел Лару с ног до головы:

– Надо сказать... наряд у тебя немного непривычный.

– Вечер выдался хлопотный.

Рейт кивнул и, подойдя к Инари, легко коснулся ее плеча и устался на руку на перевязи:

– Что с тобой случилось, дочь моя?

Инари подняла на него мутный от боли и усталости взгляд:

– На нас напали. Целая шайка... вроде того. Это ведь неспроста, нет?

Рейт не колебался с ответом и доли секунды:

– Конечно нет, любовь моя. – Он уперся взглядом в Лару. – Как ты допустила, чтобы такое случилось с твоей младшей сестрой?

– Простите, отец, – произнесла Лара.

Рейт махнул рукой:

– Ей необходима медицинская помощь, Лара. Полагаю, больницы оказывают услуги такого рода.

– Брюс здесь, – сказала Лара. – Уверена, он обо всем позаботится.

– Что еще за Брюс?

Я ожидал услышать в ее голосе раздражение, но этого не случилось.

– Доктор.

– Тот, что приехал с тобой из Калифорнии? Какое совпадение.

Терпение мое иссякло.

– Эй, ребята! Поговорили, и хватит. Девочка еле на ногах держится. Томас умирает. Так что будьте добры, заткнитесь оба и помогите им.

Рейт повернул голову и пронзил меня взглядом. Голос его сделался достаточно холодным, чтобы измеряться по шкале Кельвина:

– Я не привык подчиняться приказам.

Я скрипнул зубами.

– Заткнитесь, вы оба, – повторил я, – и помогите им. Пожалуйста.

И кто-то еще говорит, что я лишен дипломатического такта.

Рейт раздраженно махнул рукой своей команде. Телохранители Кены и Барби с достойной восхищения синхронностью выхватили пистолеты и изготовились к стрельбе.

– Нет! – произнесла Лара. Она сделала шаг и остановилась перед нами с Томасом. – Вы не можете!

– Не можем? – удивился Рейт.

Голос его звучал угрожающе безмятежно.

– Они могут попасть в Томаса.

– Я не сомневаюсь в их меткости. Они в него не попадут, – заявил Рейт тоном, оставляющим мало сомнений в том, что он не будет мучиться бессонницей, если и попадут.

– Я его пригласила, – сказала Лара.

Мгновение Рейт молча смотрел на нее. Потом все тем же мягким, вкрадчивым голосом спросил:

– Зачем?

– Затем, что мы договорились о перемирии на двадцать четыре часа, – ответила Лара. – Он нам помог. Без его помощи все мы могли погибнуть.

Рейт склонил голову набок. Томительно долгое мгновение он смотрел на меня, потом улыбнулся. По части улыбок он, на мой взгляд, недотягивал до Томаса. В Томасовой ухмылке было столько жизни, что она казалась почти чувственной. Улыбка лорда Рейта наводила на мысли об акулах и черепах.

– Полагаю, с моей стороны было бы невежливо игнорировать долг моей семьи по отношению к вам, молодой человек. Я с уважением отнесусь к вашему уговору с моей дочерью, к ее приглашению и традициям гостеприимства. Благодарю вас за оказанную помощь.

– Тем не менее, – кивнул я. – Пожалуйста, заткнитесь оба и помогите же им! Трижды «пожалуйста»! С сахаром.

– Подобная цельность устремлений не может не вызвать восхищения. – Рейт махнул рукой, хотя взгляд его теплее не сделался.

Кены-Барби убрали пушки. Одна парочка подошла к Инари и, поддерживая ее под руки, увела в дом.

– Лара, – сказал Рейт, – если считаешь нужным, проводи врача в ее покои. Если, конечно, у него в голове осталось

хоть что-нибудь, чтобы лечить ее.

Она снова склонила голову; что-то подсказало мне, что она делает это против воли.

– Я жду вас с Томасом у себя на рассвете, тогда и обсудим то, что случилось. Да, кстати, о вас, чародей Дрезден...

Король Белой Коллегии узнал меня по внешности. Круче и круче...

– Лара покажет вам, как пройти в комнаты Томаса, – продолжал Рейт. – Его девушка, кажется, уже там.

Лорд Рейт повернулся и в сопровождении второй пары Кена-Барби скрылся в доме.

На мой взгляд, эта парочка вполне могла бы нести Томаса, но я решил вести себя как положено большим мальчишкам – как-нибудь справлюсь и сам. Мы двинулись в дом.

– Славный парень, – заметил я Ларе. Говорить, правда, было трудновато: дышалки немного не хватало. – А я еще опасался встречи с ним.

– Ну... да, – пробормотала Лара. – Он действительно был очень мил.

– Не считая глаз, – добавил я.

Она снова покосилась на меня с чем-то вроде одобрения:

– Вы заметили.

– Еще как.

Она кивнула:

– Тогда, пожалуйста, поверьте мне, когда я скажу, что в маскировке мы, по крайней мере, сильны. Мой отец невзлю-

бил вас. Подозреваю, он мечтает убить вас.

– Вот это я заметил в избытке.

Она улыбнулась мне, и меня захлестнул новый приступ желаний – возможно, порожденный не только ее обычными чарами. Она была умна, упорна и весьма отважна. Такие вещи я уважаю. К тому же она скользила передо мной в одном черном кружевном белье. Даже притом, что тело ее было изрядно заляпано кровью, на обозрение его оставалось с лихвой.

Мы поднялись по пологой изогнутой лестнице и прошли по длинному коридору. Я пытался запоминать дорогу на случай, если придется покидать это место в спешке. В глазах у меня вдруг потемнело, а назойливый звон в ушах усилился. Я сделал глубокий вдох и привалился к стене.

– Дайте-ка, – сказала Лара.

Она повернулась ко мне и забрала Томаса. То ли она была просто сильнее меня, то ли привыкла носить тяжести, но подняла она его без труда.

Я с облегчением повел плечами:

– Спасибо. Как он?

– Пули его убить не должны, – ответила она. – Он уже умер бы. А вот Голод – возможно.

Я вопросительно изогнул бровь.

– Голод, – повторила она. – Наша потребность в питании. Ангел нашего темного естества. На него мы полагаемся, когда нам нужны дополнительные силы, но это как огонь –

ослабь контроль, и он обернется против тебя. Сейчас Томас так голоден, что не способен рассуждать. Не способен шевелиться. Как только он насытится, с ним все будет в порядке.

Я ощутил зуд где-то между лопатками и оглянулся:

– За нами идет водитель вашего папаша.

Лара кивнула:

– Она вынесет тело.

Я моргнул:

– Мне казалось, вы сказали, с ним все будет в порядке.

– С ним – в порядке, – отозвалась Лара подчеркнуто нейтральным тоном. – С Жюстиной – нет.

– Что-о-о?!

– Он слишком голоден, – пояснила Лара. – Он не сможет себя контролировать.

– К дьяволу! – возмутился я. – Этого не должно случиться.

– Тогда он умрет, – устало сказала Лара. – Пришли. Вот его дверь.

Она остановилась, и я на автопилоте – чтоб их, мои рефлексы! – открыл ей дверь. Мы вошли в довольно просторное помещение, в центре которого пол понижался на несколько ступенек. Ноги утопали в мягком алом ковре, повсюду были набросаны подушки, посередине углубления стояла дымящаяся курильница. В воздухе висел тяжелый аромат благовоний. Из невидимых глазу колонок лилась негромкая джазовая мелодия.

Занавеска в дальнем конце комнаты отдернулась, и из-за нее – судя по всему, из расположенной за ней комнаты – вышла девушка. Свои длинные, до плеч, темные волосы Жюстина украсила модными искусственными прядями – синими и фиолетовыми. На ней был белый халат, явно с чужого плеча, настолько она в нем утопала; судя по слегка помятому виду, она только что проснулась. Девушка сонно моргнула, потом ахнула и бросилась к нам:

– Боже мой! Томас!

Я оглянулся через плечо. Барби-шофер стояла за дверью, негромко говоря что-то в сотовый телефон.

Лара отнесла Томаса к курильнице и осторожно уложила на подушки; Жюстина, не отставая, шла рядом.

– Гарри... – спросила она у меня срывающимся от волнения голосом. – Гарри? Что с ним?

Лара покосилась на меня:

– Пойду проверю, все ли сделали для Инари. С вашего позволения...

Будь на то моя воля, я бы не позволил, но она все равно вышла.

Жюстина подняла на меня взгляд, ее лицо выдавало страх и замешательство.

– Я не понимаю...

– Лара стреляла в него, – негромко пояснил я. – А потом на нас напали несколько горилл из Черной Коллегии.

– Лара?

– Непохоже, чтобы это доставило ей удовольствие, но все же она всадила в него пару пуль. Лара говорит, он истратил на эту драку все свои резервы и умрет, если не получит питания.

Взгляд Жюстины метнулся к двери. Она увидела стоявшую за ней Барби и побледнела.

– О... – прошептала она, и глаза ее набухли слезами. – О нет, – повторила она. – Бедный мой Томас.

Я шагнул вперед:

– Вам ведь не обязательно делать это.

– Но тогда он умрет.

– А вы думаете, ему хотелось бы, чтобы вместо него умерли вы?

Губы ее дрогнули, и она на мгновение зажмурилась:

– Не знаю. Я его видела. Я знаю, часть его хотела бы этого.

– Но ведь есть и другая часть, которая не хочет, – возразил я. – Которой хотелось бы, чтобы вы оставались живой и счастливой.

Она опустилась рядом с Томасом на колени и заглянула ему в лицо. Потом коснулась его щеки пальцами, и он пошевелился – в первый раз со времени потасовки с Одноухим. Он повернул голову и осторожно поцеловал ей руку.

Девушка поежилась:

– Может, он заберет не слишком много. Он ведь так старается сдерживаться. Не причинять мне вреда. Может, он остановится вовремя...

– Вы-то сами в это верите?

Она помолчала, прежде чем ответить.

– Это не имеет значения, – сказала она наконец. – Не могу же я просто стоять и смотреть, как он умирает, если я в состоянии помочь.

– Почему нет?

Она посмотрела на меня в упор; вся ее неуверенность куда-то исчезла.

– Я люблю его.

– Вы к нему пристрастились, – поправил я.

– И это тоже, – согласилась она. – Но это ничего не меняет.

Я люблю его.

– Даже если это убьет вас? – спросил я.

Она низко склонила голову, осторожно глядя Томаса по щеке:

– Конечно.

Я попытался было удержать ее, и тут последние крупинки энергии из серебряного пояса иссякли. Меня начало трясти. Боль от всех ссадин и ушибов прошедшего дня разом навалилась на меня. Усталость придавила плечи рюкзаком, полным свинца. Да и мысли в голове устало притихли.

Я смутно помню, как Жюстина помогла мне встать и наполовину отвела, наполовину протащила за занавеску, в пышно обставленную спальню, и как уложила меня на кровать.

– Вы ведь передадите ему, что я говорила, да? – Она плакала, но улыбалась сквозь слезы. – Передадите ему мои сло-

ва? Что я люблю его?

Комната шла кругом, но я кивнул, обещая.

Она поцеловала меня в лоб и грустно улыбнулась:

– Спасибо, Гарри. Вы всегда нам помогали.

Странное что-то творилось с моим зрением: словно я смотрел на все сквозь длинный серый туннель. Я сделал попытку встать, но мне удалось лишь повернуть голову, и то с трудом.

Все, что мне осталось, – это смотреть, как Жюстина сбрасывает халат и выходит из комнаты – туда, к Томасу.

К своей смерти.

Глава 20

Бывает, ты просыпаешься, а какой-то негромкий голос, звучащий в голове, уверяет тебя в том, что день сегодня совсем особенный. У большинства детей такое случается: иногда на день рождения и почти всегда в утро сочельника. Я до сих пор помню одно такое – Рождество: я был тогда совсем маленький, и отец был жив. Еще раз я ощутил что-то подобное лет восемь или девять спустя, в то утро, когда Джастин Дю Морне приехал забрать меня из детского дома. И еще раз – утром того дня, когда Джастин привез из другого детского дома Элейн.

Вот и теперь этот внутренний голос требовал, чтобы я проснулся. Кричал, что день сегодня особенный.

Псих он, этот мой внутренний голос.

Я открыл глаза и обнаружил, что лежу на кровати размером с небольшой авианосец. Сквозь шторы в помещение пробивалось немного света, но недостаточно, чтобы разглядеть что-либо, помимо неясных силуэтов. Тело болело от полутора десятков ушибов и ссадин. Горло сводило от жажды, а желудок – от голода. Одежда моя вся была заляпана кровью, если не чем-нибудь похуже, лицо поросло щетиной, волосы свалились почти до состояния модной афропрически, и мне даже представлять не хотелось, что подумают об исходящей от меня вони те, кто может войти в любой момент. В

общем, мне не мешало бы принять душ.

Я тихонько выскользнул в первую комнату – ту, с понижением и подушками. Труп я нигде не увидел, впрочем для этого за нами и послали Барби-шофера. Судя по темно-синему небу за ближним окном, до рассвета оставалось еще немного времени – значит, я отключался всего на несколько часов. Самое время сесть в машину и отчалить.

Я нажал на дверную ручку – дверь оказалась заперта. Я покрутил, потолкал, подергал еще, – похоже, помимо пары замков, ее заперли снаружи еще и на задвижку. Отпереть ее изнутри не имелось никакой возможности.

– Отлично. Что ж, тогда будем действовать, как Халк.

Я отошел от двери на несколько шагов, повернулся к ближней, по моему представлению, от выхода из дома стене и принялся концентрировать волю. Я не спешил, стараясь делать все обстоятельно, чтобы по возможности контролировать поток энергии.

– Мистер Мак-Джи, – пробормотал я, обращаясь к стене. – Настоятельно не советую вам злить меня. Вам вряд ли понравится, если я разозлюсь.

Я совсем уже собрался было дунуть, двинуть и разнести стену к чертовой матери, когда залязгали замки и задвижки и дверь отворилась. Вошел Томас – выглядел он так же, как всегда, только одежду сменил на армейские брюки и белую хлопчатобумажную водолазку, поверх которой накинул длинный кожаный плащ; в руке он держал спортивную сум-

ку. Увидев меня, Томас застыл. На лице у него отобразилось нечто, чего, я полагал, не увижу на нем никогда: стыд. Он опустил глаза, избегая моего взгляда.

– Гарри, – негромко произнес он, – извините за дверь. Я хотел, чтобы вам никто не мешал, пока вы сами не проснетесь.

Я промолчал. Перед моими глазами стоял образ Жюстины – такой, какой я видел ее в последний раз. А потом меня захлестнул гнев – самый простой, примитивный гнев.

– Я тут принес вам одеться... полотенце всяких. – Томас опустил сумку на пол у моих ног. – Там, налево по коридору, вторая дверь – гостевая комната. Душ и все такое.

– Как Жюстина? – спросил я.

Голос мой прозвучал жестко, чуть хрипло.

Он стоял молча, не поднимая взгляда. Руки мои сами собой сжались в кулаки. До меня вдруг дошло, что я вот-вот брошусь на Томаса с голыми руками.

– Так я и знал, – сказал я и шагнул мимо него к двери. – Ладно, помоюсь дома.

– Гарри.

Я остановился. Голос его выдавал душевное волнение, но звучал странно: словно горло Томаса заполняла какая-то горькая дрянь.

– Я хочу, чтобы вы знали. Жюстина... Я пытался остановиться вовремя. Я не хотел ей зла. Никогда.

– Угу, – буркнул я. – Вы хотели как лучше. Это все меняет.

Он прижал руки к животу, словно его тошнило, и низко опустил голову. Волосы упали ему на лицо.

– Я никогда не скрывал, что я... что я хищник. Я, Гарри, никогда не притворялся, будто она значит для меня более того, чем была на самом деле. Пищей. Вы сами знаете. И она знала. Я никому не лгал.

У меня на языке вертелось множество резких реплик, но я сдержался.

– Прежде чем Жюстина пошла к вам сегодня ночью, она просила передать, что любит вас.

Наверное, если бы я резанул его бензопилой, это не причинило бы ему боль сильнее, чем мои слова. Взгляда он на меня так и не поднял, но вздрогнул, как от удара, и задышал часто-часто.

– Погодите, не уходите. Мне надо поговорить с вами. Пожалуйста. Произошло такое...

Я шагнул к двери. Наверное, все до единой крупинцы язвительной горечи, что еще оставались во мне, я вложил в свои слова:

– Запишитесь на прием у меня в офисе.

Он сделал шаг мне вдогонку:

– Дрезден, Мавре известно про этот дом. Ради вашей же безопасности дождитесь хотя бы рассвета.

А ведь он говорил дело. Черт возьми! Рассвет загонит Черных в их убежища, а если у них и есть подручные из смертных, с этим я как-нибудь справлюсь. Артуро наверня-

ка еще не проснулся, а Мёрфи только-только одевается и собирается в спортзал. Боб вернется в последний момент, так что для разговора с ним мне все равно пришлось бы дожидаться рассвета. В общем, в любом случае у меня имелось свободное время.

– Ладно, – буркнул я.

– Вы не против, если я скажу вам несколько вещей?

– Еще как, – сказал я. – Против.

Голос его дрогнул:

– Черт подери, вы что, думаете, я хотел этого?

– Я думаю, вы причиняли боль человеку, который любил вас. Использовали его... ее. И вообще, насколько я понимаю, вы не существуете. Вы выглядите как человек, но на деле вас нет. Мне стоило бы это с самого начала помнить.

– Гарри...

Гнев ослепил меня багровой вспышкой. Я бросил на Томаса такой взгляд через плечо, что он пошатнулся.

– И радуйтесь, Томас, что вас нет, – сказал я. – Вам крупно повезло. Это единственное, что сохраняет вам жизнь.

Я вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Потом распахнул ногой дверь в гостевую комнату, о которой он говорил. А потом и этой дверью хлопнул за собой, пусть это и было чистым ребячеством. Только оказавшись в душе, я сделал глубокий вдох, заставив себя успокоиться, и пустил воду.

Горячая вода. Райское наслаждение. Нет слов, способных описать удовольствие от горячего душа после нескольких лет

жизни без нагревателя. Некоторое время я просто отмокал, потом нашел на полке мыло, шампунь, крем для бритья и бритву. Воспользовавшись ими, я почувствовал себя заметно лучше. Я даже решил, что стоит мне выпить немного кофе, и я буду почти в порядке.

Еще я решил, что если лорд Рейт может позволить себе такой здоровенный дом, то на горячей воде как-нибудь не рзорится, поэтому проторчал под душем почти полчаса. Когда я наконец вылез, зеркало в ванной совершенно запотело, а пар стоял такой густой, что впору было задохнуться. Я наскоро вытерся полотенцем, обернул его вокруг бедер и вернулся в гостевую комнату. Здесь дышалось легче, да и свежий воздух сам по себе доставлял наслаждение.

Я растянул Томасову сумку. В ней обнаружили пара синих джинсов более или менее моего размера и пара серых спортивных носков. Потом я достал из нее то, что поначалу принял за тент от небольшого шапито, но что на поверку оказалось огромной гавайкой с сине-оранжевым растительным узором.

Я продолжал с сомнением коситься на нее, натягивая джинсы. Они пришлись очень даже впору. Чистого белья Томас в сумку не положил – может, и к лучшему. Лучше я похожу дикарем, чем надену трусы, вполне возможно пережившие прошлого владельца. Вот только молнию пришлось застегивать с повышенной осторожностью. На дверце ближайшего шкафа обнаружилось зеркало, и я подошел к нему при-

чесаться: надеть рубашку у меня пока не хватало храбрости.

Из зеркала на меня глянуло отражение Инари. Она стояла у меня за спиной, широко раскрыв глаза. Сердце мое подпрыгнуло, чтобы застрять комом в горле, но вместо этого продырявило мне мозг и вылетело из затылка в потолок.

– Ох черт! – только и пробормотал я.

Я повернулся к ней. На ней была славная такая ночная рубашонка – розовенькая, вся в желтых Винни Пухах. Девицам помоложе или пониже ростом она доходила бы почти до колен, но у нее только-только срам прикрывала. Правая рука пряталась в черном гипсе – аж по локоть; левую руку она прижимала к себе, держа колчеху щенка. Он имел весьма недовольный вид и вел себя беспокойно.

– Привет, – сказала Инари; голос ее звучал мягко-мягко, смотрела она отстраненно и рассеянно.

Где-то в голове у меня затренькал звоночек пожарной тревоги.

– Ваш щенок ночью вылез из комнаты, и папа попросил, чтобы я отловила его и вернула вам.

– Э... – ответил я. – Мм... спасибо. Да вы не ждите меня. Просто положите его на кровать.

Вместо этого она продолжала смотреть на меня – точнее, на мой торс.

– У вас мускулы сильнее, чем мне казалось, – сказала она. – И шрамы.

Взгляд ее на мгновение перешел на щенка. Когда она сно-

ва подняла на меня глаза, зрачки ее сделались светло-серыми, а еще через пару секунд приобрели металлический оттенок.

– Я пришла сказать вам спасибо. Вы ведь спасли мне жизнь сегодня ночью.

– Всегда пожалуйста, – отозвался я. – Щенка на кровать, будьте добры.

Она скользнула вперед и опустила песика на кровать. Он выглядел усталым, но начал негромко предостерегающе рычать, не сводя глаз с Инари. Оставив щенка, она повернулась и медленно двинулась ко мне:

– Я не понимаю, что в вас такого... Вы потрясающий. Я всю ночь искала возможности поговорить с вами.

Я изо всех сил старался не обращать внимания на ту почти змеиную грацию, с которой она двигалась. Боюсь, если бы я следил за ней внимательнее, то вообще перестал бы замечать что-либо другое.

– Я никогда еще не чувствовала ничего такого, – продолжала Инари, обращаясь скорее к себе самой. Взгляд ее оставался прикован к моему голому торсу. – Ни к кому...

Она придвинулась ко мне достаточно близко для того, чтобы я ощущал аромат ее духов – запах, от которого у меня на мгновение подогнулись колени. Глаза ее сияли нечеловеческим, серебряным блеском, и я вздрогнул – судорога неистового физического желания сдавила мне тело. Не такого, как при первой встрече с Ларой, но не менее сильного.

Как-то слишком живо я представил себе, как валю Инари на кровать и срываю с нее эту славную ночную рубашонку, и мне пришлось крепко зажмуриться, чтобы отогнать этот образ.

Должно быть, я зажмурился чуть дольше, чем мне казалось, поскольку следующее, что я помню, – это как Инари прижалась ко мне. Дрожа, она провела кончиком языка по моей ключице. Я чуть не выпрыгнул из своих взятых напрокат джинсов. Поморгав, я открыл-таки глаза, поднял руку и попытался выразить протест, однако Инари прижалась ртом к моему, а руку мою направила вниз и провела ею по чему-то обнаженному, гладкому и восхитительному. На секунду, наполненную паническим ужасом, какая-то часть меня поняла, что я повел себя недостаточно осмотрительно, позволил себе расслабиться и меня взяли тепленьким. Однако эта часть быстро заткнулась, потому как рот Инари оказался таким... ничего слаще я в жизни не пробовал. Щен продолжал предупреждающе рычать, но я уже не обращал на это ни малейшего внимания.

Мы оба уже изрядно задыхались, когда Инари оторвала опухшие от поцелуев губы от моего рта. Глаза ее сияли теперь ослепительно-чистым белым светом, а кожа переливалась перламутром. Я сделал еще одну попытку произнести хоть пару слов, сказать ей, чтобы она прекратила это... Но слова сами собой застряли у меня в горле. Она оплела мою ногу своей и с какой-то нечеловеческой силой прижалась ко

мне, продолжая лизать и целовать мне шею. Холод начал разбегаться по моему телу – восхитительный, сладкий холод, отнимавший у меня остатки тепла и сил, оставляя одно наслаждение.

А потом случилась престраннейшая, черт подери, штука.

Инари издала панический вопль и отшатнулась от меня. Потом со стоном повалилась на пол. Секунду спустя она подняла голову, глянула на меня – полные смятения глаза ее снова сделались обычного цвета.

Губы ее превратились в один сплошной ожог. Прямо на глазах вокруг них вспухали все новые волдыри.

– Что? – пробормотала она. – Что случилось? Гарри? Что вы здесь делаете?

– Ухожу, – сказал я. Мне все еще не хватало воздуха, словно я не целовался, а, скажем, пробежал стометровку. Я взял с кровати щенка и повернулся к двери. – Мне необходимо выбраться отсюда.

И тут в дверь с диким видом вломился Томас. Он устоялся на Инари, потом перевел взгляд на меня и облегченно выдохнул:

– Слава богу. С вами обоими все в порядке?

– Мой рот... – произнесла Инари. – Это больно. Томас? Что со мной? – Она начала задыхаться. – Что происходит? Эти жуткие твари вчера ночью... и ты раненый был, и у тебя глаза побелели... Томас... я... что?!

Ох. Даже смотреть на нее было больно. Мне приходилось

видеть людей, для которых существование потустороннего мира становилось сильнейшим потрясением, но чтобы это происходило так болезненно... Я имею в виду, боже правый... девчонки родные оказались совсем не теми, кем она их считала. Даже наоборот – они являлись частью этой кошмарной новой реальности и не сделали ничего, чтобы подготовить ее к подобному открытию.

– Инари, – мягко произнес Томас, – тебе нужно отдохнуть. Ты почти не спала, да и руке твоей нужно время, чтобы зажить. Ступай-ка ляг.

– Но как? – Голос ее дрогнул, словно она вот-вот заплачет, но слезы она все-таки сдержала. – Как я могу? Я не знаю, кто вы. Не знаю, кто я. Я никогда ничего такого не чувствовала. Что со мной происходит?

Томас вздохнул и поцеловал ее в лоб:

– Мы с тобой обо всем поговорим. Скоро. Хорошо? Я дам тебе некоторые ответы. Но прежде тебе нужно отдохнуть.

Она прижалась к нему и закрыла глаза:

– Я вся словно пустая, Томас. И рот болит.

Он поднял ее на руки, как маленькую:

– Ш-ш-ш. Мы все вылечим. А пока ты можешь поспать у меня в комнате. Идет?

– Идет, – пробормотала она, закрыла глаза и положила голову ему на плечо.

Все еще влажный после душа, я наконец замерз и созрел для того, чтобы надеть эту жуткую гавайку. Поверх нее я на-

кинул плащ; слава богу, всей этой южной пестроты из-под нее не было видно. Потом я сунул грязную одежду в сумку и вышел в коридор. Томас как раз выходил из своей комнаты и запирали за собой дверь.

Я видел его в профиль. Он переживал за Инари. В этом не было никакого сомнения. И – хотел он это признавать или нет – он переживал и за Жюстину. При мысли о Жюстине я снова испытал приступ холодного, горького гнева – Жюстина как минимум раз рисковала ради него жизнью. И отдала эту жизнь за него сегодня ночью. Гнев был столь сильным, что удивил меня самого. А потом я понял.

Он не хотел этого. Может, Томас и убил женщину, которую любил, но гнев, что я испытывал, не был реакцией на его поступок. На этот раз все происходило без моего прямого участия, но я уже сталкивался с подобной ситуацией, когда Красная Коллегия сломала жизнь Сьюзен. Я не желал Сьюзен зла – ни за что на свете, но факт оставался фактом: если бы она не пошла тогда со мной, возможно, она и теперь жила бы в Чикаго, писала бы статьи в «Волхв». И оставалась бы человеком.

Вот почему я испытывал гнев и горечь, глядя на Томаса: я смотрелся в зеркало, и то, что я там видел, мне не нравилось.

Я и сам почти самоуничтожился после обращения Сьюзен. И насколько я понимал, Томасу сейчас приходилось тяжелее, чем мне. Я, по крайней мере, спас Сьюзен жизнь. Да,

я потерял ее как любимую, и все же она жила – сильная, волевая женщина, исполненная решимости собственными руками строить свою жизнь, пусть и не со мной. Томасу не досталось и этого утешения. На его долю выпало нажать, так сказать, на спусковой крючок, и мысль об этом жестоко терзала его.

Не стоило мне пытаться сделать ему еще больнее. Да и вообще в моем ли положении, сидя в стеклянном доме, швыряться камнями?

– Она понимала, на что идет, – нарушил я тишину. – Она знала, чем рискует. Она хотела помочь вам.

Томас скривил губы в горькой улыбке:

– Угу.

– Это ведь не вы принимали решение, Томас.

– Кроме меня, там никого больше не было. Если не мой зов, то чей тогда?

– Ваш папаша и Лара знали, как важна для вас Жюстина?

Он кивнул.

– Они заманили ее в это, – сказал я. – Они могли поручить вас кому угодно. Но они знали, что Жюстина здесь. Ваш отец дал Ларе особые инструкции отнести вас в вашу комнату. И судя по тому, что Лара говорила по дороге сюда, в машине, она прекрасно знала, что он задумал.

Томас поднял взгляд. Мгновение-другое он смотрел на запертую дверь.

– Ясно, – сказал он. Рука его сжалась в кулак. – Впрочем,

сейчас это вряд ли имеет значение.

Вот тут я возразить ничего не мог:

– То, что я говорил вам... Не берите в голову.

Он покачал головой:

– Нет. Вы были правы.

– Быть правым и быть жестоким – не одно и то же. Я прошу прощения.

Томас пожал плечами, и мы больше не возвращались к этой теме.

– Мне сегодня по разным местам мотаться, – сказал я, сделав пару шагов по коридору. – Хотите поговорить – проводите меня.

– Не туда, – негромко произнес Томас. Мгновение он молча смотрел на меня, потом кивнул, – похоже, напряжение немного отпустило его. – Пошли. Проведу вас в обход мониторов и охраны. Если отец увидит, что вы уходите, он может предпринять еще одну попытку убить вас.

Я повернулся и догнал его. Щенок заскулил, и я почесал его за ушами.

– Какая такая «еще одна попытка»? О чем это вы?

– Инари, – негромко произнес Томас. Взгляд его не выразил ровным счетом ничего. – Он послал ее к вам, как только увидел, что вы вышли из моей комнаты.

– Если он хотел моей смерти, почему сам не пришел и не разделался со мной?

– Это не в обычаях Белой Коллегии, Гарри. Мы привыкли

сбивать с пути, соблазнять, манипулировать. Используя при этом в качестве инструментов других.

– Значит, ваш отец использовал Инари.

Томас кивнул:

– Он хотел, чтобы вы стали у нее первым.

– Э... Первым – кем?

– Первым любовником, – ответил Томас. – Первой жертвой.

Я поперхнулся.

– Мне не показалось, будто она понимала, что делает, – заметил я.

– Она и не понимала. У нас в семье так: мы растем как обычные дети. Как... как люди. Никакого Голода. Никакого такого кормления. Вообще никаких вампирских штук.

– Я этого не знал.

– Об этом вообще мало кто знает. Но рано или поздно это приходит к каждому, а она как раз достигла нужного возраста. Ужас и боль должны послужить катализатором ее Голода.

Он задержался возле ничем не примечательной панели обшивки и толкнул ее бедром. Панель сдвинулась в сторону, открыв проход в полутемный узкий коридор. Он шагнул в проем.

– В общем, все это, и болеутоляющее, и усталость... и то, что она не понимает, что делает...

– Постойте-ка, – перебил я его. – Вы хотите сказать, первая кормежка – смертельна?

– Всегда, – кивнул Томас.

– Получается, она юна и неопытна, так что с учетом обстоятельств ей можно было бы простить потерю контроля над собой. Я бы погиб в результате вполне правдоподобного несчастного случая. А Рейт чист от любых подозрений.

– Угу.

– Если так, кой черт никто не предупредил ее, а, Томас? Кто она такая? Каков мир на самом деле?

– Нам не позволено, – негромко ответил Томас. – Мы обязаны скрывать это от нее. Я тоже не знал об этом, пока не достиг ее возраста.

– Бред какой-то, – сказал я.

Томас пожал плечами:

– Он убил бы нас, если бы мы нарушили правила.

– Что случилось с ее ртом? Я имею в виду... гм... наблюдатель из меня, прямо сказать, и был неважный в тот момент, когда это произошло. Я не очень уверен, правильно ли все разглядел.

Томас нахмурился. Из потайного хода мы вышли в полутемную комнату, что-то среднее между берлогой и библиотекой, набитую книгами, уставленную уютными кожаными креслами и полную аромата трубочного табака.

– Мне не хотелось бы лезть в вашу личную жизнь, – сказал он. – Но кто был последний, с кем вы были?

– Э... вы. На протяжении этой прогулки.

Он закатил глаза:

– Я не в этом смысле. В интимном.

– А... – Не могу сказать, чтобы ответ дался мне легко, но я все же ответил: – Сьюзен.

– Ага, – кивнул Томас. – Тогда ничего удивительного.

– Ничего удивительного – это вы о чем?

Томас остановился. Взгляд у него был затравленный, но он явно прилагал усилия, чтобы сосредоточиться на ответе.

– Послушайте. Когда мы кормимся... наша жизнь сливается с жизнью нашей жертвы. Сплавляется. Мы превращаем часть ее жизни в свою, а потом забираем ее. Ясно?

– Вполне.

– В принципе это не слишком отличается от того, что происходит между людьми, – продолжал он. – Секс не сводится ведь к простым ощущениям. Это союз, соединение энергии двух жизней. Взрывоопасное соединение. Это процесс сотворения *жизни*. Сотворения новой *души*. Поразмыслите над этим хорошенько. Вряд ли можно найти энергию опаснее и капризнее, чем эта.

Я кивнул, хмурясь.

– Так вот, любовь – другая форма энергии... впрочем, этим вас не удивить. В конце концов, магия питается в первую очередь эмоциями. Так что когда два человека соединяются, когда они, забыв себя, любят друг друга, это меняет их обоих. Это остается в энергии жизни каждого из них – даже когда они расстаются.

– И что же?

– А то, что для нас это смертельно. Мы можем внушать страсть, похоть, но это всего лишь жалкая тень любви. Иллюзия. Опасная эта штука – любовь. – Он тряхнул головой. – Не забывайте, дружище, любовь убила динозавров.

– Как-то я был уверен, Томас, что динозавров погубил метеорит.

Он пожал плечами:

– Нынче в научных кругах популярна теория, что падение метеорита привело к вымиранию только крупных видов. Но, кроме них, было ведь полно всяких мелких рептилий – размером плюс-минус с тогдашних млекопитающих. По логике вещей, рептилии должны были бы восстановить свои позиции в животном мире, но этого не случилось, потому что млекопитающие способны испытывать любовь. Они способны на всепоглощающую, даже иррациональную преданность спутнику и потомству. Это помогло им выжить. А ящерицам этого не дано. Падение метеорита дало млекопитающим шанс, однако изменила историю именно любовь.

– Но какое, черт подери, это имеет отношение к ожогам Инари?

– Вы что, не слушали? Любовь – это изначальная энергия. Реальное соприкосновение с этой энергией ранит нас. Обжигает. Мы не можем кормиться энергией, которой коснулась любовь. К тому же это понижает нашу способность внушать похоть. Даже атрибуты любви между двумя людьми могут быть опасны для нас. У Лары, например, круглый шрам

на левой ладони – это она неосторожно чужое обручальное кольцо подобрала. Моя кузина Мэдлин взяла в руки розу, которую кто-то подарил своей возлюбленной, и шипы отравили ее так сильно, что она неделю провалялась в постели. Так вот, в последний раз, когда вы были с кем-то, – это была Сьюзен. Вы с ней любите друг друга. Ее забота, ее любовь до сих пор с вами и продолжают защищать вас.

– Если так, почему мне приходится поправлять штаны всякий раз, когда мимо проходит Лара?

Томас пожал плечами:

– Вы нормальный человек. Она хороша собой, да и вы не избалованы женской лаской. Но поверьте мне, Гарри, никто из Белой Коллегии не сможет больше полностью завладеть вашими чувствами или кормиться вами.

Я нахмурился:

– Но это было год назад.

– Если с тех пор у вас не было никого, значит след от этого все еще самый сильный.

– Как, интересно, вы определяете, любовь это или нет?

– Проще простого, Гарри. Я сразу узнаю ее, когда вижу.

– И на что она похожа?

– Вы можете владеть хоть всем миром, но, если у вас нет любви, проку от всего этого никакого, – с готовностью ответил он. – «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не

радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. <...> А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь...»

– «...Но любовь из них больше», – договорил я. – Это из Библии.

– Первое послание к коринфянам, глава тринадцатая, – кивнул Томас. – Отец заставлял нас всех запомнить эти строки. Это примерно то же самое, когда родители наклеивают яркие зеленые стикеры с гадкой мордой на ядовитые моющие средства под раковиной.

«Что ж, не лишено смысла», – решил я.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Томас отворил дверь в дальнем углу библиотеки и пропустил меня в длинную тихую комнату, щелкнув предварительно выключателем. Пол устилал мягкий серый ковер. Стены тоже были серыми. Редкие плафоны под потолком освещали ряд портретов, развешанных с равными интервалами по трем стенам.

– Вы и вправду здесь. Я и подумать не мог, чтобы вы оказались в одном из наших домов – даже в этом, недалеко от Чикаго. И я хочу, чтобы вы увидели кое-что, – негромко добавил он.

Я повернулся к ближней стене:

– Что именно?

– Портреты, – сказал Томас. – Отец всегда пишет портрет женщины, которая родила ему ребенка. Посмотрите их.

– Что я должен увидеть?

– Просто посмотрите.

Я нахмурился, но послушно двинулся вдоль стены, обходя комнату по часовой стрелке. Художником Рейт был настоящим, без дураков. Первый портрет представлял высокую женщину средиземноморского типа; судя по одежде, она жила веке в шестнадцатом или семнадцатом. Золотая табличка на раме гласила: «ЭМИЛИЯ АЛЕКСАНДРИЯ САЛАЗАР». Я перешел к следующему портрету, потом к следующему. Для того, чью основу жизни составляет кормежка на людях посредством секса, Рейт отличался относительной сдержанностью в том, что касается заведения потомства. Сколько я ни смотрел, я не нашел и двух портретов, разница во времени написания которых составляла бы меньше двух десятков лет. Зато портреты могли бы служить хорошим пособием по истории моды вплоть до наших дней.

С предпоследнего полотна на меня смотрела женщина с темными волосами, темными глазами и резкими чертами лица. Пожалуй, я не назвал бы ее безупречной красавицей, и все же ей нельзя было отказать в привлекательности – шокирующей, интригующей. Она сидела на каменной скамье – в длинной темной юбке и темно-алой рубашке. Голова чуть надменно склонена набок, губы изогнуты в ироничной улыбке, руки раскинуты и непринужденно лежат на спинке ска-

мы, словно намекая, что все вокруг принадлежит ей...

Сердце мое вдруг дернулось и забилося чаще. Очень часто! Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы прочитать надпись на золотой табличке:

МАРГАРЕТ ГВЕНДОЛИН ЛЕФЭЙ

Я узнал ее. У меня сохранилась всего одна ее фотография, но я узнал ее.

– Моя мать, – прошептал я.

Томас покачал головой. Он просунул пальцы за ворот водолазки и вытянул оттуда серебряную цепочку. Снял ее с шеи, протянул мне, и я увидел, что на ней висит пентаграмма – почти такая же, как моя.

Да нет, не почти: точно такая же!

– Не ваша, Гарри, – негромко, непривычно серьезно произнес Томас.

Я тупо смотрел на него.

– *Наша* мать, – сказал он.

Глава 21

Я все смотрел на него; сердце мое ныло от потрясения, а поле зрения сузилось, превратившись в серый туннель, в дальнем конце которого виднелся Томас. В комнате воцарилась тишина.

– Врете, – произнес я.

– Нет.

– Наверняка врете.

– Зачем? – спросил он.

– Затем, что это ваше основное занятие, Томас. Вы врете.

Манипулируете людьми и врете.

– В этом случае не вру.

– Еще как врете! И мне некогда возиться со всей этой ерундой.

Я сделал шаг к двери.

Томас заступил мне дорогу:

– Гарри, не можете же вы отмахнуться от этого.

– Посторонитесь.

– Но мы...

Глаза мне заволокло багровой пеленой от злости, и я ударил его в лицо – второй раз за последние шесть или семь часов. Он полетел на пол, взмахнул ногой и сделал мне подсечку. Я тоже грянулся об пол, и Томас навалился на меня сверху, пытаясь заломить мне руку за спину. Я подобрал но-

гу под себя и впился зубами в его руку, которую он захлестнул вокруг моей шеи. Я оттолкнул его так, что он с силой ударился о стену, и мы расцепились. Томас поднялся на ноги, угрюмо косясь на укушенную руку. Я, задыхаясь, привалился к стене.

– Это правда, – сказал он. После этой короткой потасовки он выдохся намного меньше моего. – Клянусь.

Я не удержался от слегка истеричного смешка:

– Постойте-ка, это мы уже слышали. Теперь вам положено сказать: «Спросите у своего сердца – оно подскажет, что это правда».

Томас пожал плечами:

– Вы хотели знать, почему я вам помогал. Почему рисковал ради вас. Что ж, вот вы и знаете почему.

– Я вам не верю.

– Тьфу, – устало вздохнул Томас. – Говорю же вам: правда.

Я мотнул головой:

– Кто, как не вы, говорил: вы пользуетесь людьми как орудиями. Полагаю, сейчас вы каким-то образом используете меня в борьбе против отца.

– В конечном счете может выйти и так, – ответил он. – Но помочь Артуру я вас просил вовсе не поэтому.

– Тогда почему?

– Потому что он достойный человек, который не заслужил, чтобы его убили, а сам я не в состоянии помешать этому.

С полминуты я обдумывал услышанное.

– Но это ведь не единственная причина, – сказал я наконец.

– Что вы хотите этим сказать?

– Инари. Вы прямо как с катушек слетели, когда тот вамп навалился на нее. Она-то с какого боку во всей этой истории?

Томас прислонился к стене рядом с портретом моей матери и рукой откинул упавшие на лицо волосы.

– Она еще не подвержена Голоду, – сказал он. – Но стоит ей начать кормиться – и обратного пути нет. Она станет как мы все, остальные. Отец подталкивает ее к этому. Я пытаюсь помешать.

– Зачем?

– Затем... если она в свой первый раз будет влюблена, это убьет ее Голод. Освободит ее. Думаю, она достаточно повзрослела и способна на такую любовь. Есть один молодой человек, о котором она всем уши прожужжала.

– Бобби?! – поперхнулся я. – Этот мордорот-мачо?

– Не будьте к нему слишком строги. Вот вы бы сохранили уверенность в себе, если бы вам светило целый день трахать под объективами камер на глазах у девушки, которую вам хотелось бы пригласить в ресторан?

– Вероятно, для вас это станет потрясением, но о такой возможности я даже не думал.

Томас на мгновение сжал губы:

– Если парень тоже полюбит ее в ответ, она сможет жить.

Жить, не беспокоясь о таком... – голос его сорвался, – о таком, как то, что случилось с Жюстиной. Как то, что сделал отец с остальными моими сестрами.

– Что вы хотите этим сказать? Что такого он делал с ними?

– Утверждал свое превосходство над ними. Чтобы его энергия была заведомо больше, чем у них. Его Голод сильнее, чем их Голод.

Мой желудок болезненно сжался от отвращения.

– Вы хотите сказать, он кормился собственными... – Я даже договорить не смог.

– Желаете более подробного описания? Это совершенно традиционный способ утверждения статуса в семьях Белой Коллегии.

Я поежился и покосился на портрет матери:

– Господи! Гадость какая.

Томас кивнул с мрачным и жестким выражением лица:

– Лара – одна из самых талантливых и умных людей, с какими мне доводилось встречаться. Но в его присутствии она превращается в покорную собачку. Он полностью подчинил ее своей воле. Заставил выполнять все свои прихоти – более того, молить о них. Я не позволю, чтобы то же самое случилось с Инари. Особенно теперь, когда она имеет шанс жить собственной жизнью.

Я нахмурился:

– Почему он тогда не проделал того же с вами? Не заставил стать таким же, как они?

Томас поморщился:

– Его вкусы не заходят так далеко.

– Спасибо и на том, пожалуй, – заметил я.

– Не совсем. Он не хочет, чтобы я мешался у него под ногами. Он разделается со мной – это всего лишь вопрос времени. Все его сыновья до единого погибли при таинственных обстоятельствах, не позволяющих доказать его причастность. Я первый из его потомков мужского пола, доживший до такого возраста. Отчасти благодаря вам, – он зажмурился, – отчасти благодаря Жюстине.

– Адские погремушки, – пробормотал я. Очень уж странно все оборачивалось. – Постойте, давайте проясним ситуацию. Вы хотите, чтобы я помог вам спасти девочку, сверг жестокого тирана и защитил невинных от угрожающей им черной магии. И вы хотите всего этого от меня на том основании, что вы мой пропавший единоутробный брат, которому нужна джентльменская помощь в борьбе за правое дело.

Он снова поморщился:

– Более или менее... только не столь мелодраматично.

– Нет, право же, вы надо мной смеетесь. Если это розыгрыш, то дурацкий.

– Отдайте мне должное, Дрезден, – вздохнул он. – Уж чего-чего, а разыгрывать я умею. Будь на вашем месте кто другой, я бы придумал историю получше.

– Забудьте, – сказал я. – Будь вы со мной откровенны с самого начала, может, я и помог бы. Но вся эта чушь насчет

моей матери – это уже чересчур.

– Она и моя мать, – возразил он. – Ну же, Гарри, вы ведь и сами знаете, что она не настолько чиста, как свежесвыпавший снег. Я знаю, за последние годы вам стало кое-что известно. Она была чертовски опасной ведьмой и водилась с разными дурными личностями. В том числе с моим отцом.

– Врете! – закричал я. – Как вы мне это докажете?

– А что вас убедит? – спросил он. – Доказательства хороши для тех, кто мыслит логично, а вы в данный момент на такого не очень похожи.

Злость немного отступила. Все-таки маловато я отдохнул – усталость мешала мне подогреть злость как следует. Все тело болело. Я сполз по стене и так и остался сидеть.

– Все равно чушь какая-то. – Я потер глаза. – С какой это стати ей было якшаться с вашим папашей?

– Бог ее знает, – сказал Томас. – Все, что мне известно, – это то, что у них были какие-то общие дела. Которые потом переросли в нечто другое. Отец пытался оставить ее при себе, но она оказалась сильнее, не поддалась полностью его чарам. Она сбежала от него, когда мне не исполнилось и пяти лет. Насколько мне удалось узнать, она познакомилась с вашим отцом спустя год после этого. Еще будучи в бегах.

– В бегах? От кого?

Он пожал плечами:

– От моего отца, возможно. Или от кого-то еще из Коллегии. Или от вашего Совета. Не знаю. Она впуталась в ка-

кое-то нехорошее дело и хотела из него выкарабкаться. Кто бы ни участвовал в этом с ней, они не хотели отпускать ее. По крайней мере, живой. — Он развел руки ладонями вверх. — Это почти все, что мне самому известно, Гарри. Я пытался откопать все, что вообще о ней известно. Но кто захочет говорить со мной?

Мне начало неприятно жечь веки, а в груди заныло. Я поднял взгляд на портрет матери. Даже на картине видно было, как бьет из нее жизненная сила, сколько этой жизни заключено в ней самой и в окружающей ее ауре. Только сам я этого узнать не успел. Она умерла в родильной палате.

Черт подери, неужели Томас говорил мне правду? Это могло бы объяснить, например, почему Белый Совет следит за мной так, словно я сам Люцифер в новом воплощении. Но тогда мне пришлось бы признать, что моя мать была вовлечена в грязные дела. Очень грязные дела, какими бы они ни были.

А еще это означало бы, что я не совсем один на белом свете. Что у меня есть хоть какая-то семья. Родная кровь.

От этой мысли в груди заныло еще сильнее. В детстве я мог часами фантазировать о том, какой бы стала жизнь, отыщись вдруг моя семья. Братья, сестры, заботливые родители, бабушки-дедушки, кузины-кузены, дядьки-тетки... как у всех остальных. Люди, которые держатся вместе, что бы ни случилось, потому что для этого и существует семья. Те, кто примет меня, кто обрадуется мне, возможно, даже будет

гордиться мной и желать моего общества.

Со времени смерти отца я ни разу не праздновал Рождества – слишком болезненно это было. Черт, и до сих пор болезненно!

Но если у меня все-таки обнаружилась бы семья, все еще могло измениться.

Я поднял взгляд. По лицу Томаса всегда было трудно что-либо прочесть, но я увидел в нем еще одно отражение меня самого. Должно быть, он думал примерно так же. Наверное, ему тоже бывает одиноко, как и мне. Как знать, может, он тоже мечтал о семье, которая не будет манипулировать им, держать его под контролем, не будет просто пытаться убить его.

Но я сдержал себя прежде, чем успел развить эту мысль. Слишком далеко она могла меня завести, а в таком щекотливом вопросе это было просто опасно. Какой-то частью сознания мне хотелось поверить Томасу. Очень хотелось!

Поэтому я не мог позволить себе рисковать.

– Я не лгу вам, – произнес он, помолчав.

Странно, но я даже сумел ответить ему спокойным, почти мягким голосом:

– Докажите.

– Как? – спросил он. Голос его звучал устало. – Как, черт подери, вы хотите, чтобы я доказал вам?

– Посмотрите на меня.

Он застыл, упершись взглядом в пол у моих ног:

– Я не... Я не уверен, что этим можно достичь чего-либо, Гарри.

– Ладно, – сказал я, делая попытку встать. – Как мне пройти к машине?

– Пойдите! – Он поднял руку. – Ладно. – Он поморщился. – Ох, надеялся я, что обойдется без этого. Не знаю, что вы там увидите... Не знаю, сможете ли вы после этого относиться ко мне по-прежнему.

– Ерунда, – отмахнулся я. – Только нам лучше сесть.

– Сколько времени это займет?

– Несколько секунд, – ответил я. – Хотя покажется, что дольше.

Он кивнул. Мы уселись на пол в паре футов друг от друга – у стены под портретом моей матери. Томас глубоко вздохнул и поднял свои серые глаза на меня.

Глаза – окна в душу. Причем буквально. Чей угодно взгляд в упор заставляет вас почувствовать себя довольно неудобно. Не верите – попробуйте сами: загляните в глаза совершенно незнакомому человеку и не отводите взгляда до тех пор, пока не почувствуете, как подаются барьеры между вами, заставляя вас неловко умолкнуть, а сердца – забиться чаще. Глаза многое рассказывают о человеке. Они отображают эмоции, намекают на то, какие мысли роятся за ними. Едва ли не первое, что мы учимся распознавать в младенчестве, – это глаза тех, кто заботится о нас. С колыбели мы знаем, насколько они для нас важны.

Для чародеев вроде меня эффект от взгляда в глаза кому-либо еще сильнее; он даже опасен. Взгляд в глаза рассказывает мне все о человеке, о его сути. Я вижу это с такой ясностью, такой отчетливостью, что оно навеки запечатлевается, словно выжженное у меня в голове. Я вижу тех, с кем встречаюсь взглядом, насквозь, до самого дна, – и они видят меня точно так же. При этом невозможно скрыть что-либо, невозможно обмануть. Конечно, я не вижу все до единой мысли, все до единого воспоминания, но я вижу нагую душу, нагие эмоции, и они говорят мне все о том, с кем и с чем я имею дело. Не самый тонкий инструмент, но более чем достаточный для того, чтобы понять, искренен со мной Томас или нет.

Я встретился взглядом с серыми глазами Томаса, и барьеры между нами рухнули.

Мне показалось, я стою в келье... такую могли, наверное, оставить где-нибудь на Олимпе вымершие боги. Все вокруг меня было сделано из холодного мрамора – белоснежного и угольно-черного. Пол казался огромной шахматной доской. Тут и там стояли скульптуры из такого же камня. Капители мраморных колонн терялись в полумраке над головой. Потолка я не видел. И стен тоже. Освещение выглядело необычно: серебристое, холодное. Ветер скорбно вздыхал между колоннами. Где-то вдалеке погромыхивал гром, в воздухе отчетливо ощущался запах озона.

Посередине этой богом забытой руины стояло зеркало

размером в добрые гаражные ворота. Точнее, «стояло» – не совсем верное слово: оно держалось в серебряной раме, казалось выраставшей прямо из пола. Перед зеркалом находился молодой человек с вытянутой перед собой рукой.

Я подошел поближе. Шаги мои отдавались в колоннах гулким эхом. Я приблизился к молодому человеку и пригляделся к нему. Это был Томас. Не тот Томас, каким я видел его своими глазами, и все равно я понимал, что это Томас. Эта версия не отличалась убийственной красотой. Лицо казалось чуть попроще. И взгляд производил впечатление слегка близорукого. Лицо его исказилось от боли; плечи и спина напряглись словно от непосильной ноши.

Я заглянул мимо него, в зеркало. То, что я там увидел, относилось к тем вещам, о которых я предпочел бы забыть. Однако не мог.

Комната в отражении на первый взгляд напоминала ту, в которой я стоял. Однако, приглядевшись, я понял, что материалами для нее послужили не белый и черный мрамор, а темная запекшаяся кровь и выбеленные солнцем кости. Там, в зеркале, прямо напротив Томаса стояло странное создание. Гуманоид, плюс-минус одного роста с Томасом; от кожи – шкуры? оболочки? – исходило легкое серебристое сияние. Съездившаяся, словно перед прыжком, тварь казалась гротескным чудищем из страшного сна и в то же время завораживала какой-то жуткой красотой. В ослепительно-белых глазах полыхало безмолвное пламя. Тварь не сводила с То-

маса взгляда, полного ненасытного, жадного аппетита.

Рука чудища тоже тянулась к зеркалу, и, присмотревшись, я с ужасом заметил, что она едва не на фут высовывается из его поверхности. Ее сверкающие когти впивались Томасу в руку выше запястья, и из раны капала на пол темная кровь. Томасова рука тоже утопала в зеркале – я видел, как стискивают его пальцы руку чудища. Оба боролись: Томас пытался вырваться; чудище – утащить его в зеркало, туда, в мир запекшейся крови и костей.

– Он устал, – произнес женский голос.

В зеркале появилась моя мать в свободном развевающемся платье роскошного сочного синего цвета. Глядя на безмолвную борьбу, она приблизилась. Портрет не льстил ей – жизнь и энергия переполняли ее, да и движение добавляло ей красоты по сравнению с застывшим изображением. Она оказалась довольно высокой – почти шести футов, и это в сандалиях на плоской подошве.

У меня перехватило дыхание. Я ощутил на щеках слезы:

– Ты настоящая?

– А почему должно быть иначе? – удивилась она.

– Ты можешь быть просто мыслями Томаса. Только не обижайся.

Она улыбнулась:

– Нет, детка. Это и правда я. По крайней мере, в некоторой степени. Я вас обоих подготовила к этому дню. В обоих я оставила эту свою затею – частицу того, кто я и что я. Хочу,

чтобы вы оба знали, кем приходите друг другу.

Я с трудом перевел дыхание:

– Он правда твой сын?

Мать улыбнулась, и в темных глазах ее зажглась лукавая искорка.

– Ты ведь всегда славился отменной интуицией, младшенький мой. Что она говорит тебе на этот раз?

Взгляд мой затуманился слезами.

– Что это правда.

Она кивнула:

– Верь мне. Я ведь не могу защитить тебя, Гарри. Вы должны сами позаботиться друг о друге. Твоему брату нужна твоя помощь, как и тебе – его.

– Я не понимаю, – махнул я рукой в сторону зеркала. – Что ты имела в виду, говоря, что он устал?

Мать посмотрела на Томаса:

– Девушка, которую он любил. Ее больше нет. Она была его силой. *Это* знает об этом.

– *Это?* – переспросил я.

Она кивнула в сторону зеркала:

– Голод. Его демон.

Я проследил ее взгляд. Томас-образ едва слышно выдохнул какие-то слова, и Голод в зеркале отозвался фразой на незнакомом мне, скользком языке. Я не понял ни того ни другого:

– Почему ты не поможешь ему?

– Я сделала то, что в моих силах, – ответила мать. Во взгляде ее вспыхнула темная, застарелая ненависть. – Я сделала все для того, чтобы его отец получил достойную кару за то, что он сотворил с нами.

– С тобой и с Томасом?

– И с тобой, Гарри, тоже. Рейт еще жив. Но он ослаб. Вдвоем у вас с братом есть шанс одолеть его. Ты все поймешь.

Голод прошипел Томасу еще несколько слов.

– Что он говорит? – спросил я.

– Говорит, чтобы тот сдался. Говорит, что нет смысла больше сопротивляться. Что он никогда больше не оставит его в покое.

– Это правда?

– Возможно, – кивнула она.

– Но он все равно сопротивляется.

– Да. – Она посмотрела на меня, и горечь мешалась в ее взгляде с гордостью. – Это может погубить его, но он не сдастся. Он же мой сын!

Она переместилась к самому краю зеркала и вытянула руку вперед.

Она вынырнула из зеркала, как из застывшей воды.

Я шагнул ближе, протянул руку и коснулся ее пальцев. Они оказались мягкими, теплыми. Она взялась за мою ладонь и чуть сжала. Потом подняла руку и коснулась моей щеки:

– Как и ты, Гарри. Высокий... прямо как твой отец. И мне

кажется, сердце у тебя тоже его.

Я не нашелся что ответить. Просто стоял и беззвучно плакал.

– У меня есть для тебя кое-что, – сказала она. – Если ты сам хочешь, конечно.

Я открыл глаза. Мать стояла передо мной, держа в длинных пальцах что-то вроде маленького драгоценного камня, в котором пульсировал неяркий свет.

– Что это? – спросил я.

– Способность к предвидению, – ответила она.

– Это знание?

– И сила, которая ему сопутствует, – кивнула она. И улыбнулась – как мне показалось, чуть иронично. Знакомая вышла улыбка. – Считай это материнским напутствием, если хочешь. Это не заменит тебе меня, детка. Но это все, что я могу еще тебе дать.

– Я принимаю это, – прошептал я. А что я мог еще дать ей взамен?

Она протянула мне камень. Последовали вспышка, колющая боль в голове, почти сразу же сменившаяся другой – тупой, тянущей. Почему-то меня это ни капли не удивило. За знание приходится платить болью.

Она снова коснулась моего лица.

– Я была такой высокомерной, – сказала она. – Слишком тяжелую ношу я взвалила на твои плечи, чтобы нести ее в одиночку. Я только надеюсь, что когда-нибудь ты простишь

меня за это. Но знай: я горжусь тем, кем ты стал. Я люблю тебя, детка.

– И я люблю тебя, – прошептал я.

– Передай Томасу, что его я тоже люблю. – Она снова дотронулась до моего лица; ее улыбка излучала любовь и грусть. Из ее глаз тоже струились слезы. – Удачи тебе, сын мой.

А потом рука ее ушла обратно в зеркало, и все закончилось. Я сидел на полу лицом к Томасу. Его щеки тоже блестели от слез. Мы переглянулись и разом подняли глаза на портрет матери.

Прошла секунда-другая. Я опомнился и протянул Томасу его пентаграмму на цепочке. Он взял ее у меня и надел.

– Ты ее видел? – спросил он.

Голос его дрожал.

– Угу, – кивнул я.

Старая глухая боль от одиночества захлестывала меня с головой. Но я вдруг понял, что смеюсь. Я видел – пусть Внутренним Зрением, но видел – свою мать. Я видел, как она улыбается, слышал ее голос, и это останется теперь со мной навсегда. Этого у меня не отнять никому. Это не могло полностью заменить мне одинокой жизни и защитить от горьких мыслей, но и о таком я раньше даже мечтать не мог.

Томас встретился со мной взглядом и тоже засмеялся. Щен выбрался из кармана моей куртки и принялся в восторге прыгать взад-вперед и носиться по кругу. Маленький бал-

бес не имел, конечно, ни малейшего представления о том, по какому поводу мы веселимся, но все равно с радостью принял участие в этом веселье.

Я подобрал щенка и встал.

– Я ведь ни разу не видел ее лица, – сказал я. – И голоса ни разу не слышал.

– Может, она знала, что так выйдет, – предположил Томас. – Поэтому, наверное, и сделала так, чтобы тебе это удалось.

– Она просила передать, что любит тебя.

Он улыбнулся, но улыбка вышла невеселой, горькой.

– И тебе просила передать то же самое.

– Ну, – заметил я. – Это немного меняет положение дел.

– Правда? – спросил он.

Вид у него при этом был самый что ни на есть неуверенный.

– Угу, – утвердительно кивнул я. – Я ведь не говорю, что мы должны начинать все с чистого листа. Но кое-что все-таки изменилось.

– Для меня – нет, Гарри, – сказал Томас и поморщился. – В том смысле, что... я-то и раньше об этом знал. Поэтому и старался помочь тебе везде, где мог.

– Еще как помогал, – негромко подтвердил я. – Я-то думал, ты ждешь за это каких-то услуг. А все, оказывается, не так. Спасибо.

Он пожал плечами:

– Что ты собираешься делать дальше с Артуро?

Я нахмурился:

– Защищать его и его людей, конечно. Если смогу. Что там Лара говорила насчет того, что независимое предприятие Артуро напрямую затрагивает Белую Коллегию?

– Будь я проклят, если знаю, – вздохнул Томас. – Я-то раньше думал, что они только по бизнесу знакомы.

– Твой отец никак с ним не связан?

– Отец не имеет привычки распространяться о своих делах, Гарри. И за последние десять лет мы с ним вряд ли десятком слов обменялись. Не знаю.

– А Лара?

– Она, может, и знает. Но с тех пор, как до нее дошло, что я не просто безмозглый ходячий пенис, она в разговорах со мной предельно осторожна. Мне не удалось выудить из нее ничего мало-мальски серьезного. В общем, по большей части я просто сижу, киваю с умным видом и отпускаю туманные замечания. Она полагает, что мне известно нечто такое, чего она не знает, поэтому считает мои пустые замечания загадочными. Она не выступит против меня, пока не вычислит, что именно я от нее утаиваю.

– Неплохая тактика... если только ты имеешь дело с параноиками.

– Это у нас-то, у Рейтов? Да в нашей семье паранойю можно по бутылкам разливать... по бочкам.

– А что твой отец? Владеет магией?

– Например, энтропийными проклятиями? – Томас пожал плечами. – Я слышал о всяких штуках, что он проделывал в прошлом. Кое-что из этого, возможно, недалеко от правды. Плюс к этому у него солидная собственная библиотека, которую он держит взаперти. Впрочем, он и без магии способен прихлопнуть всякого, кто его достаточно разозлит.

– Как?

– Это вроде нашего кормления. Только обычно это происходит медленно, постепенно. А в таких случаях ни времени, ни интимной обстановки ему не требуется. Одно прикосновение, поцелуй – и бац! Человек мертв. Помнишь поцелуй смерти в «Крестном отце»? Боюсь, у истоков этой фразы стоял мой папочка, только в его случае она звучала совершенно буквально.

– Правда?

– Предположительно. Сам я ни разу не видел, как он проделывает это, а вот Лара видела, и не раз. Мэдлин говорила мне как-то, что при этом он ведет непринужденную беседу, чтобы внимание жертвы, пока она еще дышит, наверняка принадлежало ему одному.

– Байки. Во всяком случае, в качестве доказательства вряд ли сойдет.

– Я знаю, – кивнул он. – Голова варит неважно. Извини.

Я мотнул головой:

– Уж кто бы бросил камень.

– Что будем делать? – спросил он. – Я... я в растерянности

какой-то. Нет, правда – не знаю, что делать.

– Мне кажется, я знаю.

– Что?

Вместо ответа я протянул ему руку.

Он принял ее, и я помог брату встать на ноги.

Глава 22

Я дождался, пока предрассветные сумерки сменились обычным серым, дождливым утречком, а потом убрался из Шато-Рейт. Пока я ждал, Томас помог мне свести воедино еще пару деталей, а кроме того, я позаимствовал у него телефон и сделал несколько звонков.

Потом мы с щенком погрузились в «жучок» и с заездом в «Макдоналдс» вернулись домой. Едва выбравшись из машины, я сразу заметил на земле несколько темных пятен. Нахмурившись, я пригляделся внимательнее. Пятна располагались упорядоченно. Кто-то пытался преодолеть заслон оберегов, выстроенных мною вокруг старого доходного дома. Прорваться ему – или им – не удалось, но от одного факта подобной попытки мне сделалось немного не по себе. Изготовив на всякий случай защитный браслет, я спустился по ступеням, однако никого раздосадованного бесплодными попытками вломиться в дом там не обнаружилось. Из-под припаркованной рядом машины моей домовладелицы возник Мистер и следом за мной спустился по лестнице.

Я быстро вошел и запер за собой дверь. Потом пробормотал заклинание, засветившее с полдюжины расставленных по комнате свечей, и встал поустойчивее, приготовившись к Мистеровым приветствиям. Как всегда, он сделал попытку сбить меня с ног, протаранив ниже колен. Устояв, я выгрузил

цена из кармана и опустил его на пол, где тот сразу же полез здороваться с Мистером, оживленно вертя хвостом. Не могу сказать, правда, чтобы это произвело на Мистера слишком большое впечатление.

Стараясь не отвлекаться, я принялся за дело. Времени у меня было слишком мало, чтобы тратить его попусту. Я сдвинул ковер, закрывавший люк в подпол, откинул крышку и спустился в лабораторию.

– Боб, – окликнул я, – что тебе удалось найти?

Мистер ступил лапой на верхнюю ступеньку стремянки. Облачко мерцающих оранжевых огоньков вытекло из его глаз, скользнуло по стремянке вниз, устремилось к черепу на полке, и глаза... точнее, глазницы Боба ожили.

– Ну и ночка выдалась, – сказал он. – Долгая, холодная. Видел место, где гужевалась пара упырей, – неподалеку от аэропорта.

– Ты Мавру нашел?

– Знаешь, Гарри, в последнее время Черная Коллегия до ужаса серьезно подходит к выбору базы для операций.

– Ты нашел Мавру?

– И то сказать, опыта у них – много столетий, – сообщил Боб. – А Чикаго – город немаленький. Это все равно что искать иголку в стогу сена.

Я смерил чертов череп по возможности ровным взглядом, да и голос постарался сохранять ровнее.

– Боб, ты единственный на тысячи миль вокруг, кто может

отыскать их. По этой части тебе цены нет – вопрос только в твоей готовности помогать другим. Я потешил твое самолюбие, да? ТЫ НАШЕЛ МАВРУ?

Боб явно обиделся:

– Знаешь, Гарри, выслушивать от тебя комплименты почему-то не доставляет мне той радости, что полагалась бы. – Он пробормотал что-то, преимущественно по-китайски. – Нет пока.

– Что? – задохнулся я.

– Но я сузил район поисков, – заявил Боб.

– Насколько сузил?

– Э... – произнес череп. – Ни в одном из стрип-клубов ее нет.

– Боб! – вскинулся я. – Ты что, весь день шатался по стрип-клубам?!

– Я заботился только о тебе, Гарри, – сказал Боб.

– Чего?!!

– Ну, на этой твоей студии чем занимаются? Вот я и хотел удостовериться, что твои нехорошие парни не воспользуются ночным временем для разминки на зрителях. Для разогрева, так сказать. – Боб кашлянул. – Ясно?

Я сощурился и несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул. Не могу сказать, чтобы это убавило злости, но, по крайней мере, она проявлялась не так резко.

– И... и тебе ведь приятно знать, что все исполнительницы... гм... эротических танцев в Чикаго живы и здоро-

вы. Стараниями твоего доброго духа-хранителя, – продолжал Боб. – Эм... Скажи, Гарри, почему это ты на меня так смотришь? Не нравится мне твой взгляд.

Я огляделся по сторонам в поисках молотка. Найдя, взял его в руку.

– Я, конечно, понимаю, что это не совсем то, зачем ты меня посылал... но и ты не можешь не признать, что это благородная задача – следить за сохранностью жизни жителей твоего города.

Я сделал пару пробных замахов. Потом снял плащ, сложил его, положил на стол и попробовал еще раз. Получилось лучше. Я снова посмотрел на череп.

– Эй, Гарри! – поспешно сказал Боб. – Я же старался изо всех сил... изо всех сил старался! Старался как лучше!

– Боб, – произнес я как мог рассудительно, – в настоящий момент меня совершенно не интересуют стриптизерши. Меня интересует Мавра.

– Ну... Да, конечно, босс. Э... да, я вижу этот молоток у тебя в руке. И чего это у тебя пальцы побелели? И взгляд какой-то напряженный?

– Ничего, – заверил я его. – Сейчас мне полегчает. Еще как полегчает.

– Ха, – не очень убедительно хохотнул Боб. – Ха-ха. Ха. Смешно, Гарри.

Я поднял молоток.

– Боб, – сказал я, – ну-ка убирай свою потустороннюю зад-

ницу из черепа. Возвращайся в Мистера. И марш на улицу, и чтобы ты нашел мне Мавру до полуночи, а не то я разнесу этот твой долбаный череп в труху, ясно?

– Но я устал, и на улице дождь, и я не знаю...

Я занес молоток и сделал шаг вперед.

– Эк!.. – поперхнулся Боб.

Облачко оранжевого света поспешно вынырнуло из черепа и устремилось обратно вверх по лестнице. Я поднялся на несколько ступенек и проследил за тем, чтобы оно втянулось в уши Мистеру, а потом я отворил им дверь, и кот исчез на улице.

Закрыв дверь, я нахмурился. Мысли роились в голове в полном беспорядке, хотя в панику я пока не ударялся. Я ощущал кое-что, чего не испытывал раньше, – этакую горечь во рту, которая время от времени проваливалась вниз, к самому желудку.

Злость и страх – к этим-то чувствам я привык давно. В конце концов, обе эти эмоции не раз спасали мне жизнь. Но это ощущение было другим – оно напоминало переживания за Мистера, когда я посылал его с Бобом, только потише, зато навязчивее, и оно не слабело от минуты к минуте.

Я решил, что это тревога за Томаса. Черт, ведь до нынешнего утра в жизни моей не было никого, кроме нескольких давних надежных друзей, нескольких знакомых по профессии, кота да еще одного-двух заклятых врагов, навещавших меня едва ли не чаще, чем друзья. Но теперь у меня отыс-

кался брат. Родная кровь, как сказал бы Эбинизер. И это меняло положение вещей.

Я привык заботиться о себе сам – не то чтобы мои друзья никогда не помогали мне, но в основном я действовал все-таки в одиночку... если не считать, конечно, целой толпы мыслей, каждая из которых уже запросто могла вогнать в депрессию. Чего стоит хотя бы мысль о могиле с беломраморным надгробием, ожидавшей меня уже пару лет на кладбище Грейсленд, – враг, подаривший мне ее, уже умер, из-за чего могила никуда не делась и была готова принять меня. Или мысль о том, что мое полное неумение устроить личную жизнь сохранит мой статус холостяка как минимум еще на несколько десятков лет. Или мысль о том, сколько нехороших парней с радостью разделались бы со мной и сколько недель пройдет, прежде чем кто-нибудь заметит мое отсутствие...

А еще мысль о старости. Одинокой. Среди чародеев не редкость жить больше трех столетий, но рано или поздно время все-таки берет свое. Рано или поздно я стану старым и немощным... возможно, уставшим от жизни. Умиравшим. И у меня не было никого, кто разделил бы это со мной или хотя бы держал мою руку в минуту душевной слабости.

Каким-то простым, но совершенно непостижимым образом наличие в моей жизни Томаса все это меняло. Кровь в его жилах была сродни моей, и осознание этого создавало между нами крепкую связь, какой я не испытывал никогда

прежде. Даже сердце начинало биться чуть сильнее при мысли об этом, дарящей мне чистую радость.

Однако, сколько бы счастья я ни испытывал, понимая, что у меня отыскался брат, было бы идиотизмом не осознавать и оборотной стороны медали.

После стольких лет одиночества у меня появился брат.

И я запросто могу потерять его.

Чем больше я об этом думал, тем больше становилось. Похоже, я начал понимать, что это такое – тревожиться за близких.

Я захлопнул люк в мастерскую и прикрыл его ковром. Потом пошарил в кухонном шкафу, пока не нашел пузырек с аспирином. Щен следовал за мной по пятам и напал на шнурки от моих башмаков, стоило мне остановиться. Я отвинтил крышку, прожевал три таблетки и проглотил, не запивая. Я слышал, так вредно для желудка, зато лучше усваивается.

Я поморщился, снова потер виски и попытался обуздать шквал эмоций. Мне предстояло заниматься делом, и, если я хотел остаться в живых, голова должна быть ясной. Первым делом я произвел инвентаризацию проблем.

Множественные мелкие травмы и отчаянная головная боль от удара Инари.

С одной стороны, от меня скрывался загадочный автор немного неповоротливых, но все же смертоносных заклятий.

С другой – кровожадный вампир и его шайка головорезов.

Не стоило забывать, конечно, и о спокойном, невозмутимом наемнике, который собирался убить меня, если я не расплачусь с ним. А я пока представления не имел, откуда взять деньги.

Ничего себе положеньице. А ведь еще только утро. Как-то я сомневался, чтобы по мере приближения к вечеру я чувствовал себя бодрее. Это означало, что умнее всего было бы атаковать проблемы в лоб, причем прямо сейчас, безотлагательно, пока голова еще не совсем отупела.

И кстати, стоило пошевелиться, пока нехорошие парни не собрались и не пришли опять по мою душу.

Черт! Если б я только знал, *куда* мне двигаться.

И еще – если бы не это противное ощущение, что я, возможно, уже опаздываю.

Глава 23

Я подождал на стоянке возле Управления чикагской полиции, пока приехала из спортзала Мёрфи. Она явилась на мотоцикле, во всем положенном снаряжении: тяжелые башмаки, черный шлем, темная кожаная куртка. Она заметила мою машину и свернула на свободное место рядом со мной. Движок ее мотоцикла испустил довольный львиный рык и стих. Мёрфи соскочила с седла и сняла шлем. Потом тряхнула головой, рассыпав светлые волосы, – очень, надо сказать, милое зрелище.

– Доброе утро, Гарри.

При звуках ее голоса щенок забарахтался у меня в кармане. Наконец ему удалось выставить мордашку наружу и повернуть ее, счастливо ухмыляясь, в сторону Мёрфи.

– Доброе, – откликнулся я. – Вид у тебя ничего, бодрый.

– Вполне, – согласилась она, потрепав щена по голове. – Иногда я забываю, как это здорово – проехаться на мотоцикле.

– Девушки вообще это любят, – заметил я. – Мотор трещит, все такое.

Голубые глаза Мёрфи возмущенно вспыхнули.

– Свинья. Тебе ведь доставляет удовольствие видеть во всех женщинах только демографические единицы, да?

– Я не виноват, Мёрф, что женщинам нравятся мотоцик-

лы. В сущности, это ведь большие вибраторы. С колесами.

Она попыталась было сохранять сердитый вид, но против воли хихикнула и тут же расцвела в широкой улыбке.

– Ну ты и извращенец, Дрезден! – Она пригляделась ко мне и нахмурилась. – Что-то не так?

– Так, заработал вчера немного колотушек, – кивнул я.

– Я ведь видела тебя поколоченным раньше. Что-то еще.

Мёрф знает меня слишком давно.

– Личные дела, – вздохнул я. – Пока не могу рассказать.

Она кивнула и промолчала.

Пауза затянулась, и я нарушил ее первым:

– Я тут узнал, что у меня, возможно, есть семья.

– О... – Она нахмурилась, но по-дружески, заботливо, а не как недовольный коп. – Ну, не буду давить. Если сам захочешь поговорить об этом...

– Не сейчас, – сказал я. – Не сегодня утром. У тебя есть еще время перехватить завтрак со мной?

Она покосилась на часы, потом на зрачок камеры видеонаблюдения, потом – предостерегающе – на меня:

– Это о том деле, что мы с тобой обсуждали?

Ясно... У стен есть уши. Она права, говорить лучше индифферентно.

– Угу. Надо бы нам встретиться еще с одним специалистом по решению проблем, чтобы обсудить ситуацию.

Она кивнула:

– Получил информацию?

– Вроде того, – кивнул в ответ я.

– Что ж. Ты ведь знаешь, как я жду не дождусь семейного пикника, но пару минут выкрою. Где ты хотел поесть?

– «МДО».

Мёрфи вздохнула:

– Моя талия ненавидит тебя, Дрезден. И задница.

– Подожди, пока она не усядется в мою шикарную тачку.

Мы забрались в машину, и я сунул щена в коробку на месте заднего сиденья, в которую предварительно напихал валявшихся на полу салона тряпок. Он принялся сражаться с носком. Мне показалось, что носок побеждает. Мёрфи наблюдала за этим со счастливой улыбкой.

По причине субботнего утра я ожидал, что «Международный дом оладий» будет набит под завязку. Я ошибался. На деле около четверти зала выгородили ширмой-гармошкой, зарезервировав места для кого-то, и все равно часть оставшихся столиков пустовала. Привычное радио тоже молчало. Завтракавшие посетители поглощали пищу почти в полном молчании, так что едва ли не единственным звуком было пошвакивание столовых приборов о тарелки.

Мёрфи оглянулась на меня, потом, хмурясь, осмотрела зал. Руки она сложила на животе – так, что правая находилась в непосредственной близости от наплечной кобуры.

– Что не так? – спросила она.

Взгляд мой привлекло движение в зарезервированном углу. Кинкейд поднялся из-за столика и помахал нам. Долговя-

ый наемник оделся на этот раз в серое и неярко-голубое... в общем, в нейтральные цвета; волосы его были по обыкновению стянуты в хвост и убраны под бейсболку.

Я кивнул и подошел к его столику за ширмой; Мёрфи не отставала от меня.

– Утро доброе, – сказал я.

– Дрезден, – отозвался он. Взгляд его ледяных глаз скользнул по Мёрфи. – Надеюсь, вы не против того, что я попросил место потише?

– Отлично. Кинкейд, это Мёрфи. Мёрф, это Кинкейд.

Кинкейд не удостоил ее вторым взглядом. Вместо этого он задвинул за нами ширму-гармошку:

– Вы сказали, это будет деловая встреча. Кой черт вы пришли с подружкой?

Нижняя челюсть Мёрфи напряглась – она явно сжала зубы.

– Это не подружка, – возразил я. – Она идет с нами.

Мгновение Кинкейд смотрел на нас изваянием из камня и льда. Потом расхохотался:

– Я слышал, вы занятный тип, Дрезден. Нет, серьезно, что она здесь делает?

Глаза у Мёрфи побелели от злости.

– Не уверена, что мне нравится ваше воспитание.

– Не сейчас, киска, не сейчас, – улыбнулся Кинкейд. – У нас деловой разговор с твоим парнем.

– Он *не мой* парень! – рявкнула Мёрфи.

Кинкейд перевел взгляд с Мёрфи на меня и обратно:

– Вы надо мной смеетесь, Дрезден. Это вам не в бирюльки играть. Если мы играем в игры с Черной Коллегией, у меня нет времени сидеть нянькой при этой Поллианне. И у вас, кстати, тоже.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Мёрфи мне башку отвертела бы, вздумай я защищать ее в ситуации, когда, по ее мнению, она могла без этого обойтись. Напротив, я слегка отодвинулся от них.

Мёрфи посмотрела на Кинкейда в упор:

– Теперь я уверена. Мне не нравится ваше воспитание.

Кинкейд раздвинул губы в ухмылке-оскале и приподнял левую руку, демонстрируя Мёрфи торчавшую из-под куртки кобуру:

– С удовольствием поболтаю с тобой за завтраком, конфетка. Почему бы тебе пока не найти себе детский стульчик?

Мёрфи даже не моргнула, только взгляд ее скользнул с лица Кинкейда на кобуру и обратно.

– В самом деле, почему бы нам не присесть? Зачем нам неприятности?

Ухмылка Кинкейда сделалась еще шире; не могу сказать, чтобы это выражение его лица мне нравилось. Он положил ей лапищу на плечо:

– Это игра для больших мальчиков, принцесса. Поэтому будь умницей, сходи посмотри себе ленточки, феньки какие-нибудь.

Мёрфи покосилась на лежавшую на ее плече руку. Голос ее сделался бархатным, но будь я проклят, если от этого он показался хоть чуточку слабее.

– Это квалифицируется как нападение. Я вас предупредила. Больше повторять не буду. Не прикасайтесь ко мне.

Лицо Кинкейда перекопилось от гнева, и он толкнул ее в плечо:

– Пошла вон отсюда, курва!

Мёрфи и правда не стала повторять дважды. Молниеносным движением рук она перехватила его запястье, лишила его равновесия, присев, потом резко повернулась и отшвырнула его. Кинкейд перекатился через стол и грянулся о стену. Правда, он мгновенно повернулся к ней, и рука его дернулась к пистолету.

Мёрфи зажала его правую руку локтем, а волшебным образом оказавшийся у нее в руке ее собственный пистолет уперся ему в подбородок.

– Ну-ка назовите меня так еще раз, – все тем же бархатным голосом произнесла она. – Я предупреждала. Предупреждала ведь?

Злость исчезла с лица Кинкейда так быстро, как может исчезать только наигранная. На ее месте обозначилась легкая улыбка, даже ледяные глаза его немного оттаяли.

– Нет, она мне нравится, – заявил он. – Я слышал о ней кое-что, но мне хотелось поглядеть самому. Эта мне нравится, Дрезден.

Готов спорить, при виде симпатичной женщины он всегда хватается за пушку.

– Может, хватит говорить о ней так, будто она не стоит здесь, тыча в вас пистолетом?

– Может, вы и правы, – согласился он.

Потом повернулся лицом к Мёрфи и поднял руку ладонью вверх.

Она освободила его правую руку, опустила пистолет и, продолжая хмуриться, отступила на шаг. Кинкейд положил свой пистолет и уселся, опустив лапищи на стол рядом с оружием.

– Надеюсь, вы не чувствуете себя оскорбленной, лейтенант, – улыбнулся он ей. – Мне просто необходимо было удостовериться, что вы и впрямь соответствуете своей репутации, – прежде чем мы продолжим свои игры.

Мёрфи смерила меня своим фирменным взглядом «ну-и-идиот-же-ты-Гарри», а затем с непроницаемым выражением снова повернулась к Кинкейду:

– Теперь вам полегчало?

– Я вполне удовлетворен, – кивнул Кинкейд. – Вас не слишком сложно завести, но действуете вы, по крайней мере, грамотно. Это у вас «беретта»?

– «Сиг», – буркнула Мёрфи. – У вас имеются лицензия и разрешение на ношение оружия?

Кинкейд невозмутимо улыбнулся:

– Разумеется.

– Еще бы, – фыркнула Мёрфи. Некоторое время она молча смотрела на Кинкейда. – Давайте-ка с самого начала договоримся. Я коп и остаюсь копом. Это кое-что для меня значит, ясно?

Он задумчиво посмотрел на нее:

– Это я о вас тоже слышал.

– Мёрф. – Я сел за столик. – Хочешь что-нибудь сказать ему, говори мне. В настоящий момент я его наниматель.

Она скептически выгнула бровь:

– И ты уверен, что все его действия будут укладываться в рамки закона?

– Кинкейд, – повернулся я к нему, – никакого мочилова без предварительной договоренности со мной. Идет?

– Слушаюсь! – гаркнул Кинкейд.

Я покосился на Мёрфи:

– Слышала?

Взгляд ее, обращенный к Кинкейду, не сделался одобрителнее, но она кивнула и подвинула стул, чтобы сесть. Кинкейд вежливо привстал. Мёрфи испепелила его взглядом. Кинкейд сел. Она снова сделала попытку сесть, и на этот раз привстал я. Она уперла руку в бедро и свирепо покосилась на меня:

– Твои старания казаться хитрозадым галантностью не считаются.

– Она права, – согласился Кинкейд. – Валяйте, лейтенант, садитесь. Мы не будем вежливыми.

Мёрфи насупилась, но села. Я все-таки сделал попытку встать, но она толкнула меня под колени, и я плюхнулся обратно на стул.

– Ладно, – сказала она. – Так что нам известно на сегодня?

– Что я подыхаю с голоду, – ответил я. – Подождите минутку.

Я отложил дела до тех пор, пока мы не заказали завтрак, а официантка не принесла его в наш выгороженный угол. Задвинув за ней ширму, мы принялись за еду.

– Ладно, – сказал я, правда с набитым ртом это вышло не совсем разборчиво. И можете говорить что хотите про всякие калории и холестерин: чего-чего, а оладьи в «МДО» делать умеют. – Мы сегодня собрались, чтобы обменяться информацией и уточнить план.

– Найти их, – сказала Мёрфи.

– И убить, – добавил Кинкейд.

– Угу. Вот именно, – кивнул я. – Хотелось бы сделать особый упор на втором.

– Не совсем согласен, – возразил Кинкейд. – Весь мой жизненный опыт говорит о том, что почти невозможно убить кого-то, не зная, где он находится. – Он выразительно повел бровью и оторвал взгляд от еды. – Вы узнали, где они?

– Нет еще, – признался я.

Кинкейд покосился на часы и принялся за еду:

– У меня график.

– Знаю, – заверил я его. – Сегодня найду.

– До заката, – уточнил Кинкейд. – Идти на них в темноте – чистое самоубийство.

Мёрфи нахмурилась еще сильнее:

– И как прикажете относиться к такому подходу?

– Как к чисто профессиональному. У меня в полночь самолет – другой контракт.

– Дайте-ка уточнить, – не унималась Мёрфи. – Вы вот так просто улетите, потому что эти твари-убийцы не укладываются в ваш график?

– Да, – согласился Кинкейд, не отрываясь от еды.

– И вас не волнует, что из-за них могут погибнуть невинные люди?

– Не слишком. – Кинкейд отхлебнул кофе.

– Как вы можете так говорить?

– Легко, потому что это правда. Невинные люди погибают все время. – Кинкейд звякнул ножом по тарелке, подбирая яичницу с беконом. – Более того, у них это выходит лучше, чем у этих ваших тварей-убийц.

– Господи, – произнесла Мёрфи и посмотрела на меня. – Гарри, я не желаю работать с этой задницей.

– Спокойно, Мёрф, – сказал я.

– Нет, я серьезно. Ты же не в состоянии его контролировать.

Я потер бровь большим пальцем.

– Мёрф, мир вообще жестокое место. И не Кинкейд его таким сделал.

– Ему на все плевать, – не успокаивалась Мёрфи. – Ты уверен, что тебе нужен человек, которому плевать на все, пусть даже мир провалится в тартарары?

– Но он же согласился идти с нами и драться, – возразил я. – А я согласен ему платить. Он профессионал. Он сделает все как надо.

Кинкейд ткнул в мою сторону пальцем и кивнул, не прекращая жевать.

Мёрфи тряхнула головой:

– А водитель?

– Будет позже сегодня, – заверил я ее.

– Кто он?

– Ты его не знаешь. Я ему доверяю.

Секунду-другую Мёрфи молча смотрела на меня, потом кивнула:

– Кто нам противостоит?

– Вампиры из Черной Коллегии, – ответил я. – Как минимум двое. Возможно, больше.

– Плюс поддержка смертных, – добавил Кинкейд.

– Они могут швырять машины одной левой, – сказал я. – Они стремительны. Как... как Джеки Чан в кино. На равных нам с ними не совладать, поэтому вся штука в том, чтобы напасть на них при свете дня.

– Они будут спать, – заметила Мёрфи.

– Может, и нет, – сказал Кинкейд. – Те, что постарше, умеют обходиться и без этого. Мавра вполне способна оставать-

ся начеку.

– Более того, – добавил я, – она умеет колдовать. Если не как чародей-профессионал, то как средней руки чернокнижник.

Кинкейд вдохнул и выдохнул через нос. Он прожевал то, что было у него во рту, и проглотил.

– Черт, – только и сказал он, прежде чем откусить еще.

Мёрфи нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду: «как чернокнижник»?

– Это в некотором смысле наши профессиональные термины, – пояснил я. – Довольно много людей умеют колдовать помаленьку. Ну, всякие там мелочи. Но иногда кое-кто из этой мелюзги набирается сил или находит источник энергии, и тогда это может представлять собой угрозу. Чернокнижник – это тот, кто способен натворить своей магией всяких довольно серьезных пакостей.

– Как тот Человек-Тень, – кивнула Мёрфи. – Или Кравос.

– Угу.

– В таком случае хорошо, что с нами чародей, – сказал Кинкейд.

Мёрфи посмотрела на меня.

– Чародей – это тот, кто при необходимости может использовать магию для разрушения, но может делать и много всякого другого, – пояснил я. – Власть чародея не ограничивается умением взрывать все к чертовой матери или вызывать демонов. Хороший чародей может использовать свои магиче-

ские способности почти любым мыслимым образом. В чем, собственно, и заключается проблема.

– О чем это ты? – не поняла Мёрфи.

– Мавра чертовски лихо управляет с завесами, – сказал я, обращаясь больше к Кинкейду. – Нет, правда лихо. И вчера ночью устанавливала ментальную связь на расстоянии – немаленьком.

Кинкейд перестал жевать.

– Ты хочешь сказать, что эта твоя вампирша – чародей? – спросила Мёрфи.

Кинкейд смотрел на меня.

– Возможно, – ответил я. – Очень даже возможно. Этим, кстати, можно объяснить и то, как ей удалось выжить до сих пор.

– Вся эта операция напоминает прогулку с финишем в городском морге, – сказал Кинкейд.

– Хотите выйти из игры?

Пару секунд он молчал, потом мотнул головой:

– Я просто к тому, что, если Мавра бодрствует и дееспособна и если она в состоянии разбрасываться крупнокалиберными заклятиями в ближнем бою, мы с тем же результатом просто можем напиться стрихнина с ромом. Сэкономим на прогулке.

– Вы ее боитесь, – заметила Мёрфи.

– Именно так, – согласился Кинкейд.

Она снова нахмурилась:

– Гарри, а ты можешь справиться с ее магией? Как ты проделал тогда, с Кравосом?

– Это зависит от того, насколько она сильна, – заметил я. – В принципе, чародей должен ее одолеть. Скорее всего – да.

Кинкейд покачал головой:

– Магический блок... видел я такое. Один раз видел, как это не сработало. Все погибли.

– Кроме вас? – спросил я.

– Я прикрывал их с тыла. У нашего заклинателя голову в пыль разнесло. Я едва выскочить успел. – Кинкейд погонял кусок сосиски вилкой по тарелке. – Даже в случае, если вам удастся заблокировать ее, справиться с Маврой будет непросто.

– Поэтому вы столько и запросили, – кивнул я.

– Верно.

– Пойдем по стандартным рекомендациям Стокера, – сказал я. – Чеснок, кресты, святая вода. Должно сработать.

– Эй, – оживилась Мёрфи. – Гарри, помнишь, ты говорил мне о солнечном свете в кармане? Ну, про тот носовой платок, который ты использовал против Бьянки несколько лет назад?

Я поморщился.

– Не могу, – коротко ответил я.

– Почему не можешь?

– Невозможно это, Мёрф. Не важно почему, но невозможно. – Я снова перевел разговор ближе к делу: – Нам необхо-

димосдерживать Мавру до тех пор, пока мы не разделаемся с ее головорезами. Потом разберемся с ней. Вопросы есть?

Кинкейд значительно кашлянул и кивнул в сторону стола, на которой официантка выложила счет. Я нахмурился и порылся в карманах. У меня хватило денег оплатить его – только потому, что на дне двух разных карманов обнаружилось два четвертака. Я выложил деньги на стол. На чаевые у меня уже не хватило.

Кинкейд внимательно посмотрел на кучку мятых купюр и мелочи, потом на меня. Очень мне не понравился его взгляд: отстраненный, оценивающий. Кое-кому сделалось бы от такого крепко не по себе. Например, тому, кто согласился заплатить черт знает сколько денег, которых у него нет.

– Раз так, пока всё, – сказал я, вставая. – Приготовьте все, что необходимо, соберемся сегодня ближе к вечеру. Я хочу напасть на них сразу, как только узнаю, где они.

Кинкейд кивнул и снова занялся едой. Я вышел. Стоило мне повернуться к Кинкейду спиной, как у меня начало чесаться между лопатками. Мёрфи догнала меня, и мы направились к «жучку».

Всю дорогу обратно к полицейскому управлению мы с Мёрфи молчали. Только когда я затормозил на стоянке перед ее корпусом, она окинула взглядом салон и нахмурилась:

– Что это у тебя с машиной?

– Плесенные демоны.

– Ох.

– Мёрф?

– А?

– Ты в порядке?

Она на мгновение крепко сжала губы:

– Пытаюсь приспособиться. Умом я, конечно, понимаю, что мы делаем единственное, что можем в этой ситуации. Но, понимаешь, я защищала порядок с тех лет, когда мне пить еще запрещалось... и все эти ковбойские штучки представляются мне... неправильными какими-то, что ли. Хорошие копы так не поступают.

– Мне кажется, это зависит от того, что за коп, – сказал я. – Мавра и ее шайка ставят себя выше закона, Мёрф, причем во всех отношениях. Поэтому единственный способ остановить их – это убрать их так же бесцеремонно, как поступают они сами.

– Здесь, – Мёрфи постучала пальцем по лбу, – я это понимаю. Но вот здесь, – она стукнула себя кулаком в грудь, – я с этим не согласна. – Она помолчала немного. – Вампиры – не проблема. С ними я как-нибудь разберусь. С радостью. Но ведь, кроме них, будут и люди. Вот не знаю, достанет ли мне решимости нажать на спуск, если рядом окажутся люди, которые смогут пострадать. Я присягала защищать их, а не ловить под перекрестный огонь.

Я не нашелся что ответить.

– Могу я спросить у тебя кое-что? – спросила она после паузы.

– Разумеется.

Она внимательно посмотрела на меня, продолжая сосредоточенно хмуриться:

– Почему ты не можешь повторить эту штуку с солнечным светом? Она ведь пришлась бы как нельзя более кстати. Это не похоже на тебя – называть что-то нереальным.

Я пожал плечами.

– Я уже пробовал пару лет назад, – сказал я. – Сразу после начала войны. Оказалось, для того чтобы завернуть солнечный свет в носовой платок, ты должен быть в этот момент совершенно счастлив. Иначе ничего не выйдет.

– Ох, – вздохнула Мёрфи.

Я снова пожал плечами.

– Я, наверное, буду на пикнике в парке у Волчьего озера, – сказала Мёрфи. – Но я захвачу пейджер.

– Хорошо. Извини, что не получилось втянуть тебя в какую-нибудь жуткую, порочную и кровожадную историю вовремя.

Она улыбнулась – скорее глазами, чем губами.

– До скорого, Гарри, – сказала она и выбралась из машины. Потом покосилась на часы и вздохнула. – Минус два часа – отсчет пошел.

Я моргнул, глядя на нее:

– Упс...

Мёрфи скептически покосилась на меня:

– Чего?

– Упс, – повторил я. Какая-то мысль сгущалась у меня в голове, но я никак не мог ухватить ее за хвост. – Отсчет... вот сукин сын.

– О чем это ты?

– Ты нашла полицейские отчеты о тех двух женщинах в Калифорнии?

Мёрфи удивленно подняла бровь, но все же кивнула:

– У меня в машине. Подожди минутку.

Я услышал, как она открывает багажник, потом хлопает крышкой. Мёрфи вернулась с пухлой картонной папкой и протянула ее мне.

Я пробежал глазами по отчетам. По мере того как я читал, возбуждение нарастало.

– Вот! – Я ткнул пальцем в абзац распечатки. – Теперь я знаю, как они это проделывают. Вот черт, мог бы и раньше догадаться.

– Как они проделывают? – переспросила Мёрфи. – Что?

– Сглаз, – буркнул я, с трудом сдерживаясь от охватившего меня возбуждения. – Малоккио. Проклятие, поражающее людей Геносы. Оно связано с таймером.

Она склонила голову набок:

– Оно что, действует автоматически?

– Нет-нет, – взмахнул я руками. – Просто оно происходит строго по графику. Обе погибшие женщины убиты утром, незадолго до десяти. – Я закрыл глаза, припоминая информацию, которую дал мне Геноса. – Точно... девять сорок

семь и девять сорок восемь. Обе погибли в одно и то же время.

– Не совсем одно и то же, Гарри.

Я нетерпеливо махнул рукой:

– Одно. Готов поспорить. Зафиксированное в протоколе время установлено полицейскими – им плюс-минус минута ничего не меняет.

– Но почему это так важно? – удивилась Мёрфи.

– Потому что эти два несчастных случая в Чикаго имели место в одиннадцать сорок семь, да и вчерашняя история – тоже чертовски близко к этому времени. Прибавь к калифорнийскому времени два часа разницы в поясах. Проклятие посылалось в одно и то же время. За тринадцать минут до полудня или до полуночи.

Цепочка в голове моей выстроилась вполне убедительная.

– Адские погремушки! – выдохнул я.

– Я не буду просить у тебя объяснений всякий раз, когда ты застываешь вот так, Гарри, – ты и сам, черт подери, знаешь, что я ни хрена не понимаю, о чем ты говоришь и что все это означает.

– Это означает, что убийца не сам наводит проклятие, – буркнул я. – Я хочу сказать, действовать именно так нет необходимости, если только у него не остается выбора. Убийца пользуется ритуальной магией. У него – или у них – есть спонсор.

– Ты хочешь сказать, финансовый? – не поняла Мёрфи.

– Нет, – мотнул головой я. – Который час?

– Десять тридцать, – ответила Мёрфи.

– Ага, – прошипел я, вставляя ключ в замок зажигания. –

Если я пошевелю задницей, у меня есть еще шанс успеть.

– Успеть?

– Защитить Геносу и его людей, – бросил я. – Энтропийное проклятие обрушится на них через час с копейками.

Я вдавил газ в пол.

– Только на этот раз я буду начеку! – крикнул я ей в опущенное окно.

Глава 24

Я ожидал застать Геносу в чудовищном виде, однако, похоже, монополия на кошмарно проведенную ночь принадлежала мне – надеюсь, временно. Когда я, задыхаясь, ворвался в студию, он ждал меня в дверях, одетый в брюки и теннисную рубашку, безукоризненно причесанный и приветливый. Едва выбравшись из «жучка», я удостоился еще одного европейски крепкого объятия.

– Малоккио – оно ведь снова случилось? – произнес он. – Верно? Вчера, когда вы вдруг убежали?

– Угу, – кивнул я, переводя дух.

Он облизнул губы:

– Кто?

– Инари. С ней все в порядке.

Аргуро изумленно моргнул несколько раз:

– Инари? Но это же безумие какое-то. Она-то чем может кому-либо грозить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.